

Институт регионального консалтинга — студентам

Эволюционное страноведение:

материалы к курсу

Часть 1. Смена траектории регионального
и странового развития: разбор примеров

Эволюционное страноведение: материалы к курсу

**Часть 1. Смена траектории
регионального и странового развития:
разбор примеров**

Издательские решения
По лицензии Ridero
2022

УДК 32
ББК 66
Э15

2-е издание, исправленное и дополненное

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

- Эволюционное страноведение: материалы к курсу : Часть 1.**
Э15 Смена траектории регионального и странового развития: разбор примеров. — [б. м.] : Издательские решения, 2022. — 162 с.
ISBN 978-5-0055-6343-9 (т. 1)
ISBN 978-5-0055-6344-6

Пособие по курсу «Эволюционное страноведение» содержит материалы анализа экономических реформ в разных странах и регионах. Пособие будет полезно и в других курсах для понимания возможностей применения тех или иных инструментов экономического развития на конкретной территории. Настоящая книга — второе издание пособия. По сравнению с более ранним вариантом добавлена третья часть — материалы по теории эволюционного страноведения.

УДК 32
ББК 66

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0055-6343-9
ISBN 978-5-0055-6344-6

Введение

Многие годы мы привлекали к своим проектам студентов и выпускников кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ — и как правило, это ребята увлеченные, с широким кругозором. Однако чего традиционно не хватает выпускникам — так это умения применять на практике изученные теории и концепции, методы и подходы к исследованию. Именно поэтому мы решили внести посильный вклад в подготовку студентов, начав публикацию серии учебных материалов «на стыке» академического образования и практики.

Открывает серию брошюра, которую составили, в основном, работы самих студентов, выполненные в ходе курса «социально-экономическая география зарубежных стран» под руководством Надежды Замятиной, одновременно замдиректора Института регионального консалтинга и преподавателя МГУ. Это результаты выполнения творческого задания по определению факторов «приживаемости» реформ в сфере трансформации экономики стран (или их регионов). Задача трансформации экономики, ее осовременивания до сих пор не имеет универсального решения. Мы предложили гипотезу, согласно которой условием эффективности реформ должно быть совпадение парадигмы, в которой они были разработаны (например, в самом общем виде, индустриальная или креативная экономика) — и те ресурсы, технологии, инфраструктура и институты, которые есть в реформируемой стране (регионе) и могут использоваться в качестве базы развития. Очевидно ведь, что развитие нанотехнологий едва ли возможно в странах, которые в известной типологии В. В. Вольского политкорректно названы «молодыми осво-

бодившимися». Уже более ста лет научному спору о возможности прыжка страны через несколько стадий (старшее поколение хорошо помнит идею прыжка от аграрного общества сразу в коммунизм). Задача проверить возможность таких «перескоков» и была поставлена студентам. Полагаем, что такое столкновение научных концепций с практикой реформ позволит студентам более живо и более глубоко понять как сами научные концепции, так и пределы их применения.

Задача была сложная. Сначала — понять, какому технологическому укладу соответствовала та или иная территория (а заодно — каков там был набор ресурсов, уровень развития инфраструктуры, каковы местные ценности и институты)? И далее: в духе какого технологического уклада проводились реформы? Не промахнулись ли авторы реформ со временем? Адекватны ли были меры месту и времени, где они проводились? Выполнив работу, студенты-выпускники кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени Ломоносова 2021 года собрали хороший материал для будущих поколений: отталкиваясь от приведенных примеров, можно идти дальше — к понимаю современных закономерностей развития стран и регионов мира.

Мы благодарны всем участникам этого «учебного эксперимента». В пособие включены наиболее удачные работы, которые демонстрируют важность кропотливого учета всего набора условий, которые только вместе (подобно вершинам известного ромба Майкла Портера в сфере международной конкуренции) могут обеспечить успех развития: это технологии, инфраструктура, ресурсы (включая человеческий капитал) и, конечно, институты и ценности. Поскольку единой методики анализа этой «матрицы» пока нет, во многих работах оставлены студенческие рассуждения, и даже спорные выводы. Но коль скоро данный текст задумывался как приглашение к размышлениям, спорные моменты и даже «недодумки» не только не мешают вы-

полнению данной задачи, но даже и разжигают зачастую азарт нового поиска. Особенно ценным редактор полагает небольшие, но интересные находки о местных факторах, определивших особенности реформ — вроде балкона калужской администрации, как нельзя лучше рифмующийся с идеей известной исследовательницы географии инноваций М. Фельдман о том, что «идеи лучше пересекают коридоры и улицы, чем материки и океаны» [Feldman, 1994] (и ведь именно ради стимулирования обмена идеями развернута была новая урбанистика третьих пространств, коворкингов и т.п.). Подобные мелочи если и не определяют само течение процесса, то зачастую подсказывают исследователю его характер, направление поиска. Поэтому умение видеть подобные детали — почти неотъемлемое качество глубокого исследователя. Надеемся, что работа с деталями в приведенных примерах позволит натренировать это качество уже в студенческие годы.

Особая благодарность Веронике Мельниковой, студентке кафедры уже следующего поколения, в ходе производственной практики с энтузиазмом выполнившей весь объем технической работы по подготовке издания. Отдельная благодарность Федору Чернецкому, автору одного из разделов, подготовившему переиздание книги.

По нашему мнению, эти материалы будет полезно использовать в только что введенном на географическом факультете курсе «Эволюционное страноведение» в качестве учебного пособия — сборника кейсов активных трансформаций траекторий развития стран и регионов — в размышлении о создании полноценной «матрицы возможностей» таких преобразований.

Анализу конкретных кейсов предпослана вводная часть «Матрица территории» (автор Н. Ю. Замятина) — суммирующая, в общих чертах, представления современной социально-экономической географии о возможностях трансформации траектории развития стран и регионов мира исходя из наличия ресурсов и инфраструктуры,

особенностей технологий и институтов. Данная часть является теоретическим введением в часть студенческих исследований. Подана она, однако, в популярной форме — с заботой о том, чтобы пособие могло быть интересно и непрофессионалам.

Искренне надеемся, что собранные материалы послужат для вдохновения молодых исследователей социально-экономического развития стран и регионов мира и, конечно, нашей обширной России.

Н. Ю. Замятина, А. Н. Пилясов

Часть 1. «Матрица территории», или в поисках современных факторов социально-экономического развития стран и регионов

«Надевай, — сказал я, доставая из багажника резиновые сапоги, — пойдем смотреть участок под твой завод». Это интервью во время работы в Тверской области с главным «драйвером» развития индустриального парка «Боровлёво» Сергеем Рожковым долгое время не давало мне покоя, хоть пиши статью «Резиновые сапоги как фактор инвестиционной привлекательности в России». И в общем, не даром. Стандартные факторы вроде стоимости рабочей силы, сырья и энергии для привлечения инвестиций важны, но зачастую решающими оказываются так называемые институциональные факторы. В случае «Боровлёво» (когда в чистом поле под Тверью буквально в одночасье выросли шведский подшивниковый завод, завод по обжарке кофе, новый полиграфкомбинат, а неподалеку и экскаваторный завод «Хитачи»), а также и в случае более широко известного «Калужского чуда» (когда Калуга «на ровном месте» стала крупным центром автомобилестроения) именно они оказали решающее воздействие: очевидно, что практически во всех регионах Подмосковья прочие факторы были более-менее идентичны.

Институциональные факторы долгое время вызывали страх отечественных исследователей, в них сложно увидеть рациональное, поддающееся научному анализу, начало. Действительно, кто-то инвестирует «просто» в свою

родину — где, в общем, нет никаких других факторов инвестиционной привлекательности. Кого-то вот так, за руку, и вовремя снабжая резиновыми сапогами и прочим необходимым, обеспечивает, что называется «сопровождение инвестора». Где-то у жителей, казалось бы, насквозь депрессивного городка у самих хватает сил и идей вдохнуть жизнь в местную экономику.

«О чем это Вы, не путаете ли вы, Надежда Юрьевна, науку и практику, о страноведении ли речь во всех этих примерах?» — так и слышу потенциальное недоумение коллег. Не путаю. Просто говорю об актуальных факторах социально-экономического развития, совокупно определяющих благополучие стран и их регионов, — и здесь работы зарубежных коллег удивительно переплетаются с примерами, которые приходилось видеть собственными глазами в ходе консультаций местных администраций в разных районах России. Классик изучения географии регионального социально-экономического развития, декан географического факультета университета Беркли Анна Ли Саксениан прямо говорит о том, что подъем компьютерной отрасли в Индии, в Бангалоре категорически не могли обеспечить традиционные факторы — все эти обычно принимаемые во внимание преимущества вроде «дешевизны труда индийских программистов» и т. п. — если бы не привязанность к родине предпринимателей-пионеров индийского происхождения, буквально героически преодолевавших бюрократические преграды, сложности обеспечения фирмы водой, электроэнергией и т. д. [Saxenian, 2006].

Классик в сфере географии инновационного развития Марианн Фельдман посвящает статью личной привязанности к месту как фактору инновационной привлекательности. Она рассказывает, как один человек инвестировал в создание производства ресторанного оборудования премиум-класса в «небольшом город в беднейшем регионе беднейшего штата США» — в Гринвуде в Миссисипи, и го-

родок преобразился. Другой человек вернулся из престижного MIT в заштатный тогда Пало-Альто — просто потому, что у него там осталась мама, — в результате чего именно в его, Фреда Термана, гараже молодые Билл Хьюлетт и Дейв Паккард собрали свое первое устройство [Feldman, 2014].

Канадскому городку Монктон посвящены многие работы, обсуждающие «монктонское чудо»¹: потеряв в 1980-е градообразующее предприятие, городок сумел обеспечить самые быстрые темпы роста среди городов своей «весовой категории» — в немалой степени за счет того, что населяющие его франкоканадцы, потомки акадийцев, жителей разгромленной Акадии, французской североамериканской колонии, первой, еще до Квебека, перешедшей под британское управление — мобилизовались для выстраивания новой специализации (начиная с развития двуязычных колл-центров и кончая расцветом местного университета). Для них борьба за экономическое процветание города была сродни реваншу за позорное изгнание.

Тут закономерен следующий вопрос: так можно ли вообще найти здесь хоть какие-то закономерности? Или все определяет личность, владеющая резиновыми сапогами и нужной харизмой? И нужно ли тогда вообще заниматься экономической географией, не лучше ли просто отдать все на откуп менеджерам, а усилия направить на воспитание деловых качеств? Нужно — но нужно и понимать «площадку» применимости научных знаний. На мой взгляд, научные знания позволяют решать тем самым менеджерам вопросы регионального и странового развития — эф-

¹ Образ «Монктонского чуда» впервые использован в публикации в Нью-Йорк Таймс 17 июля 1994 года [The New York Times, 1994], и в дальнейшем использовался многократно (в том числе для названия спортивной команды). Пример публикации, характеризующей «монктонское чудо» [Champoux; Wolfe, 2014].

фективнее и, главное, дешевле (последнее слово, уверяю, услышит в Вашем предложении любой менеджер). Помню еще один разговор — о строительстве небоскреба Нормана Фостера в сибирской столице, на вечномёрзлых грунтах. «Я, — говорю, — не очень понимаю в грунтах и строительных технологиях, но хочу задать вопрос: разве это возможно?». «Я хорошо понимаю в грунтах и строительных технологиях, — ответил мне собеседник, сибирский крупный девелопер, — и вот что я Вам скажу: построить можно все, что угодно, и где угодно — вопрос в том, сколько Вы за это заплатите». Примерно так и со страной: очевидно, что при современных технологиях можно построить «все, что угодно», зачастую сломав для этого все местные традиции, перестроив инфраструктуру. Пожалуй, наиболее экстремальный вариант здесь предложил нобелевский лауреат Пол Ромер — это создать в отсталых странах «города хартии», с чистого листа и полностью организованные в традициях британского права [Ted Talks, 2009; Charter Cities Institute].

По идее, — с тем, чтобы они выполнили роль своего рода «прививки», умелой рукой садовода, приживленной на местный институциональный «дичок», и далее «правильные» институты постепенно диффузировали бы, и подтягивали бы местную экономику. Однако можно с нобелевским лауреатом и поспорить, и, возвращаясь к нашей аналогии, все же не строить на вечной мерзлоте сразу небоскреб, а предлагать меры, более-менее адекватные местным условиям. Для слаборазвитых территорий зачастую главным толчком к развитию может послужить не внедрение «сразу» нанотехнологий, но строительство дорог — то есть тех мер, через которые развитые страны прошли веке в девятнадцатом. Да мы и видим, что если Китай уже перешел к довольно инновационным технологиями, и его внимание сосредоточено на создании системы космических спутников и ледоколов, — то ниша «made in China» активно занимается странами типа Бангладеш,

для который швейный цех — пока еще передовое производство, избавляющее от голода тысячи людей.

Здесь, правда, мы упираемся в важную проблему, обозначенную Эриком Райнертом — это разная эффективность разных видов деятельности на определенном уровне развития мировой экономики. Самая лучшая в мире посудомойка никогда не станет зарабатывать больше посредственного программиста — так стоит ли совершенствовать навыки посудомойки? Райнерт однозначно доказывает, что для обеспечения действительно прорыва в экономике стране стоит специализироваться на самых современных направлениях деятельности, а отнюдь не на тех, что «лучше получаются». И все же я поспорю: зачастую выращивание «самых современных» видов деятельности наталкивается на такие препятствия, что в попытке поймать «журавля в небе» страна рискует оказаться ни с чем. Полагаю, где-то лучше наладить «устаревшее» конвейерное производство, чем сразу нанотехнологии — правда, отдавая себе отчет, что это ни одно конвейерное производство никогда уже не выведет страну в лидеры экономического развития и «прорыва» не обеспечит. Конвейер обычно появляется там, где нужно быстро увести страну от угрозы голода: именно в этом, по большому счету, причина появления пресловутого фактора «дешевой рабочей силы» — крестьянские страны с большим населением, только-только прошедшие или проходящие демографический переход, резкий рост населения; старые технологии не обеспечивают производительности, достаточной для обеспечения все большего числа людей... В Западной Европе здесь, помимо промышленной революции, к решению проблемы подключилась массовая эмиграция в Америки (причем буквально по мере прохождения демографического перехода: сначала Великобритания, затем Германия, Скандинавия, последней — Южная и Восточная Европа) — но и развитие трудоемкого промышленного производства было в соот-

ветствующий период очевидно уместно. В Юго-Восточной Азии этот характерный период наступил во второй половине XX века — вот только в этот момент конвейер как таковой уже не был слишком передовой технологией и, хотя и способствовал резкому рывку экономики в местном масштабе, в мировые лидеры страны-сборочные цеха не вывел.

И вот тут-то и можно увидеть типологию стран (а на более детальном уровне — и регионов) как систематизацию условий развития тех или иных технологических укладов. Пожалуй, именно система технологических укладов (по Кондратьеву, или, в актуализированном варианте — в варианте Карлоты Перес [Perez, 1983]) дает наиболее адекватную базу для современной классификации стран не столько по уровню, сколько по типу развития: эти уже входят в шестой цикл, а эти «застряли» на третьем. «Диагностика» места страны в системе технологических укладов покажет сразу многое: производительность труда, уровень развития образования, инфраструктуры, а возможно, и многие социальные особенности.

Каждый технологический уклад требует определенных условий (ресурсы, инфраструктура) — и соответственно, разные районы разных стран и сами страны получают (или не получают) преимущества с точки зрения размещения экономики данного уклада. Эта зависимость блестяще охарактеризована в уже «немолодой», но отнюдь не теряющей актуальности книге О. В. Грицай, Г. В. Иоффе и А. И. Трейвиша «Центр и периферия в региональном развитии» [Грицай, Иоффе, Трейвиш, 1993]. Третий цикл Кондратьева — развитие мощный «бассейновых» промышленных районов, четвертый — развитие индустрии «на пересечении транспортных путей». Третий цикл — Урал и Кузбасс, Рур и Аппалачи, четвертый — промышленные предприятия в Роттердаме и Гамбурге, в Марселе и, допустим, портовом Вишакхапатнаме. И тот, и другой не возможны без развитой транспортной сети, без доста-

точно дешевого транспорта (думается, четвертый цикл — прямое порождение эры «мобильностей», описанной известным социологом Джоном Урри [Урри, 2012], и был бы просто невозможен без относительно дешевой нефти (или иного вида топлива, обеспечивающего достаточно дешевые трансконтинентальные сообщения). Пятый цикл: новые технологии, и новые ресурсы: не уголь, но человеческий капитал; на первый план выходят многочисленные «кремниевые долины».

И ведь не только инфраструктура — по-видимому, и ценности как-то связаны со сменой уклада, не зря же Ричард Флорида писал о том, что в индустриальных центрах (3–4 цикл!) преобладают командные виды спорта, а в креативных сообществах как-то больше интересуют джоггинг и велосипед. Действительно: сопоставьте размещение хоккейных команд и крупных металлургических комбинатов — совпадение не может не поражать.

Но не только факторы размещения и ценности — закономерно, и научная мысль меняется сообразно этим факторам от одного технологического уклада к другому. Третий-четвертый циклы — это время расцвета изучения транспортных потоков, концепций размещения «на пересечении транспортных путей». Это золотой век отечественной экономгеографии — с ее концепцией территориально-производственных комплексов. Символ этого времени — Череповецкий металлургический комбинат в точке «встречи» воркутинского угля и кольской руды. За рубежом его аналоги — многочисленные портовые комбинаты.

Экономгеография пятого-шестого циклов — совсем другая. Инновации более чувствительны к институциональным факторам, чем чугун и сталь, и не удивительно, что именно здесь возвращается внимание к «атмосфере Маршалла», обеспечивающей обмен знаниям, и к институциональным исследованиям в целом. Эволюционная экономгеография, институциональная экономика — детище

экономики пятого цикла, когда именно институциональные факторы, обеспечивающие возможности или невозможность генерации и усвоения инноваций, становятся важнее месторождений угля, а словосочетание «глобальные трубопроводы» (global pipelines) означает совершенно иное явление — обусловленные социальными сетями межконтинентальные потоки знаний и инноваций.

И вот тут мы и возвращаемся к прикладной задаче стимулирования социально-экономического развития стран и регионов. По-видимому, в зависимости от местного набора инфраструктуры, ресурсов (включая человеческий капитал), ценностей — нужны разные рецепты. Где-то нужны работы с диаспорами и мигрантами (да, это промышленная политика, точнее, «новая промышленная политика» по Д. Родрику [Замятина, Пилясов, 2015]), а где-то — строительство новой железной дороги. Повторим, видимо, можно «привить» и «кремниевую долину» — но уж больно это будет дорого и сложно в некоторых случаях (возможно, придется даже и изолировать ее от остальной территории чуть ли не в стиле ЗАТО, а заодно и предусмотреть «внутри» несколько иную институциональную систему¹).

Хорошо было бы иметь такую готовую матрицу: вот, допустим, коэффициент Энгеля, свидетельствующий об уровне развития автодорог — в таком-то диапазоне; уровень индивидуализма низок, — можно развивать конвейерное производство. Или наоборот: есть международный аэропорт, технический университет и самый высокий в регионе уровень продаж велосипедов — пожалуй, можно заводить бизнес-инкубатор в сфере IT.

¹ Не случайно же на ранних — самых творческих — стадиях развития Сарова, Арзамаса-16, в нем допускались немыслимые вольности, не смотря на периметр колючей проволоки: чего стоит один рассказ о «заимствовании немного урана-235»: см. [Замятина, 2017].

Без подобной «опоры» можно пополнить длинный список примеров неэффективных реформ: когда все усилия властей по запуску новых перспективных отраслей потерпели крах. Самый «хрестоматийный» пример тут, конечно, концепция полюсов роста Ф. Перру: попытка внедрить новые индустриальные предприятия в периферийных европейских районах обернулась тем, за чем закрепилось прозвище «соборов в пустыне» (см. соответствующий также раздел 2.5). Много пишет о таких примерах известный экономист Эрик Райнерт [Райнерт, 2011], приводит их и Джейн Джекобс [Джекобс, 2009], с горечью рассуждая о судьбе знаменитого проекта «Долина реки Теннесси» (см. также раздел 2.9 данной брошюры).

И вот тут-то очень бы нужна была система диагностики, которая, хотя бы в первом приближении, позволила бы диагностировать, какие рецепты лучше пошли бы на этой территории, не вызывая отторжения:

К сожалению, пока нет в мире внятной, полномасштабной систематизации стран и регионов по всему комплексу технологических, институциональных, инфраструктурных факторов. Но нет и к счастью: открывается большой простор для исканий молодых и талантливых.

Надежда Замятина

Литература

1. Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. — М.: Наука, 1991. — 168 с.
2. Джекобс Д. Города и богатство наций. Принципы экономической жизни // Новосибирск, НП «Сибирская Гильдия девелоперов и управляющих недвижимостью. — 2009. — 332 с.
3. Замятина Н. Ю. Культурная среда как фактор инновационного развития: что объединяет «Кремниевую долину» и города советского атомного проекта // Диалог со временем. — 2017. — Т. 61. — №61. — С. 235–246.

4. Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и дорожная карта перемен. — УРСС Москва, 2015. — 216 с.

5. Райнерт, Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными [Текст] / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. — 384 с.

6. Урри Дж. Мобильности. Пер. с англ. А. В. Лазарева, вступ. Статья Н. А. Харламова. — М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. — 576 с.

7. Feldman M.P. The Geography of Innovation // Economics of Science, Technology and Innovation, 1994. Vol. 2, Kluwer Academic Publishers, Dordrecht, Boston, London. P. 2.

8. Feldman, M.P. The character of innovative places: entrepreneurial strategy, economic development, and prosperity // Small Bus Econ. — 2014 — Vol. 43. — P. 9–20. <https://doi.org/10.1007/s11187-014-9574-4>.

9. Perez Carlota. Structural Change and Assimilation of New Technologies in The Economic and Social Systems // Futures. — 1983. — Vol. 15. — №4. — P. 357–375.

10. Saxenian, AnnaLee. The New Argonauts: Regional Advantage in a Global Economy. — Harvard University Press, 2006. — 423 p.

11. Wolfe D. A. (ed.). Innovating in urban economies: economic transformation in Canadian city-regions. — University of Toronto Press, 2014. — 372 p.

12. The «Moncton Miracle»: Bilingual Phone Chat // The New York Times, 17.07.1994 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/1994/07/17/business/the-moncton-miracle-bilingual-phone-chat.html> (дата обращения 05.05.2021).

13. Champoux Ben. I Rise Again: Moncton Miracle 2.0. 05.04.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://>

www.champouxinc.ca/blog/i-rise-again-moncton-miracle-20 (дата обращения 05.05.2021).

14. Charter Cities Institute [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://chartercitiesinstitute.org/> (дата обращения 05.05.2021).

15. Paul Romer. Why the world needs charter cities // Ted Talks, 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ted.com/talks/paul_romer_why_the_world_needs_charter_cities (дата обращения 05.05.2021).

Часть 2. Анализ примеров смены траектории социально-экономического развития стран и регионов

2.1. Россия. Балкон как российский коворкинг или секрет калужского экономического чуда

Калужская область — яркий и позитивный пример успешной региональной политики в России. Чуть более чем за 20 лет область вырвалась вперёд по многим экономическим показателям и на качественном уровне улучшила свою экономику. Большинство исследователей в качестве причин успеха «Калужского экономического чуда» отмечают: наличие квалифицированных трудовых ресурсов, близость к столичному региону, научно-технический и производственный потенциалы, а также привлекательность территории для инвесторов. Но в чём заключается уникальная привлекательность области, а, точнее, почему именно она, а не любой другой субъект, соседствующий со столицей и располагающий схожими ресурсами, смогла осуществить этот скачок?

Теоретическая база проекта

Анализ предпосылок, условий и основных этапов экономического скачка Калужской области показывает, что некоторые из причин, его спровоцировавших, описаны в теориях региональной экономики. В частности, полезными оказались следующие понятия и концепции: соци-

альный капитал, районы Бекаттини, кластер, агломерационные эффекты, блокировки инновационного развития, экстерналии, близость и укоренённость.

Родоначальником концепции социального капитала считается Пьер Бурдьё [Bourdieu, 1986]. Основная идея концепции заключается в том, что социальные связи могут рассматриваться как один из видов ресурсов: крепкие связи приводят к снижению транзакционных издержек и, соответственно, позитивно влияют на экономическое развитие. В более поздней концепции Джеймса Коулмана [Coleman, 1988] социальный капитал принимается с нейтральным знаком, поскольку наличие социальных связей может как позитивно, так и негативно сказываться на развитии. Здесь стоит упомянуть виды социальных связей. По Марку Грановеттеру [Granovetter, 1985], социальные связи бывают двух типов: сильные и слабые. Границы между ними достаточно размыты, но есть общие принципы, которым они подчиняются. Сильные социальные связи существуют в глубоко интегрированном и сплочённом сообществе, слабые связи характеризуют отношения мало знакомых или давно не общавшихся людей. Положительные стороны сильных связей описаны в теории П. Бурдьё: доверие партнёров друг к другу, наличие невербальных связей часто положительно сказываются на снижении издержек.

На идее сильных социальных связей строится модель новых промышленных районов Бекаттини. Эта теория была описана в работе социолога Джакомо Бекаттини [Becattini, 1989] на примере небольших местных сплочённых производств в городе Сассуоло в Северной Италии. В отличие от крупных производств, которые формируют конкурентоспособность за счёт экономии на масштабе, небольшие производства формируют свою конкурентоспособность за счёт активной циркуляции информации и идей между ними. Особенность такого сообщества заключается в высоком уровне доверия и тесном взаимо-

действию внутри, которые способствуют стремительному круговороту идей и нововведений. Именно такая среда носит название «атмосфера Маршалла», так как она идеально подходит для перетока знаний. Особенно успешна такая модель в креативных отраслях — мода, искусство и ИТ, где особенно необходимо следовать самым новым веяниям.

Негативный аспект сильных социальных связей — низкая восприимчивость к потокам извне. Зачастую сплочённые сообщества с трудом принимают новых членов, новые идеи и пр. Основные креативные и инновационные разработки приурочены к сообществам со слабыми социальными связями. Исходя из этого представления, формируются коворкинги и прочие общественные места, где в ограниченном пространстве могут встречаться незнакомые или малознакомые люди из различных социальных и профессиональных сфер. Например, успех Кремниевой долины обусловлен высокой концентрацией людей различных специальностей на определенной территории, их вынужденным и постоянным общением; на большей территории они бы, скорее всего, не пересеклись, и инновационные идеи, которые формируются на стыке подходов, не получили бы распространения.

Однако степени доверия партнёров остаются важными для эффективного взаимодействия. Золотая середина между высокой степенью социальной ответственности в сплочённых сообществах и открытостью, креативностью слабо связанных — государственно-правовой аппарат. Дуглас Норт [North, 2001] объясняет преимущество генуэзских торговцев перед арабскими на основе введения среди первых системы векселей, которая помогала вести деловые отношения с малознакомыми купцами. Тогда как арабские торговцы заключали сделки только со знакомыми. Высокая степень доверия в современном мире зачастую оценивается качеством нормативно-правовых актов: инвестору внушает доверие та территория,

на которой сделка будет максимально застрахована, а значит снизится вероятность непредвиденных издержек.

Положительное влияние на развитие производства оказывает формирование кластера (кластерный эффект). Данное понятие было введено экономистом Майклом Портером, и обозначает группу географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в единой сфере и взаимодополняющих друг друга [Porter, 1998]. Зачастую в кластер входят и государственные учреждения — высшие учебные заведения, торговые организации и пр. Предприятия, составляющие кластер, могут конкурировать между собой в определённых областях, однако в любом случае обязаны взаимодействовать, необходим единый пул (англ. *pool*) поставщиков и ресурсов, схожие стратегии фирм. Помимо ресурсов и взаимодействия для успешного функционирования кластера важен местный спрос. Успешность на местном рынке — маркёр эффективности работы кластера.

В кластерах можно проследить различные экономические процессы, один из наиболее распространенных: появление экстерналий или агломерационного эффекта. Экстерналия — непреднамеренное внешнее воздействие существования или действия одного объекта на другой. Существует два типа экстерналий: МЭР-экстерналии и экстерналии по Джекобс. МЭР-экстерналии названы в честь трёх основных теоретиков этого подхода — Альфреда Маршалла, Кеннета Эрроу и Пола Ромера [Combes, 2000]. В данном представлении экстерналии — это внешнее положительное воздействие на фирмы от совместного размещения предприятий одной или близкой специализации. А. Маршалл также называл их агломерационными экстерналиями, так как они складываются из трёх основных компонентов: перетоки знаний, общий пул поставщиков, рабочей силы. Экстерналии по Джекобс, назван-

ные в честь теоретика и урбаниста Джейн Джекобс, базируются на разнообразии специализаций соседствующих предприятий [Jacobs, 2016]. Разнообразие отраслей делает производство более мобильным при изменении запросов потребителя.

Агломерационный эффект тесно связан с понятием экстерналий. Исходя из этого, в изучении агломерационного эффекта также есть несколько подходов: локализационный эффект, урбанизационный эффект и стандартный эффект экономии на масштабе. Локализационный эффект базируется на МЭР-экстерналиях и формируется в районах концентрации нескольких предприятий одной специализации. Чаще всего данный эффект встречается в отраслях традиционной обрабатывающей промышленности, сконцентрированные производства которой формируют ярко выраженную направленность экономической деятельности территории. В случае с урбанизационным эффектом, базой являются экстерналии по Джекобс. Такой тип эффекта характерен для высокотехнологичных и наукоёмких отраслей, формирующихся на стыке специализаций. Этот эффект имеет место быть на тех территориях, где сконцентрированы производства разной направленности, в результате их взаимодействия, перетока знаний, осуществляется генерирование новых идей и проектов. Эффект экономии на масштабе характерен для крупных промышленных предприятий (чёрной или цветной металлургии), с достаточно косной структурой, которая мало восприимчива к нововведениям и не мобильна с точки зрения изменений. В этом случае предприятия снижают издержки за счёт укрупнения, а также увеличения производительности [Замятина, Пилясов, 2017].

Важным вопросом для экономического развития регионов являются блокировки. В эволюционной экономической географии наиболее широко данное явление освещается в рамках концепции зависимости от колеи (англ. *path dependence*), начало изучения которого заложили в своих

работах Пол Дэвид [David, 2001] и Брайан Артур [Arthur, Ermoliev, Kaniovski, 1987]. В региональных исследованиях выделяются три основных типа экономической блокировки развития: функциональный, когнитивный и политический. Суть функциональной блокировки — устоявшаяся и неменяющаяся система договорных отношений, например, многолетние контракты между предприятиями. Когнитивная блокировка заключается в зашоренности руководства региона и невосприимчивости к новым знаниям при решении вопросов развития. Под политической блокировкой понимается косность, присущая управлению компании, и устоявшиеся социальные связи, в результате которых приоритет смещается в сторону более крупных предприятий региона, иногда не учитывая экономическую эффективность сотрудничества.

В продолжение вопроса о сотрудничестве, влияющего на развитие территории, стоит упомянуть концепцию близости (англ. *proximity*). Одним из наиболее популярных и применимых к региональным исследованиям является подход Рона Бошмы [Boschma, 2005]. Он выделяет пять основных типов близости: географическая, социальная, институциональная, когнитивная, организационная.

Смысл географической близости интуитивно понятен — небольшое расстояние между исследуемыми объектами, т. е. пространственная привязка, объединяющая их и делающая схожими (близкими). Социальная близость заключается в наличии социальных связей, объединяющих изучаемые объекты. Институциональная близость характеризует схожесть или единообразие правовой, нормативной баз и внутренней структуры. О когнитивной близости говорят в контексте единства ценностей, ориентиров, системы понятий (в случае единого места воспитания или образования). Организационная близость формируется между объектами, состоящими в одной фирме и схожими из-за этого.

И последняя концепция, имеющая большое значение для рассматриваемого кейса региональных исследова-

ний — укоренённость (англ. *embeddedness*). Термин был введён историком-экономистом Карлом Поланьи [Gemici, 2008] и модернизирован экономистом и социологом Марком Грановеттером [Granovetter, 1985]. Суть данного явления заключается в том, что экономическая активность осуществляется членами общества из различных социальных групп. У всех предпринимателей есть социальные связи и то или иное решение может быть продиктовано ими. Концепция укоренённости описывает те случаи, когда руководство чувствует ответственность перед членами той же социальной группы (к примеру, земляками).

С помощью описанных теорий и ключевых понятий региональной экономики в ходе данного исследования планируется проанализировать и описать процесс экономического скачка Калужской области. В результате анализа выявлены некоторые из причин стремительного роста экономики региона. Кроме того, конкретные примеры подтверждения этих теорий на примере Калужской области, в свою очередь, доказывают, что макроэкономические модели применимы на локальном уровне.

Особенности калужского экономического чуда

В качестве основных факторов экономического чуда в Калужской области исследователи выделяют: рабочую силу, технологическую базу (старые предприятия), научно-технический потенциал, близость к Москве и Московской области и инвестиционную привлекательность [Бабурин, 2018; Суслякова, 2019]. Анализируя принципиальные отличия Калужской области от других регионов России, в качестве гипотезы представим следующее: это отличие заключается в сочетании внутренних причин (действия руководства и особенности его политики) и внешних причин (доверие иностранных инвесторов). Для определения причин успеха территории были разобраны документы и материалы СМИ прежних лет [Суслякова, Сергиенко, 2015].

Несмотря на имеющуюся промышленную базу, после дезинтеграции СССР регион не был преуспевающим в экономическом плане. С середины 90-х годов XX в. Калужская область была одним из самых дотационных регионов Центрального федерального округа (ЦФО). Это было связано с процессом деиндустриализации, характерного для постсоветского периода в России. В регионе не происходила модернизация технологий производства и сократилось использование существовавших. Вследствие чего снизились занятость населения и уровень жизни, и в итоге произошёл отток квалифицированных рабочих кадров из региона [Заливацкий, 2012; Инвестиционный портал Калужской области].

В этот кризисный период главы Калужской области выбрали инвестиционный вариант внутренней экономической политики [Постановление Правительства Калужской области, 2011]. В результате, в 1998 г. в регионе появился один из первых иностранных инвесторов — пивоваренная компания SABMiller [ABInBev]. Однако ключевой этап развития экономики области исследователи связывают с появлением на ее территории другого иностранного предприятия — автомобильного завода Volkswagen. Научной новизной данного исследования является выявление взаимосвязи между появлением пивоварни SABMiller и производством Volkswagen в Калужской области.

SABMiller до 2016 г. была британской транснациональной компанией по производству пива и других напитков, а в 2016 г. вошла в состав бельгийской транснациональной компании Anheuser-Busch InBev. До объединения с данной бельгийской компанией, которая была и остаётся мировым лидером в производстве пива, SABMiller занимала второе место в мире по объёму выручки среди пивоваренных компаний. Такой востребованности удалось достичь из-за широкой географии поставок и производств. Ещё с конца XX — начала XXI века продукция SABMiller занимала лидирующие позиции

на Европейском рынке благодаря «политике расширения».

Изначально SAB — крупнейшая компания по производству пива в ЮАР (после поглощения в начале 2000-х годов компании Miller Brewing Company, второй по величине в США, название меняется на SABMiller). Она была образована в 1895 г. и к 80-м годам XX в. стала практически монополистом в производстве пива в ЮАР и соседних странах региона. Во многом этому поспособствовала внутренняя политика в этих странах, ограничивавшая поступление иностранных инвестиций. Начиная с 1990 г. в ЮАР начались послабления в отношении присутствия иностранного капитала на рынке, SAB мог потерять лидирующие позиции и экономическую мощь, поэтому руководство компании начало экспансию за пределами страны, в первую очередь, в Центральной и Восточной Европе. В 1998 г. SABMiller выкупила пивоваренный завод в России в Калужской области, в это же время она выкупает акции одних из наиболее известных чешских компаний — Pilsner Urquell и Radegast. С начала 2000-х SABMiller становится владельцем бренда Pilsner Urquell, самого известного чешского пива [SABMiller plc].

Информация именно об этих двух приобретениях крайне важна для данной работы. В ходе исследования было выявлено, что завод, построенный в городе Калуга (Калужская область) и впоследствии приобретённый SABMiller, был построен чешскими специалистами ещё в 1970-е [Пивзавод Золотая Бочка]. Производство в советский период так и не было запущено из-за особенностей внутренней политики того периода, однако всё оборудование, предназначенное для создания чешского пива, сохранилось. Специалисты SABMiller модернизировали некоторое оборудование и приступили к производству в 1999 г. Также важно, что именно это пиво (с завода в городе Пльзень) было одним из наиболее популярных на всём пространстве Советского Союза [Goldman, 2017], что, как одно

из предположений исследования, в некоторой степени сформировало ориентированность чешских инженеров в 1970-х годах на производство пивной продукции этого бренда в Калужской области.

Итак, SABMiller — первый иностранный инвестор в регионе. Компания Volkswagen стала одним из производителей, определивших инвестиционный бум в Калужской области, она была первым автомобилестроительным предприятием с мировым именем, пришедшим в регион [Энергосистема Калужской области]. Связь же между производством чешского пива и приходом в 2007 г. в этот же регион России концерна Volkswagen, выводится в данной работе на основе следующих причинно-следственных цепочек.

Первым и одним из наиболее востребованных на российском рынке продуктом, который производил концерн Volkswagen в регионе, стал автомобиль марки Skoda (Skoda Octavia) [Комерсантъ]. Данная компания была образована в городе Пльзень (Чешская республика), где проживал её основатель Эмиль Шкода (1839 — 1900 гг.) [Britannica]. Интересно так же то, что ещё в 40-е годы XX в. автомобилестроительная компания сотрудничала с пивоварней и производила электровозы для доставки пива от производства до баров [Carscoops].

Таким образом, экономический успех Калужской области может объясняться концепцией близости — географической и, вероятно, социальной (однако последний тезис нуждается в дополнительном подтверждении).

Помимо внешних причин формирования доверия к Калужской области со стороны инвесторов, в исследовании выделены и внутренние причины — ряд действий руководства региона. В ходе исследования были проанализированы материалы региональных СМИ и личных интервью главных действующих лиц «Калужского экономического чуда» [Гомалеев, Тютин, 2015; Электронный журнал правительства Калужской области]. Они представляют особую

значимость для исследования, так как в них представители правительства области обсуждают не только общие направления, но и детали реализации внутренней политики. На основе этих материалов было установлено, что команда губернатора А. Д. Артаманова, придерживаясь двух основных направлений — привлечение инвестиций и кластеризация, применяли на практике ряд экономических моделей.

Калужская область различными путями старалась добиться доверия инвесторов. Реализации этого направления очень поспособствовали программы по обмену опытом, в которых участвовал регион. Успешное практическое применение знаний, полученных в ходе таких программ, перенятого опыта, показывают восприимчивость руководства области к нововведениям, именно эта характеристика является одной из важнейших в концепциях современной региональной экономики и снимает когнитивную блокировку. Регион активно сотрудничал с европейскими консультирующими программами. Например, со специалистами из программы Технической помощи Содружеству Независимых Государств (англ. *TACIS*). Как отмечает М. Л. Шереякин [Соколов-Митрич; *TACIS*], который до 2010 г. был ведущим аналитиком в министерстве экономического развития Калужской области, именно от специалистов этой программы поступил совет организовать отдельный институт работы с инвесторами, а не только полагаться на специализированный отдел в министерстве. В результате было организовано две структуры:

- Агентство регионального развития, оказывающее консультирующие услуги потенциальным инвесторам

- ОАО «Корпорация развития Калужской области», специализирующаяся на девелоперских услугах

Также, консультанты из *TACIS* отмечали значимость упорной работы и способность идти на риски: для того, чтобы найти инвестора, необходимо «постучаться в сто дверей: в десяти случаях ее откроют, а в пяти — пустят

внутри». М. Л. Шереякин говорит, что действительно приходилось проводить большое количество встреч, прежде чем удавалось найти компанию, готовую заключить сделку. Организаторы экономического чуда Калужской области отмечают значимость иностранных консультаций в условиях косности прежних моделей.

Также были модернизированы акценты в общении с потенциальными инвесторами. Вместо общих социально-экономических и географических характеристик, калужские специалисты стали оперировать темами, которые волнуют инвесторов в первую очередь: цена за выкупаемую или арендуемую площадь и чётко прописанные пункты сделки, которые повышают уровень доверия инвесторов к руководству области. Как отмечает М. А. Акимов, заместитель губернатора Калужской области с 2007 по 2012 г., очень важно вести открытую и честную политику в отношении инвесторов, особенно если это касается крупных компаний; для них важно видеть результат собственных вложений [SABMiller plc]. Одним из примеров такой политики, является индустриальный парк Ворсино. Во время первой встречи вместо традиционной презентации и рассказа о планах, представителям инвестирующей компании показали строительную площадку, дали её характеристику, обозначили расположение на ней хозяйственных объектов. Этим калужское руководство продемонстрировало осознанность собственных действий и вовлеченность в проект. Таким образом, в исследовании выявлено, что большую роль сыграла концепция социального капитала и слабых социальных связей. За неимением сильных социальных связей, доверие инвесторов зарабатывали через следование прописанным договорённостям, подчеркивая свою исполнительность и законность действий.

Слабые социальные связи способствовали созданию и наиболее подходящих и нестандартных подходов. Следуя примеру Кремниевой долины, где на пересечении профессиональных и социальных сфер рождались про-

рывные технологии, и модели позитивных экстерналий Джекобс, можно вывести следующее: один из критериев успеха Калужской области — слабые социальные связи между специалистами в команде по развитию. Исходя из интервью, специалистов набрали «с улицы», то есть незнакомых, но готовых работать и вкладываться в общее дело [SABMiller plc]. К тому же, руководство команды по развитию региона включало в работу специалистов различных профессиональных областей.

Несмотря на такие мудрые действия со стороны руководства Калужской области, губернатор и его команда признаются в том, что им приходилось также и превышать свои должностные полномочия, чтобы угодить инвестору. Так, найденным не без труда инвесторам предлагали строить производство на выделенной территории, не дожидаясь урегулирования бюрократических вопросов. Это представляло высокие риски, как для области (в случае недобросовестности инвестора), так и для губернатора. Однако руководство отдавало приоритет возможности привлечь крупного инвестора, а не потере его из-за бюрократических решений, которые могут тянуться продолжительное время и отталкивать претендента. В качестве примера примечательна история завода компании Samsung, одного из крупнейших мировых производителей высокотехнологичных компонентов. Юридически данное производство в Калужской области было построено за один день, так как его строительство руководство области одобрило задолго до урегулирования вопросов документации. Этот аспект также подтверждает отталкивающую силу косной системы, которая ставит функциональные блокировки развитию.

Кластеризация — внедрённая сверху модель развития, которая была успешно применена в регионе. Начиная с 2009 г. согласно «Стратегии социально-экономического развития Калужской области до 2030 года», одной из приоритетных мер по развитию региона становится: «Под-

держка развития кластеров, влияющих на основные показатели социально-культурного и экономического развития Калужской области» [Стратегия социально-экономического развития Калужской области]. Так, к 2020 г. в регионе существует более 10-ти разнопрофильных промышленных кластеров [НИУ ВШЭ].

Промышленные кластеры в Калужской области — классический пример агломерационных кластеров, когда в одном месте сконцентрированы единопрофильные производства, которые выигрывают за счёт снижения издержек. Как и во многих других регионах России, иностранные инвесторы приходили в Калужскую область, как выяснилось в ходе исследования, на ту территорию, где уже располагались близкие по профилю предприятия. Здесь существует опасность, так как подходы к определению понятия кластер различны, однако, пользуясь наиболее распространённым в региональной науке подходом, сформулированным Портером, помимо географической близости и общности специализации предприятий, для существования кластера необходимы крепкие внутренние связи, взаимодействие и дополнение. В кластеры, по Портеру, входят и другие отрасли, связанные с основной и обеспечивающие конкуренцию, — например, государственные учреждения. Многие проекты по созданию промышленных кластеров не доводились до конца из-за отсутствия одного из факторов, поэтому некоторые структуры, которые принято называть кластерами, на самом деле являются конгломератами. Они расположены близко друг к другу, специализируются на схожих отраслях, но важными характеристиками кластера не обладают. Для уточнения этого аспекта необходима отдельная работа с элементами полевых исследований, однако информация, которую возможно получить из СМИ и официальных докладов, описывает наличие промышленных кластеров в Калужской области.

Помимо доверия инвесторов важным фактором, повлиявшим на успех Калужской области, стало и чувство от-

ветственности за «малую родину» — укоренённость (англ. *embeddedness*). Ключевые фигуры правительства региона — урождённые калужане. Наиболее важна личность «архитектора экономического чуда» области: М. А. Акимов родился в городе Малоярославец Калужской области, закончил исторический факультет Калужского государственного педагогического университета. Свою карьеру вплоть до 2012 г. строил в пределах родного региона [Энциклопедия ТАСС]. В интервью подчёркивается его личное отношение и вовлечённость в жизнь области. Эти факты позволяют говорить о существовании и работе принципов укоренённости.

Однако в случае с политикой нельзя забывать и личную заинтересованность в экономическом прорыве региона у руководства. Возможно, именно отсутствие связей губернатора и его команды в правительстве РФ активизировали их решимость в продвижении Калужской области. Учитывая то, что после первой декады XXI в. Акимов и ряд его коллег получили повышение и место в федеральных органах, можно предположить, что для них это был один из шансов продолжения карьерного роста уже на федеральном уровне.

И заключительным фактором, который отчасти способствовал экономическому росту в регионе, стало наличие «коридора», по которому осуществлялся переток знаний и в котором формировалась атмосфера Маршалла. Согласно моделям, описывающим «кремниевые долины», территориальная близость в ряде случаев становится одним из ключевых позитивных факторов развития и формирования новейших разработок. Для достижения этого эффекта в корпорациях создаются общественные пространства, где специалисты различных направленностей могут взаимодействовать, обмениваться идеями и мыслями, и в перспективе производить новый продукт.

Такой пример существует и в модели Калужского экономического чуда, отличаясь русской спецификой.

Агломерационной экстерналией, местом внедрения инновационных идей и подходов, связующим звеном между губернатором и подчинёнными, ускоряющим процесс передачи информации служил **балкон**.

Рисунок 1 — Балкон здания правительства Калужской области

Источник: фото Н. Ю. Замятиной

В здании правительства Калужской области есть длинные сквозные балконы (рисунок 1), которые соединяют несколько помещений. Это место использовалось для перекура, телефонных разговоров и в отдельных случаях перемещения из кабинета в кабинет. По сути, это стало тем общественным пространством, где люди могли в более неформальной обстановке обсуждать управленческие вопросы. Сам Акимов отмечает, что очень многие идеи по-

явились именно на этом балконе. Кто знает, случился бы экономический прорыв региона, не будь этого архитектурного элемента в здании администрации.

Результаты реализации

В результате проведенного исследования особенностей «экономического чуда» Калужской области, были выявлены аспекты, в которых работают некоторые ключевые теории региональной экономики.

На экономический рост субъекта повлияли как внешние факторы, так и внутренние. С одной стороны, привлечение иностранных компаний способствовало наличию в области производств той же специализации, налаженные поставки и близость крупного рынка сбыта. Важную роль сыграла близость иностранных инвесторов, которая стала решающей для прихода одного из крупнейших производителей — Volkswagen.

Среди внутренних факторов — грамотные политика руководства и экономическая стратегия. Руководство региона стремилось добиться высокого уровня инвестиционной привлекательности за счёт увеличения уровня доверия со стороны инвесторов. Также команда губернатора проявляла восприимчивость к новым знаниям и готовность идти на риски ради успеха сделки, тем самым снимая блокировки экономического развития. Отсутствие сильных социальных связей, социальная изолированность и укоренённость руководства позитивно сказались на развитии региона. В управлении сформировался креативный коллектив, высоко заинтересованный в успехе.

Таким образом, секрет калужского «экономического чуда» заключается в сочетании внутренних и внешних факторов и является позитивным примером для проведения аналогичной политики в схожих по характеристикам регионах.

М. В. Козополянская

Таблица 1 — Модель казусного экономического чуда

База	Меры	Результаты	Модель/теория
Квалифицированная рабочая сила Старые (закрытые) промышленные производства	Инвестиционная политика + кластеризация Привлечение инвесторов (в том числе иностранных). Акцент на предприятия с той же специализацией, что была у старых производств региона. Создание промышленных кластеров.	Увеличение занятости	Кластерный эффект
Налаженная инфраструктура		Занятость по специальности и снижение деиндустриализации региона	
Близость к столичному региону		Налаженные поставки и увеличение конкурентоспособности продукции за счёт расширения рынка сбыта, снабжение промышленных объектов коммунальными услугами	
Близость к столичному региону Наличие научно-технической базы Инвестиционный потенциал	Знание промышленной базы региона Привлечение чешской пивоваренной компании на уже созданный завод	Ориентированность на крупного потребителя Развитие научно-технической сферы Рост привлекательности региона для инвесторов	Близость: географическая, социальная
Приход первого иностранного инвестора (пивоваренной компании SabMiller)		Рост инвестиционной привлекательности региона для других иностранных инвесторов	

Таблица 1 (продолжение)

База	Меры	Результаты	Модель/теория
Нехватка кадров в координирующей команде по развитию	Набор кадров «с улицы» Вынужденное привлечение специалистов со стороны, но готовых работать	Создание внутреннего разнообразия в коллективе команды по развитию, приводящее к креативным решениям	Социальный капитал
Слабые социальные связи с инвесторами	Создание безопасной и доверительной среды для инвестора Усиленные меры по достижению доверия: 1) Чёткое соблюдение прописанных договорённостей 2) Доказательство работы над проектом через демонстрацию строительного полигона	Доверие к руководству Калужской области среди крупных компаний	Социальный капитал
Социальная изоляция чиновников при хорошей транспортной связности	Заинтересованность в продвижении региона Из-за отсутствия сильных социальных связей, для карьерного роста, руководству региона активно применяло меры по развитию	Экономический бум в Калужской области	Социальный капитал

Таблица 1 (продолжение)

База	Меры	Результаты	Модель/теория
Руководство — калужане	Заинтересованность в продвижении региона Работа над экономическим ростом региона из-за чувства причастности.	Экономический бум в Калужской области	Укоренённость
Костная и бюрократическая система	Модернизация сознания и нарушение правил 1)Привлечение иностранных специалистов, заимствования опыта и принятие новых знаний 2)Обход бумажной волокиты, разрешение предпринятиям строиться до официального оформления бумаг, создание комфортной и доверительной среды	Создание более восприимчивой и мобильной системы управления	Блокировки экономического развития: когнитивные и функциональные
Балкон	Использование общественного пространства для интенсивного общения внутри коллектива Перерывы, проведённые на балконе, а также возможность через него на прямую пообщаться к губернатору осуществляет циркуляцию знаний и идей	Эффективная коммуникация и передача информации, усваивание нововведений	Агломерационные экстерналии

Составлено автором

Литература

1. Бабурин В. Л. и др. Изменение функции места и территориальные конфликты (на примере Боровского района Калужской области) // Вестник Московского университета. Серия 5. География. — 2018. — №6. — С. 72–82.
2. Заливацкий Р. А. Мы можем гордиться результатами (Калужская область. Вестник: инвестиции, инфраструктура, инновации). Калуга: МЭРКО, 2012. — С. 2.
3. Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Региональный консалтинг: приглашение к творчеству. — Санкт-Петербург: «Маматов», 2017. — 196 с.
4. Сусякова О. Н. Преимущества региональной экономической системы на примере Калужской области // Саяпинские чтения. — 2019. — С. 174–178.
5. Сусякова О. Н., Сергиенко Н. С. Инвестиционная политика Калужской области // Северный регион: наука, образование, культура. — 2015. — №1. — С. 62–65.
6. Arthur W. B., Ermoliev Y. M., Kaniovski Y. M. Path-dependent processes and the emergence of macro-structure // European journal of operational research. — 1987. — Vol. 30. — №3. — P. 294–303.
7. Becattini G. Riflessioni sul distretto industriale marshalliano come concetto socio-economico // Stato e mercato. — 1989. — P. 111–128.
8. Boschma R. Proximity and innovation: a critical assessment // Regional studies. — 2005. — Vol. 39. — №1. — P. 61–74.
9. Bourdieu P. et al. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education // The forms of capital. — 1986. — Vol. 241. — P. 258.
10. Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital // American journal of sociology. — 1988. — Vol. 94. — P. 95–120.
11. Combes P. P. Marshall-Arrow-Romer externalities and city growth // CERAS wp. — 2000. — Vol. 99. — №6. — P. 1–8.

12. David P. A. Path dependence, its critics and the quest for «historical economics» // Evolution and path dependence in economic ideas: Past and present. — 2001. — Vol. 15. — P. 40.

13. Gemici K. Karl Polanyi and the antinomies of embeddedness // Socio-economic re-view. — 2008. — Vol. 6. — №1. — P. 5–33.

14. Granovetter M. Economic action and social structure: The problem of embeddedness // American journal of sociology. — 1985. — Vol. 91. — №3. — P. 481–510.

15. Jacobs J. The economy of cities. — Vintage, 2016. — 268 p.

16. North D. C. Why some countries are rich and some are poor // Chi.-Kent L. Rev. — 2001. — Vol. 77. — P. 319.

17. Porter M. E. et al. Clusters and the new economics of competition. — Boston: Harvard Business Review, 1998. — Vol. 76. — №6. — P. 77–90.

18. Постановление Правительства Калужской области от 22.04.2011 №242 Об утверждении долгосрочной целевой Программы «Создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в Калужской области».

19. Акимов М. А. Энциклопедия ТАСС. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/encyclopedia/person/akimov-maksim-alekseevich> (дата обращения 05.05.2021).

20. Гомалеев А., Тютин Д. 15 лет экономического чуда. Полит.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://polit.ru/article/2015/03/04/kaluga/> (дата обращения 05.05.2021).

21. Инвестиционный портал Калужской области. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.investkaluga.com/news/> (дата обращения 05.05.2021).

22. Калужский фармацевтический кластер — лидирующий в Российской Федерации. НИУ ВШЭ // Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://>

cluster.hse.ru/news/379769810.html (дата обращения 05.05.2021).

23. Пивзавод Золотая Бочка. Фотографии Калуги и Калужской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kalugafoto.net/kaluga/raony-kalugi/1093-pivzavod-zolotaya-bochka-efes-rus-byvshij-sabmiller> (дата обращения 05.05.2021).

24. Постановление от 29 июня 2009 года №250 о Стратегии социально-экономического развития Калужской области до 2030 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/972215857> (дата обращения 05.05.2021).

25. Соколов-Митрич Д. Медленно и неправильно. Качество жизни // Электронный журнал правительства Калужской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://admoblkaluga.ru/upload/smi/journal_life/pilot-01-STR.pdf (дата обращения 05.05.2021).

26. Широков С. Исключения исключены. Комерсантъ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2595357> (дата обращения 05.05.2021).

27. Энергосистема Калужской области: первая атомная и первая ласточка реформ. История развития энергетики региона // Россети Центр и Приволжье. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mrsk-cp.ru/affiliates/kalugaenergo/istoriya-razvitiya-energetiki-regiona/> (дата обращения 05.05.2021).

28. ABInBev. Official cite [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://abinbevefes.ru> (дата обращения 05.05.2021).

29. Goldman E. Soviet hangover: How people drank beer in the USSR [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbth.com/arts/history/2017/07/28/soviet-hangover-how-people-drank-beer-in-the-ussr_813198 (дата обращения 05.05.2021).

30. Plzeň. Britannica [Электронный ресурс]. Режим до-

ступа: <https://www.britannica.com/place/Plzen> (дата обращения 05.05.2021).

31. SABMiller plc. encyclopedia.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.encyclopedia.com/books/politics-and-business-magazines/sabmiller-plc> (дата обращения 05.05.2021).

32. Skoda's First Electric Vehicle Was A 1939 Beer Truck. Carscoops [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.carscoops.com/2020/06/skodas-first-electric-vehicle-was-a-1939-beer-truck/> (дата обращения 05.05.2021).

33. TACIS. European Commission // Official cite. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nuclear.jrc.ec.europa.eu/tipins/programmes/tacis99%25%20o%2030%25> (дата обращения 05.05.2021).

2.2. Россия. Феномен смены специализации Татарстана (за последние 25 лет)

Постсоветский этап развития Республики Татарстан (далее РТ) представляет собой уникальный пример становления успешного региона. Сейчас РТ — всесторонне развитый регион, который занимает лидирующие позиции среди регионов РФ по многим экономическим показателям. Например, ВРП региона на 2018 г. составляет 2,1 трлн рублей (8 место среди субъектов РФ) [Официальный Татарстан]. Наибольших результатов РТ удалось добиться в развитии инновационной экономики, которой сейчас уделяется особое внимание в регионе [Харисова, 2010].

Характеристика контекста: ресурсы, технологии, инфраструктура

РТ имеет выгодное ЭГП: республика расположена в Европейской части страны на слиянии рек Волги и Камы, ко-

которые являются крупными транспортными путями. РТ богата природными ресурсами: «вязкой» нефтью высокого качества [Салагаев, 2011]. Геологические запасы самого крупного месторождения «Ромашкинское» оцениваются в 5 млрд тонн [Ромашкинское месторождение]. РТ имеет многочисленные человеческие ресурсы: на 2021 г. население региона составляет 4 млн чел. На момент распада СССР население составляло 3,6 млн чел., большая часть которого концентрировалась в агломерациях, таких как Казанская, Камская, Альметьевская [Официальный Татарстан].

Помимо всего вышеперечисленного, к моменту распада СССР РТ имела развитую промышленность, связанную, прежде всего, с добычей нефти (нефтехимия) и с машиностроением («КамАЗ», «Казанский вертолетный завод» и др.) [Официальный Татарстан].

Цели и действия региональных властей

Исходя из рассмотренных выше характеристик, отметим, что РТ имела хорошую базу для развития. Поэтому первоочередной задачей стояло сохранение и преумножение внутреннего капитала, а в последующем и развитие на его базе инновационной экономики. Среди задач отметим также прекращение зависимости от нефтяной отрасли, привлечение инвесторов в регион и развитие инфраструктуры.

Сохранение внутреннего капитала

Первая задача, которая была решена — сохранение внутреннего капитала. Её выполнение стало возможно в связи с построением особых отношений между региональными властями РТ и федеральными властями.

Минтимеру Шаймиеву, президенту Татарстана с 1991 по 2010 гг., в 1992 г. удалось добиться особого статуса «суверенной республики в составе РСФСР» для РТ. Такой статус предполагал введение на территории особого бюджетного режима и проведение приватизации

по собственному сценарию. Все это позволило РТ оставлять практически все собранные налоги на своей территории и тратить их по своему усмотрению. Лишь в 1994 г. республика начала перечислять часть налогов в федеральный бюджет, но и тогда «федеральная» доля в собранных налогах оставалась в 3,0–3,5 раза ниже, чем в среднем по России. Только после 2000 г. республиканский бюджет впервые стал составляться по нормам российского, а не регионального законодательства [Веселова, 2015].

Все эти меры позволили РТ в сложный период не только сохранить свои промышленные мощности, но и в некоторой степени приумножить их.

Привлечение инвестиций

Ещё одной важной целью правительства РТ стало привлечение денежных средств в регион, которое можно разделить на два направления: привлечение частных инвесторов, привлечение федеральных средств.

Согласно инвестиционному рейтингу регионов России, РТ относится к регионам со средним потенциалом и минимальным риском (на 2020 г.) [Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов RAEX, 2020]. Такое высокое место обусловлено грамотной инвестиционной политикой региона: введения усовершенствованного регионального законодательства, которое устанавливает большие преференции и льготы, чем в среднем по стране [Постановление Кабинета Министров РТ, 2012]. Важной особенностью инвестиционной привлекательности РТ являются высокие значения следующих показателей: регуляторная среда, институты для бизнеса, инфраструктура и ресурсы [Лучший инвестиционный климат в России; Налоговый потенциал регионов]. Но не только это влияет на инвестиционную привлекательность региона, важная его часть — высокая степень институциональной поддержки инвесторов не только на формальном, но и на неформальном уровне. В этом смысле стоит при-

вести пример строительства первого магазина IKEA в Казани.

Казанская IKEA стала четвертой в России и самой быстро строящейся в мире. Леннарт Дальгрэн, генеральный директор IKEA в России, отмечает особую открытость региональных властей по отношению к инвесторам, особенно его поразило отсутствие в РТ каких-либо бюрократических или иных препятствий:

«Когда я вспоминаю Казань, я не могу отогнать от себя мысли о том, что вся Россия могла бы быть такой же активной, открытой и динамичной. Никаких препятствий или бюрократических проволочек не было и в помине. Почему в других регионах чиновники не делают все возможное, чтобы превратить Россию в самую привлекательную для инвестиций страну в мире?» [Приключения IKEA в России]

Про отсутствие проблем и легкость открытия предприятия говорят и другие инвесторы, такие как Дэнни Перекальски, генеральный директор Ozon Group, который отмечает отсутствие инфраструктурных проблем и быстроту открытия [OZON.ru Россия].

Такая открытость и простота являются отличительными чертами инвестиционной политики РТ, которые и привлекают инвесторов в регион. Однако, вместе с привилегиями инвесторы, приходящие в Татарстан, получают ряд обязательств. Эти обязательства могут быть разного характера: например, были установлены сроки открытия магазина IKEA — к юбилею Казани. Также обязательства могут включать в себя использование материалов определенных татарстанских фирм, чтобы сохранять и преумножать капиталы внутри региона. Стоит отметить, что такие меры могут касаться не только инвесторов извне, но и региональных компаний.

Помимо привлечения частных инвестиций РТ активно привлекает федеральные средства. РТ умело занимается реализацией мега-проектов, таких как «1000-ий юбилей

Казани» в 2005 году, «Универсиада-2013» и другие. Подобные мероприятия способствуют привлечению дополнительных финансовых средств из федерального бюджета для развития инфраструктуры региона и повышения его привлекательности [Макаров, Абзалилова, 2018]. Особенно часто такие мега-проекты стали реализовываться после введения в регионе общероссийской системы формирования бюджета в 2000 г.

Инновационное развитие экономики

Инновационное развитие региона — одна из главных целей правительства РТ, на реализацию которой отводится много сил. На 2017 г. РТ занимала второе место в рейтинге субъектов Российской Федерации по значению регионального инновационного индекса [Опубликован «рейтинг инновационного развития» российских регионов]. Такие высокие показатели обусловлены продуманной политикой региональных властей по развитию инновационной экономики. Подход региональных властей можно назвать последовательным. Рассмотрим этапы становления инновационной экономики в РТ [Макаров, Абзалилова, 2018].

Подготовительный этап (1991–2004 гг.)

Первоначальной задачей данного этапа, как уже говорилось выше, являлось сохранение промышленного потенциала. Для поддержания инновационной экономики на данном этапе в 1993 г. был создан внебюджетный фонд НИОКР Татарстана, который просуществовал до 2005 г. За время своего существования фонд стал самым важным источником финансирования инноваций в регионе. Фонд формировался всеми предприятиями региона, которые вкладывали в него сумму в размере 1,5% от себестоимости. Предприятия могли получить эти средства после успешной защиты ими бизнес-плана своего инновационного проекта. Ещё одной важной чертой этого периода является модернизация нефтегазохимической отрасли: ускорилась реконструкция химических и нефтехимических заводов.

Первый этап (2005–2014 гг.)

Первый этап характеризуется активными действиями. Во-первых, была создана законодательная база: закон РТ от 02.08.2010 №63-ЗРТ «Об инновационной деятельности в РТ», который определил формы и методы государственного регулирования инновационных процессов. Во-вторых, с увеличением числа инновационных фирм в регионе в 2008 г. был утвержден трехлетний Инновационный меморандум Татарстана. В-третьих, создается инновационная инфраструктура:

- ОЭЗ «Алабуга» — самая успешная ОЭЗ в России на данный момент;

- Индустриальные парки (Камский «Мастер», Технополис «Химград»);

- Сеть технопарков («Идея» Казань, «ИТ-парк» Казань);

- Центр трансфера технологий РТ;

- «Иннополис» — город-спутник Казани, созданный для развития информационных технологий и инновационных высоких технологий;

- Камский инновационный территориально-производственный кластер ИННОКАМ — крупнейший в России (машиностроение и нефтехимия) [Агеева, 2012].

Также важным фактором развития инновационной экономики Татарстана на данном этапе стало стимулирование регионального спроса на инновационную продукцию.

Проанализировав итоги первого этапа, отметим, что его основная цель заключалась в формировании локальных центров инноваций и развитии традиционных отраслей экономики (машиностроение и нефтехимия). Региональная власть активно поддерживала данные процессы с помощью привлечения федерального финансирования, предоставления налоговых льгот, инфраструктурной и административной поддержки [Макаров, Абзалилова, 2018].

Второй этап (с 2015 г.)

Данный этап характеризуется переходом от создания отдельных элементов инновационной системы к созданию связанной единой инновационной системы. Также среди целей можно отметить: достижение конкурентоспособности на мировом рынке и укрепление действующих институтов [Макаров, Абзалилова, 2018].

Важным фактором развития инновационной экономики на данной этапе стала принятая в 2015 г. «Стратегия-2030» (далее Стратегия). В Стратегии определены главные приоритеты и механизмы развития республики, в том числе и в инновационной сфере. Согласно Стратегии предусмотрен рост расходов на НИОКР, формирование 10 инновационных кластеров, подготовка специалистов мирового уровня и возможность коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности с помощью «Программы развития рынка интеллектуальной собственности» [Клычова, 2016]. Говорить об окончательных итогах Стратегии пока рано, но уже сейчас можно сказать, что программа успешна, т.к. многое из задуманного было реализовано.

Развитие инновационной экономики РТ — приоритетное направление региональной политики, которое хорошо финансируется. В 2017 г. внутренние затраты на НИОКР составили 12 млрд рублей. Все эти меры дают хороший результат: 20% — доля инновационной продукции в общем объеме, 700 патентов зарегистрировано за 2017 год [Макаров, Абзалилова, 2018].

Факторы успеха: институты

Меры, принимаемые руководством РТ по развитию экономики, в том числе и инновационной, можно назвать успешными, о чем говорят показатели экономического развития региона, рассмотренные в работе. Но, что же привело РТ к успеху? Автором были выделены следующие факторы:

- Личные качества главы республики;
- Особые отношения с федеральной властью;
- Сильная вертикаль власти и её авторитарность;
- Открытость и прозрачность для инвесторов;
- Качества татарского народа.

Факторы 2–4 рассмотрены выше, поэтому сделаем акцент на 1-ом и 5-ом.

Личные качества главы республики

Минтимер Шарипович Шаймиев — президент РТ с 1991 по 2010 гг., во многом благодаря лично его решениям и действиям началось стремительное развитие Татарстана. Из основных заслуг М. Ш. Шаймиева можно отметить:

- личное участие в сохранение особого статуса для РТ;
- привлечение команды профессионалов для работы в регионе. Например, сингапурских специалистов для строительства «Иннополиса», который сейчас иногда называют «Сингапуром на Волге». Также привлечение специалистов Гарвардской школы бизнеса для разработки «Стратегии-2030» [Иннополис].

Но помимо однозначных плюсов его политики есть и спорные моменты, такие как авторитарность и выстраивание им сильной вертикали власти. Ни одни решения в РТ не проходят без одобрения М. Ш. Шаймиева.

«Как президент сказал, так и будет» — фраза, которая четко описывает положение вещей в РТ. Обычно такую ситуацию относят к отрицательным сторонам политики. Но в случае с М. Ш. Шаймиевым так сказать нельзя. Ему удалось использовать всю свою авторитарность для обогащения региона и его внутреннего развития [Гатина, Артамонычева, 2012].

К отрицательным сторонам политики М. Ш. Шаймиева относится клановость. Клан Шаймиевых, состоящий преимущественно из самого Минтимера Шариповича и его сыновей Радика и Айрата, по приблизительным оценкам, владеет каждым 5-ым рублем ВРП Татарстана. Клановость

проявляется и в назначениях на важные посты республики: нынешний президент РТ Рустам Нургалиевич Минниханов, хороший друг братьев Шаймиевых, был поставлен на должность М. Ш. Шаймиевым. Ещё одной отрицательной чертой политики М. Ш. Шаймиева является татарский национализм, который проявляется в привилегированном положении татар, татарского языка и татарской культуры в регионе. Например, на все высшие посты в РТ всегда назначаются только татары [Сергеев, Салагаев, 2011; Клан Шаймиева].

Несмотря на все отрицательные стороны политики, М. Ш. Шаймиев имеет большой авторитет в РТ. Он получил при этом прозвище «железный бабай», что дословно переводится как «железный дедушка». В этом прозвище и заключаются основные черты управленческой политики М. Ш. Шаймиева: с одной стороны, жесткость его действий, а с другой — авторитарность и отеческие чувства по отношению к РТ. Влияние М. Ш. Шаймиева даже после его отставки в 2010 г. остается сильным, сейчас он занимает должность государственного советника РТ [Страсти по Шаймиеву].

Качества татарского народа и сельское хозяйство

Сельское хозяйство РТ входит в пятерку крупнейших российских производителей сельхозпродукции. РТ полностью обеспечивает себя с/х продукцией и занимает 1-е место по производству молока, 2-е — по производству мяса скота и птицы и по валовому сбору картофеля. Такие показатели, как считается, отчасти обусловлены трудовой этикой татарского села, т. к. более половины валовой продукции отрасли обеспечивают малые формы хозяйствования (фермеры и ЛПХ) [Макаров, Абзалилова, 2018].

Теоретическая база проекта

Рассмотрев все факторы развития РТ, обобщим их и дадим характеристику татарской модели экономического развития:

- Самодостаточность;
- Клановость;
- Ставка на инновации;
- Развитие нового за счет старой базы;
- Вложение не в бизнес, а в инфраструктуру для бизнеса.

Говоря о концепциях, в рамках которых происходит развитие РТ, отметим эволюционность действий, большую роль социального капитала, развитие, основанное на выгодах агломерационного эффекта, использование кластерной теории, применение подходов «сверху-вниз» для ОЭЗ, и «снизу-вверх» для кластеров [Бусыгина, Сагитова, 2020]. Но большая часть этих действий связаны между собой рамками институциональной географии. Институты, как формальные, так и неформальные, играют большую роль в развитии РТ. Влияние институтов заметно во всех направлениях развития, начиная от инвестиционного и заканчивая инновационным [Холоднов, Нуриахметова, 2015].

Результаты реализации

За последние 25 лет Республика Татарстан прошла путь от региона, экономика которого основана исключительно на нефтедобыче и машиностроении, до региона с развитой диверсифицированной экономикой. Инновационная экономика, которая так активно продвигается региональными властями, не смотря на все показатели, пока ещё не самостоятельна и держится лишь за счет региональной поддержки.

Е. А. Носова

Литература

1. Агеева С. Д. Инновационное развитие Республики Татарстан: вызовы, ожидания и реальность // ЭКО. — 2012. — №1. — С. 10.
2. Бусыгина И. М., Сагитова Л. В. Агломерации, кластерная политика и экономический рост в России (случай

Республики Татарстан) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. — 2020. — Т. 14. — №2. — С. 5–14.

3. Веселова Э. Ш. Что делает Татарстан успешным регионом // Всероссийский экономический журнал ЭКО. — 2015. — №1 (487). — С. 5–25.

4. Гатина Ф. Ф., Артамонычева А. Р., Газизова Р. Р. Институциональная среда как основной фактор, определяющий инновационное становление региона (на примере Республики Татарстан) // Вестник Казанского государственного аграрного университета. — 2012. — Т. 7. — №4. — С. 25–28.

5. Клычова Г. С. и др. Анализ стратегии развития агропромышленного комплекса Республики Татарстан // Вестник Казанского государственного аграрного университета. — 2016. — Т. 11. — №4. — С. 134–142.

6. Салагаев А. Типичен или уникален Татарстан на фоне российских регионов? // Россия и мусульманский мир. — 2011. — №4. — С. 56–61.

7. Сергеев С., Салагаев А. Трансформация провинциальной советской номенклатуры Татарии в региональную правящую элиту Татарстана // Россия и мусульманский мир. — 2011. — №6. — С. 37–52.

8. Харисова Г. М. Развитие инновационной инфраструктуры республики Татарстан // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. — 2010. — №2 (14). — С. 360–365.

9. Холоднов В. Г., Нуриахметова Ф. М. Модель Татарстана как альтернатива протогосударству (к 25-летию государственности Татарстана) // Казанский педагогический журнал. — 2015. — №4–1. — С. 210–215.

10. Постановление Кабинета Министров РТ №587 от 09.07.2012 «О мерах по стимулированию спроса на инновационную, в том числе нанотехнологическую, продукцию в РТ» и Постановление Кабинета Министров РТ от 09.04.2013 №241 «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Развитие nanoиндустрии в РТ на 2013–2016 годы».

11. Макаров С. А., Абзалилова Л. Р. Институты как драйвер развития инноваций в российском регионе: опыт Республики Татарстан // М.: Изд. дом Высшей школы экономики. — 2018. Alabuga: full presentation (2017) // SEZ «Alabuga». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://alabuga.ru/upload/iblock/5be/tech_alabuga_rus_4kh3_sayt.pdf (дата обращения: 05.05.2021).

12. Клан Шаймиева [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.compromat.ru/page_10404.htm (дата обращения: 05.05.2021).

13. Налоговый потенциал регионов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.budgetrf.ru/Publications/Analysis/iews/an_iews_120902/an_iews_120902240.htm (дата обращения: 05.05.2021).

14. Опубликован «рейтинг инновационного развития» российских регионов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://d-russia.ru/opublikovan-rejting-innovatsionnogo-razvitiya-rossijskih-regionov.html> (дата обращения: 05.05.2021).

15. Официальный Татарстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tatarstan.ru/> (дата обращения: 05.05.2021).

16. Приключения IKEA в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/column/45208-otkrytie-rossii> (дата обращения: 05.05.2021).

17. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов RAEX за 2020 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://raex-a.ru/ratings/regions/2020#graph> (дата обращения: 05.05.2021).

18. Ромашкинское месторождение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://neftegaz.ru/tech-library/mestorozhdeniya/522614-romashkinskoe-mestorozhdenie/> (дата обращения: 05.05.2021).

19. OZON.ru Россия — Собственное производство [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://>

invest.tatarstan.ru/ru/advantages/success-stories/ozon-ru/ (дата обращения: 05.05.2021).

20. Лучший инвестиционный климат в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://invest.tatarstan.ru/ru/advantages/best-climate/> (дата обращения: 05.05.2021).

21. Страсти по Шаймиеву [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.idelreal.org/a/28076446.html> (дата обращения: 05.05.2021).

22. Иннополис [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://innopolis.com> (дата обращения: 05.05.2021).

2.3. Германия. Социально-экономическая трансформация Рурского региона в 1960-х гг.

Период расцвета Рурского региона пришёлся на начало промышленной революции и объединение Германии, регион обладал богатыми месторождениями угля и поэтому был идеальным местом для создания сталелитейной промышленности, создание которой было необходимо для удовлетворения нужд имперской армии. Однако сейчас некогда передовой промышленный регион уже утратил свою прежнюю специализацию, кроме того, в 2018 году здесь прекратилась традиционная для региона добыча угля. Тем не менее, Рурская область не стала депрессивным регионом, как это зачастую происходит в бывшими промышленными центрами, область смогла найти новую специализацию и преодолеть существующие кризисы. Неизвестны лишь причины, которые способствовали преодолению сопротивления региона инновационным процессам, именно поиску причин мы и посвящаем данное исследование.

Цель данной работы — проследить трансформацию Рурского региона и ответить на вопрос: «Как Рурский ре-

гион превратился из региона абсолютной специализации в регион с диверсифицированной экономикой с высокотехнологичными отраслями».

Характеристика контекста: причина «замыкания» Рурского региона на промышленной специализации

В популярной истории принято считать, что Рурский регион стал промышленным благодаря индустриальной революции во второй половине XIX в. Это правда, но лишь отчасти.

Первые признаки промышленности в регионе появились ещё в XVI в., с момента, когда в бассейне Рура начали появляться первые угольные шахты. Metallургия в регионе появилась в середине XVIII в., и не могла успешно развиваться из-за раздробленности государства. Несмотря на большие запасы угля и общий промышленный потенциал, Рур не мог создать собственную промышленную базу без централизованного правительства или крупного потребителя продукции металлургических комбинатов.

И тем не менее, удачное положение с точки зрения ресурсного фактора предопределило судьбу Рура как будущего промышленного региона: с момента образования Северогерманской Федерации добыча угля для нужд промышленности начинает стремительно возрастать, и всего через 10 лет после объединения Германии объёмы добычи увеличились в 3 раза и продолжили расти (рисунок 2).

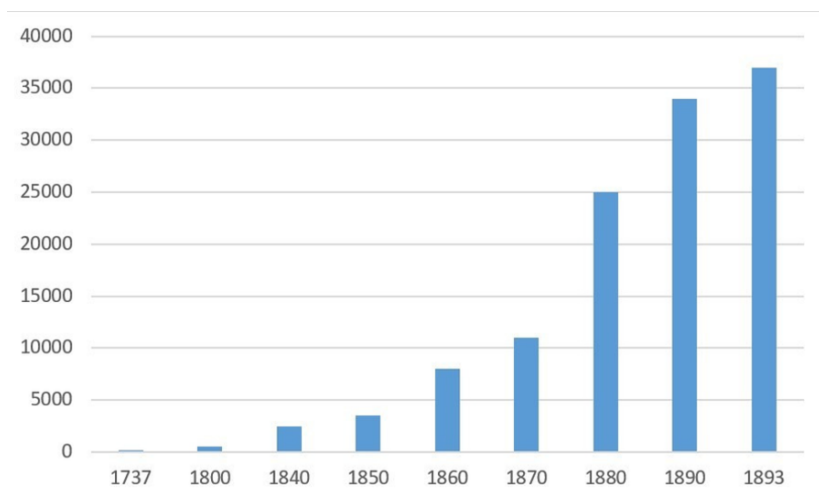

Рисунок 2 — Добыча угля в Рурском регионе (тыс. тонн)

Источник: составлено автором по [Hospers, 2004]

В первой половине XX в. Рурский регион удовлетворял постоянный спрос на тяжелую технику сначала со стороны Германской империи, затем со стороны Третьего Рейха. Таким образом, занятость в промышленности в области сохранялась постоянно высокой, и о каких-то иных специальностях не могло быть и речи. В действительности, Рур до кризиса 1970-ых гг. являлся регионом с наименьшим показателем безработицы в ФРГ [Goeting, 2014].

Как и большинство других промышленных районов Германии, Рур серьёзно пострадал от бомбардировок союзной авиации, а после капитуляции Нацистской Германии ещё лежал в руинах до создания ФРГ. В момент образования немецкого национального государства в стране стоял вопрос о пути дальнейшего развития Рура в условиях демилитаризации Германии. Таким образом, Рур мог пойти либо по пути реиндустриализации, т.е. восстановить разрушенную индустрию, либо по пути нео-инду-

стриализации, т.е. ориентировать промышленность на какой-то новый сектор. В этот момент в регионе сыграл отрицательной фактор «привычки» населения заниматься типичной для него деятельностью (блокировки).

Характеристика проекта Реиндустриализация Рурского региона (1950–1970 гг.)

К 1950-ому году в Рурском регионе начинается восстановление существовавшей ранее промышленности, данный процесс продолжался вплоть до 1968 года. Однако первые сигналы неверного пути развития проявились уже в самом начале проведения данной политики. Например, в 1958 году грянул так называемый «угольный кризис», а в 1964 году цены на импортный уголь стали значительно ниже, чем на Рурский. Тем не менее, данные особенности не повлияли на дальнейшее проведение политики реиндустриализации, более того, её темпы не продолжали снижаться вплоть до следующего кризиса в 1970-ых годах. Например, в 1968 году была основана крупнейшая угледобывающая компании Германии RAG AG. Попытки внедрить что-то не связанное с добычей угля, металлургией или химической промышленностью в Рурский регион встречали резкое сопротивление со стороны местного населения, которое буквально заявляло о традиционности своих секторов, что указывает на сильнейшую замкнутость региона на своей специализации в те годы [Oei, Brauers, Herpich, 2019].

С другой стороны, часть нововведений смогла «просочиться» сквозь «непробиваемую» упорность местных предпринимателей и населения: например, в регионе был открыт завод Opel. Также в рамках реформы образования в 1960-ых гг. в Рурской области было открыто 3 университета: в Бохуме, Дортмунде и Эссене.

При создании этих университетов не ставилась цель узкого обучения лишь по программам традиционных для

региона специальностей, наоборот, делался акцент на их диверсификации. Для этого в каждом из трех вузов вводилась программа, включающая в себя как связанные со специализацией региона науки, так и несвязанные: например, культура, дизайн и пр. Данная инициатива сначала не дала ощутимых результатов, поскольку уровень обучающихся в вузах Рура был стабильно мал до середины 1970-ых годов — Рурский регион в 1970 г. занимал всего 6% всех обучающихся среди федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия. Однако позднее эффект от данной программы оказался ощутимым.

Политика Вилли Брандта

Немалую роль в будущей смене специализации региона сыграл канцлер Вилли Брандт. В 1961 г. Брандт и его избирательная кампания предлагали абсолютно немыслимое — «Синее небо над Руром». Будущий канцлер планировал избавить Рур от загрязнения, создаваемого промышленностью. В условиях Рура подобная повестка должна была захлебнуться, однако Брандт и его сподвижники использовали не банальную агитацию, а подкрепление фактами [?????]. Вместе с Брандтом в электоральных кампаниях участвовали учёные, которые создали образ «неверного» образа жизни населения Рура, приводя такие факты как более низкая продолжительность жизни в Рурском регионе, более высокая частота заболеваний и даже более низкий рост детей относительно других земель страны. При этом вся вина возлагалась на промышленность. Так или иначе, в 1969 г. социал-демократическая партия Германии получила абсолютную поддержку Рурского региона и, получив поддержку избирателей в других регионах, стала правящей партией Германии во главе с В. Брандтом.

Первые годы Брандта на посту канцлера ознаменовались широкой повесткой в отношении экологической безопасности, в ходе которой общая сознательность населения Германии и Рура начала постепенно возрастать. Более

того, ещё до прихода Брандта в Рурском регионе были введены первые экологические стандарты, следовавшие за агитацией Брандта в 1961 году.

Тем не менее, промышленные мощности в регионе всё ещё сохранялись, и для перехода к новой специализации региону был необходим толчок, который возник в тот момент, когда Рур уже был готов к введению инноваций.

Переход от реиндустриализации к нео-индустриализации

Нефтяной кризис, а также последовавший за ним кризис металлургической промышленности, вызванный стремительным ростом развивающихся стран, поставил Рурский регион под угрозу становления самым депрессивным районом Германии. Государственное субсидирование местных предприятий начинало носить уже не характер поддержки, а спасения безнадёжной индустрии.

Тем не менее, как было упомянуто раньше, благодаря усилиям местной администрации и агитации Брандта, регион был подготовлен к изменениям. Избежать роста безработицы не удалось, и даже сейчас регион остается одним из лидеров по этому показателю, но данные меры спасли Рур от судьбы депрессивного региона [?????].

Во-первых, сразу после кризиса начался существенный рост числа обучающихся в университетах. Кроме того, университеты начали активное привлечение специалистов из других регионов страны, чтобы поддерживать высокий уровень преподавания. Как результат, регион за 10–20 лет стал ведущей научной метрополией всего Северного Рейна-Вестфалии. В период между 1970 и 1975 годами число студентов утроилось и продолжило расти (рисунок 3).

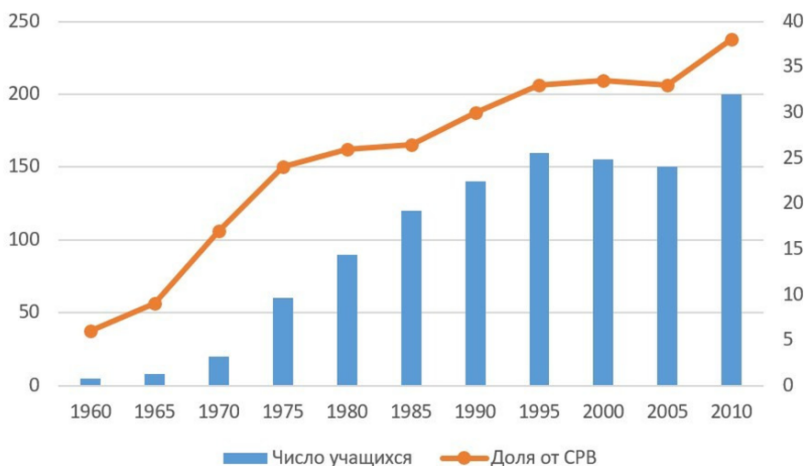

Рисунок 3 — Число учащихся в Рурском регионе и их доля от Северного Рейна-Вестфалии

Источник: составлено автором по [Schepelmann et al., 2013]

В дальнейшем местные университеты имели позитивное воздействие на развитие новых специализаций региона: возобновляемой энергетики и индустриального туризма.

Реиндустриализация, запущенная местными властями и движимая креативными кадрами, которые производили местные университеты, стала успешно вытеснять старую специализацию. Так, например, город Гельзенкирхен, который был известен как «город 1000 огней» из-за чрезмерной концентрации предприятий химической промышленности, был ребрендирован в «город 1000 солнц» благодаря развитию производства солнечных панелей. Возобновляемая энергетика начала развиваться в нем относительно рано (в 1990-х годах), что фактически сделало Рур инновационным в данной области [Schepelmann et al., 2013].

Один из наиболее успешных и крупных проектов — «Эмшерский Ландшафтный Парк» — стал своеобразным брендом региона. Руру удалось обойти полную ликвидацию остатков промышленных помещений и инкорпорировать их в ландшафт как культурно-исторические, рекреационные и коммерческие объекты [Copic et al., 2014].

Процесс реиндустриализации существенно улучшил социально-экономическое положение области. Несмотря на то, что в регионе сохраняется стабильно высокий уровень безработицы (10–12%), уровень эмиграции из региона снизился до минимальных исторических значений. Более того, была значительно улучшена экологическая ситуация.

Результаты реализации

Трансформации Рура из самого промышленного региона Германии в регион высокотехнологичной специализации способствовало два важных фактора: борьба против традиций населения, проявлявшаяся в «пробивании» инициатив по созданию университетов и диверсификации образования со стороны местной администрации, и агитация В. Брандта, которая способствовала росту осознанности населения и его предварительной подготовке к коренным изменениям.

Важную роль сыграл и германский федерализм, приводящий к выравниванию уровня жизни во всех регионах страны, что, в свою очередь, позволило привлечь в университеты уже опытных преподавателей из других регионов.

Достичь абсолютно идеальной трансформации Руру все же не удалось: результатом отказа от промышленности (металлургии и добычи угля) стал высокий уровень безработицы, который не может быть значительно снижен за счет мелкомасштабных, хоть и инновационных производств в сфере высокотехнологичной промышленности. Однако регион смог избежать превращения в депрессив-

ный пост-промышленный ландшафт, примером которого служит Детройт в США.

Рурский регион — хороший пример того, как регионы, близкие к депрессивному или уже в депрессивном состоянии, необходимо развивать за счёт инновационной индустрии. С другой стороны, для многих стран пример Рура неприменим из-за отсутствия уникальных региональных особенностей, которые наблюдаются исключительно в Германии. Так или иначе, меры, предпринятые в отношении Рура, следует считать успешными.

П. Я. Шмыд

Литература

1. Copic S., Dordevic J., Lukic T., Stojanovic V., Dukicin S. et al., Transformation of industrial heritage: An example of tourism industry development in the Ruhr area (Germany) // *Geographica Pannonica*. — 2014. — Vol. 18 — №2. — P. 43–50.

2. Goeting A., Structural Change in the Ruhr region: Problems, potentials and developments // *IET Working Papers Series*. — 2014. — Universidade Nova de Lisboa: Lisbon, Portugal. — 25 p.

3. Hospers G.-J. Restructuring Europe's rustbelt: The case of the German Ruhrgebiet // *Intereconomics*. — 2004. — Vol. 39. — №3. — P. 147–156.

4. Oei P.-Y., Brauers H., Herpich P. (2019): Lessons from Germany's hard coal mining phase-out: policies and transition from 1950 to 2018 // *Climate Policy*. — 2019. — Vol. 20. — №8. — P. 963–979.

5. Schepelmann P., Kemp R., Klement J., Schneidewind U., The eco-restructuring of the Ruhr area as an example of a managed transition // *Conference: 4th International Conference on Sustainability Transitions*. — 2013. — Switzerland: Zurich. — 26 p.

2.4. Германия. Галле: от химических заводов к медиа-индустрии

Галле — небольшой городок в Восточной Германии с населением около 240 тыс. человек. Он расположен всего в 40 км от другого крупного города — Лейпцига. Поэтому часто говорят про единую агломерацию Галле-Лейпциг. Когда-то Галле был одним из крупнейших центров химической промышленности в Германии, но сегодня больших предприятий этой отрасли здесь не осталось. Специализация на химической промышленности оставила на городе свой отпечаток в виде плохой экологической ситуации. Несмотря на то, что сейчас ситуация вполне благоприятная, жители Германии продолжают воспринимать город как грязный промышленный центр. Однако сегодня это университетский, культурный и медиа-центр. Но если университеты, театры, и оперы существуют в городе уже достаточно давно, то медиа-центром он стал совсем недавно в результате целенаправленной политики властей [Rosenfeld, Hornych, 2009].

Теоретическая база проекта

Факторы размещения наукоемких фирм сильно отличаются от факторов размещения промышленности. Такие фирмы, как правило, размещаются в районах с высоким уровнем урбанизации, с развитой инфраструктурой для «производства знаний» и привлекательными условиями для креативного класса. Но как статистически отличить компанию наукоемкой отрасли от обычной промышленной фирмы? Один метод предполагает оценку доли расходов на НИОКР. Но этот метод подходит только для производств, так как в сфере услуг может не быть НИОКР вообще. Другой более теоретический метод предполагает, что в наукоемких отраслях доля наукоемкого или творческого труда будет значительной,

а доля ручного труда (с низкой квалификацией), наоборот, небольшой.

Для традиционных отраслей промышленности наиболее важными факторами производства были дешевая (низкоквалифицированная) рабочая сила и основные средства. В целом оба фактора достаточно мобильны, и их доступность не ограничивается определенным расположением. Поэтому традиционные отрасли промышленности выбирали размещение в основном в соответствии с физическими факторами местоположения: например, с наличием минеральных ресурсов. Фактор рабочей силы имел меньший вес при принятии решения о размещении. Промышленные рабочие, как правило, всегда были готовы мигрировать туда, где они были необходимы. Дополнительным важным фактором размещения традиционных отраслей промышленности было географическое положение. Город, расположенный вблизи крупной транспортной артерии, имел, например, высокую вероятность стать центром машиностроения из-за местной и региональной потребности в машинах и их ремонте.

При планировании размещения наукоемких отраслей традиционные факторы играют незначительную роль. Наиболее важными факторами локализации, по всей видимости, являются человеческий капитал, потенциал сотрудничества между фирмами в регионе, инфраструктура для перемещения и связи, наличие соответствующих помещений (офисов, лабораторий) для наукоемких отраслей, наличие венчурного капитала и, так называемые, «слабые» факторы: расположение и имидж города или региона.

Главный из этих факторов — человеческий капитал, который, сам по себе, может быть достаточно мобильным в пространстве. Но специализированные знания определенного типа часто концентрируются в конкретном месте, где или уже существуют фирмы, которые производят товары с помощью этих знаний, или базируются школы и уни-

верситеты, которые выпускают специалистов в этой области знаний.

Конечно, люди, имеющие специализированные знания, могут мигрировать из одного места в другое. Но если фирма нуждается в специалистах такого рода, то более простым вариантом может оказаться перенос фирмы в место, «производящее» работников этой сферы. Кроме того, наличие большого числа лиц, обладающих специализированными знаниями в какой-то отрасли в пределах одного города или региона, также может стимулировать создание новых фирм, использующих эти знания, поскольку некоторые сотрудники существующих фирм могут сами стать предпринимателями. Обмен сотрудниками между фирмами в пределах города или региона также может привести к передаче знаний от одной фирмы к другой, что, в свою очередь, может способствовать экономическому росту. Наконец, можно предположить, что большое количество работников в наукоемких отраслях в городе или регионе может привлекать других таких работников.

Наукоемкий человеческий капитал можно разделить на две категории: на специалистов естественных и технических наук и на так называемый «креативный класс». Представители креативного класса создают новые технологии, новые продукты, новые фирмы и новые объекты искусства. Согласно Ричарду Флориде, предложившему этот термин, креативный класс состоит из трех подгрупп: креативного ядра (ученых, преподавателей, инженеров и т.д.), креативных профессионалов (менеджеров, юристов) и богемы (дизайнеров, музыкантов, артистов и других деятелей искусства).

Характеристика контекста

В ходе исследования авторы статьи, на основе которой составлен данный раздел, изучают возможные факторы размещения наукоемких фирм и на основе опросов и анализа статистики пытаются понять, какие из этих факторов

работают в Галле. Таким образом, были выделены следующие факторы:

1. Местный спрос

В Галле относительно мало телезрителей, в сравнении с другими крупными городами, поэтому он менее привлекателен для медиа-фирм, которые извлекают выгоду от близости к конечным пользователям. Поскольку в Галле практически не осталось крупных промышленных фирм, то и на рекламу здесь существует лишь ограниченный региональный спрос.

2. Человеческий капитал

Галле, помимо традиционного образа центра химической промышленности, ассоциируется также с университетами, главный из которых, университет Мартина Лютера, входит в топ-500 лучших университетов мира по версии QS. В 1990-е годы эти университеты начали открывать программы по обучению «медиа», и сегодня они выпускают около 2000 специалистов в этой области в год. В целом уровень образованного населения в Галле выше среднего по стране, но уступает большинству крупных медиа-центров. При этом, если посмотреть на долю специалистов в сфере медиа-индустрии, Галле примерно соответствует среднестрановому уровню и даже опережает Гамбург и Кельн. Доля представителей креативного класса в Галле также ниже, чем в основных медиа-центрах.

3. Реклама

В сфере рекламного бизнеса Галле сильно отстает как от ведущих центров медиа-индустрии, так и от средних по стране. В городе расположено всего 85 агентств, в которых заняты около 200 сотрудников. Для сравнения в рекламной индустрии Берлина работают около 15 000 человек.

4. Связи между фирмами и между фирмами и государством

Хотя общее предположение заключается в том, что чем больше город, тем эффективнее работают связи, многие

опрошенные (по данным статьи, на основе которой написан раздел) представители медиа-фирм высказали противоположное мнение: по их мнению, город такого среднего размера, как Галле, имеет большое преимущество в том, что «все всех знают» в соответствующих фирмах и администрациях. Поэтому контакт между фирмами и администрациями более прямой и легкий, чем в крупных городах. Помимо этого, большинство опрошенных отметили, что в Галле очень развито сотрудничество между фирмами и что такое сотрудничество создает благоприятный климат для существования неформальных сетей.

5. Культурный сектор

Несмотря на то, что Галле — совсем небольшой город, в нем расположено несколько театров, опера, множество значимых музеев и проходят некоторые ежегодные крупные фестивали. Такой высокий уровень культурной деятельности отражается в региональной специализации города: в Галле в 3 раза больше работников в культурном секторе, чем в среднем по Германии. Региональная специализация в сфере культуры выше, чем во всех крупных медиа-центрах.

6. Упоминание в новостях

Галле не является ни политическим, ни культурным, ни финансовым центром страны. Поэтому этот город крайне редко упоминается в новостях. Например, Галле появился только в одном объявлении службы новостей Reuters за последний год, в то время как несколько сотен новостей можно найти по Кельну, Гамбургу или Мюнхену и более тысячи по Берлину.

7. Инфраструктура для перемещения между городами и регионами, транспорт и связь

Транспортная инфраструктура в Галле развита очень хорошо. Аэропорт Галле-Лейпциг находится всего в 10 минутах от центральной станции Галле. Город связан с железнодорожными сетями IC и ICE¹. При этом Галле находится не только недалеко от Лейпцига,

но и недалеко от Берлина, на пути из столицы в Мюнхен.

8. Общий образ города или региона

У Галле сегодня либо нет вообще никакого имиджа в восприятии жителей (особенно из Западной Германии), либо этот имидж негативный и возник в эпоху ГДР: воздух в Галле (центре химической промышленности) был чрезвычайно загрязнен, дома были покрыты грязью; люди (особенно ученые, работавшие в государственных исследовательских подразделениях) с неконформистскими взглядами часто переезжали из Берлина в Галле. Сегодня воздух в Галле чист, дома приведены в порядок, но старый образ по-прежнему актуален, особенно для жителей Восточной Германии.

Результаты реализации

По сравнению с другими деиндустриализованными городами и регионами Галле обладает высоким потенциалом для наукоемких отраслей и медиа-индустрии, в частности. Галле знаменит своими университетами с богатой историей. Кроме того, в городе очень развит культурный сектор. Но если сравнивать Галле с ведущими центрами медиа-индустрии в Германии, станет очевидным, что — с национальной точки зрения — есть только два основных фактора размещения, которые могут привлечь фирмы в Галле: город такого размера, как Галле, обеспечивает хорошие связи между фирмами и между фирмами и государственным сектором; расположение Галле на пути из Берлина в Мюнхен и небольшое расстояние до Берлина может служить преимуществом для некоторых фирм медиа-индустрии.

¹ Intercity-Express (ICE, предшественники — IC) — сеть высокоскоростных поездов, в основном распространённая в Германии, разработанная компанией Deutsche Bahn

Основным объяснением роста медиа-фирм в Галле, вероятно, является влияние политики на размещение объектов общественного вещания. Если бы в Германии не было общественного вещания (т.е. под государственным контролем), то не было бы никакого государственного влияния на размещение штаб-квартир и станций вещания; частные вещательные компании, вероятно, никогда бы не разместили свою штаб-квартиру или станцию в Галле. Но из-за того, что в Германии регулирование общественного вещания относится к компетенции регионального (на уровне земель) управления, каждая земля хочет иметь свое влияние и оказывать положительные эффекты на вещание. В земле Саксония-Анхальт из-за решения правительства региона именно Галле был выбран в качестве медиа-центра, где общественное вещание и медиа-индустрия получили государственную поддержку.

С. С. Саркисян

Литература

1. Rosenfeld M. T. W., Hornych C. How to Make a City Attractive for Knowledge-Intensive and Creative Firms? The Case of Modern Media Industry (MMI) in the City of Halle an der Saale (Germany). — 2009.

2.5. Италия. Соборы в Пустыне: провал инициативы «Касса Меццоджорно»

Под термином «Собор в пустыне» понимается индустриальное предприятие, возникшее в совершенно нехарактерной для него (часто аграрной) среде, что прямо противоположно индустриальному типу хозяйства. Данный термин зародился благодаря небезызвестной инициативе итальянского правительства по развитию южных

регионов страны, известной как «Касса пер иль Меццоджорно» (итал. *Cassa per il Mezzogiorno*). Данная инициатива является ярким примером важности учёта местных особенностей менталитета при развитии экономики.

Характеристика контекста: технологии, инфраструктура, ресурсы и институты

«Меццоджорно» (букв. «полдень») — ряд провинций на юге Италии, а именно: Базиликата, Кампания, Калабрия, Апулия, Сицилия, Молизе и Абруццо, а также Сардиния и южные районы Лацио. Аграрная специализация региона сохранялась здесь без малого 2300 лет, с того самого момента как регион был захвачен Римской республикой и превращен в крупнейшую рабовладельческую область страны [Ситкевич, 2020].

Сельскохозяйственная специализация региона очень долго обеспечивала продовольственную безопасность ряду стран, которые владели данным регионом. Промышленная революция отрицательно сказалась на относительном благополучии региона. В конце XIX-го века Южная Италия пыталась развивать собственную промышленность, но провал конкуренции с севером привёл к тому, что промышленность юга так и осталась достаточно мелкой. До Рисорджименто (объединения страны) североитальянские государства вводили высокие протекционистские тарифы, препятствовавшие промышленному и даже сельскохозяйственному развитию Юга [Rosaria, Napolitano, 2015].

Кроме того, в Южной Италии к XIX-ому веку все еще (более 2000 лет) сохранялся аналог Римской латифундии — крупноземельное экстенсивное землевладение, на тот момент еще низко продуктивное. Так, например, даже в 1947 г. существовали латифундии на 4000 га, которые обрабатывались 1500 семьями. Сама латифундия при этом разбивалась на несвязные куски земель, которые обрабатывались разными владельцами [Rosaria, Napolitano, 2015].

Подобная неорганизованность сельского хозяйства усложняла и дезорганизовывала отношения между крестьянами, приводя к формированию взаимного недоверия, а в дальнейшем и семейных конгломератов, в последствии перерастающих в мафию. Кроме того, коммунальные проблемы на месте решались в пределах семей, а участие только что сформированного государства в жизни южных итальянцев было минимальным.

Таким образом, Меццоджорно — это огромный регион с 2000-летней сельскохозяйственной историей, с крайне сложным недоверчивым населением, образующим «семьи», которые решают свои проблемы на местном уровне и фактически не нуждаются в какой-либо государственной поддержке. Кроме того, возможно, это регион с сильнейшей зависимостью от пути (англ. *path dependence*) во всём мире.

К 1950 году разрыв между севером и югом в Италии был колоссален, по уровню ВВП весь юг составлял только 50% севера, а по уровню безработицы превышал средние показатели в 2,5 раза. Кроме того, отсутствие хотя бы малейшей кооперации населения привело к тому, что к 1950 году в регионе всё ещё сохранялась устаревшая система землевладения и приоритет «семейных уз». Однако правительство всё-таки решило предпринять меры по решению данной проблемы [Felice, Lepore, 2016].

Характеристика проекта

В середине XX в. была разработана стратегия развития полюса роста в южных регионах страны (так называемая «меццоджорно»), которая стала одной из форм плана индустриализации. Реализация стратегии была осуществлена путем концентрации государственных инвестиций в промышленных полюсах, в которых механизм роста заключался в создании отрасли, специализирующейся на капиталоемком и относительно технологически развитом секторе экономики. В 1957 г. итальянский парламент

одобрил закон, который определил около 100 промышленных полюсов, однако не все они оказались эффективными.

Поначалу в планах правительства не было идеи резкой индустриализации региона, требовалось всего лишь улучшить текущее положение уже имеющейся экономики путём «вливания» средств в провинции Южной Италии. Для этого правительство создало буквально кассу (в данном случае корректнее сказать «фонд») по развитию Меццоджорно (Южной Италии). Перед непосредственным экономическим чудом была проведена крупная земельная реформа, согласно которой 700 тыс. га земли выделялось крестьянам без землевладений, чтобы хотя бы частично ликвидировать проблему латифундий.

Помимо этого, с 1950 по 1957 гг. касса активно вкладывала средства в развитие инфраструктуры и выдавала кредиты новым предприятиям. На самом деле, данные действия были возможны благодаря автономии, которую дали кассе. Вместо соглашений с местными чиновниками Южной Италии, касса в обход бюрократических проволочек моментально реализовывала инфраструктурные проекты.

До 1957 года создание «пре-индустриализации», как это называлось в плане, имело ошеломительный успех. Регион начал сокращать разрыв с Севером (рисунок 4), и касса начала менять политику от субсидирования инфраструктуры к развитию промышленности в регионе.

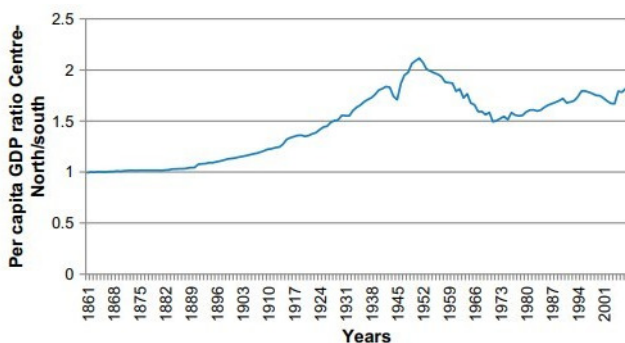

Рисунок 4 — Разница между регионами Севера и Юга Италии по ВРП на душу населения

Источник: [Rosaria, Napolitano, 2015]

С 1957-го г. касса субсидировала открытие предприятий в малых агломерациях (от 20 тыс. чел.), а с 1965-го г. начала выдавать гранты на крупные промышленные проекты. В 1965 г. также была открыта «икона» «собора в пустыне» — металлургический комбинат в Таранто. Было очевидно, что предприятия Юга с их откровенно слабой и малообразованной рабочей силой, а также низким опытом пребывания на рынке не могли противостоять Северу. Эта проблема была «решена» не самым эффективным способом: касса решила проводить антиконкурентную политику, насильно субсидируя предприятия Юга и перенаправляя большую часть инвестиций государственных предприятий (60%) в новую промышленность Меццоджорно, искусственно ограничивая развитие северной промышленности [Alacevich, 2013].

В один момент местные предприниматели начали осознавать прибыльность кассы, а завершение периода строительства предприятий в 1971 г. привело к новой политике кассы, заключающейся в выдаче субсидий

на проекты предприятий. Проблема заключалась в том, что данные проекты зачастую ни к чему не приводили. Выбор инвестиционных проектов, которые должны были субсидироваться кассой, не имел каких-либо критериев и формировался за счёт частных договорённостей с местными бизнесменами. Поэтому южная промышленность не наращивала производство, а стагнировала, но продолжала существовать за счёт субсидий [Alacevich, 2013].

Более того, так называемые «соборы в пустыне», которые строились благодаря спонсированию кассой, не оказывали совершенно никакого влияния на рост уровня жизни в регионе: зарплаты оставались низкими, равно как и уровень образования.

Изначально персонал кассы состоял из инженеров, проектировщиков и экономистов, но они были заменены местными предпринимателями. С того момента, как касса претерпела существенное изменение в составе своих сотрудников, уровень коррупции начал достигать гигантских размеров, из-за чего средств на поддержку предприятий попросту не оставалось. Вследствие этого промышленность региона начала рушиться под весом своей собственной непроизводительности, и к 2000-ому году разрыв между Севером и Югом начал возвращаться к исходному уровню [Felice, Lepore, 2016].

Результаты реализации

Промышленность в ряде городов Южной Италии продолжала сохраняться в работоспособном состоянии. В 1984 г. инициатива «Касса Меццоджорно» была окончательно закрыта, и вместе с ней отменены все субсидии южной промышленности. Итогом инициативы стала абсолютно неконкурентоспособная промышленность. Уровень жизни населения, хоть и был в некоторой степени улучшен, начал вновь ухудшаться, снова всё больше проигрывая Северу.

В 1993 г. была разработана «новая инициатива» на смену старой политике «прямой интервенции Кассы Меццоджорно». «Новая инициатива» развития юга предполагала не прямую интервенцию и необдуманное создание «соборов в пустыне», а инвестиции в образование и развитие инноваций, а также вводила множество инициатив в развитии свободного рынка и конкуренции [Polverari, 2013].

Узкая специализация Юга дала свои отрицательные плоды после кризиса 2008 года. С вступлением на мировую арену новых индустриальных стран (Китай, Индия и т. д.), которые могли предоставить более дешёвую продукцию обрабатывающей индустрии, европейская промышленность (низко- и среднетехнологичная) стала терять конкурентоспособность и поэтому начала процесс деиндустриализации. Это коснулось и Южной Италии, только с 2008 по 2014 год в регионе появилось 600 тыс. безработных, а инвестиции в промышленность Юга рухнули с 5,5% национального ВВП до 3,5%. Можно сказать, что строительство «соборов в пустыне», учитывая тренд деиндустриализации, было «пустой тратой времени» и ресурсов [Sabatino, 2016].

Действительно, политика развития южных регионов, по мнению автора, имела ряд катастрофических недостатков, среди которых необходимо выделить следующие:

- Тотальное игнорирование программой местных особенностей населения, заключавшихся в нежелании кооперироваться, низком уровне образования и сильном недоверии к государству.

- Отсутствие каких-либо инициатив (вплоть до 1993 г.) по наращиванию человеческого капитала в регионе. Не были открыты новые высшие учебные заведения, не было инвестиций в НИОКР и инновационные индустрии.

- Политика «прямой интервенции». «Касса Меццоджорно» хоть и избегала транзакционных издержек, игнорируя местные органы самоуправления, зачастую фоку-

сировалась на строительстве чрезмерно неподходящих местным городам предприятий (например, металлургический комбинат в Таранто).

— Чрезмерный фокус на промышленности. Несмотря на то, что первые семь лет программы были инвестиции в инфраструктуру, и даже проводились земельные реформы, в дальнейшем программа фокусировалась только на индустриализации, не принимая во внимание другие отрасли.

— Коррупция и некачественный менеджмент. Не были проведены какие-либо аналитические исследования эффективности программы (они даже сегодня полностью недоступны), из-за чего деньги зачастую уходили на «пустые» проекты или разрывались.

— Анतिकонкурентная политика программы. Из-за чрезмерного субсидирования промышленности Юга, правительство не смогло вовремя осознать ошибку своих действий из-за эффекта «ложного благополучия», негативные эффекты программы были обнаружены только в 1990-ых годах, когда регион начал вновь отставать от Севера.

Ради справедливости отметим, что не все проекты стали провальными. Среди регионов можно выделить следующие наиболее эффективные полюса роста:

— Регион Кампания с несколькими крупными промышленными комплексами, созданными в более широком городском районе Неаполя, в котором отраслями специализации были сельскохозяйственные и агропромышленные секторы;

— Регион Апулия с крупным химическим кластером в Бриндизи и крупным сталелитейным заводом в Таранто;

— Сицилия с промышленными площадками Джелы и Сиракуз, специализирующихся на химической и нефтехимической продукции.

Таким образом, в Италии пытались сделать полюса роста: создавать заводы «на пустом месте» с целью вытянуть развитие региона. Но это не приводило к развитию вокруг,

так как местная система была не готова создавать мультипликативные эффекты. Когда завод строится на территории, для этого не подготовленной, мультипликаторов нет. Сырьё, заготовки и оборудование искусственно привозится, а не производится на месте. Работают люди из других городов, и заработная плата не остаётся в регионе.

М. Ю. Захарова

Литература

1. Ситкевич Д. Индустриальная политика в экономически отсталых регионах: уроки Меццоджорно // Экономическая политика. — 2020. — Т. 15. — №1. — С. 136–159.

2. Alacevich M. Postwar development in the Italian Mezzogiorno. Analyses and policies // Journal of Modern Italian Studies. — 2013. — Vol. 18. — №1. — P. 90–112.

3. Felice E., Lepore A. State intervention and economic growth in Southern Italy: the rise and fall of the «Cassa per il Mezzogiorno» (1950–1986) // Business History. — 2016. — Vol. 59. — №3. — P. 319–341.

4. Polverari L. Policy Rhetoric versus Political Reality: Has the Italian State Given Up on the Mezzogiorno? // Regional & Federal Studies. — 2013. — Vol. 23. — №5. — P. 571–590.

5. Rosaria R., Napolitano O. and C. National disparities and cyclical dynamics in Italy (1892–2007): was the Mezzogiorno a sheltered economy? // International Review of Applied Economics. — 2015 — Vol. 29. — №3. — P. 328–348.

6. Sabatino M. The deindustrialization process in South Italy // ERSА Congress (conference). — Vienna: 2016. — 21 p.

2.6. Австрия. Инновационный ИТ-парк Хагенберг: «Силиконовая долина Австрии»

В современной динамичной мировой экономике для поддержания конкурентоспособности необходим постоянный поиск новых направлений развития, как фирмам, так и территориям. Считается, что наследие старых промышленных структур, преобладающих в этих областях, ограничивает масштабы и возможности для выхода на новые траектории развития, основанные на высокотехнологичной деятельности. Эмпирический пример, доказывающий обратное — обновление регионального пути развития Верхней Австрии с ее специализацией на металлургии и машиностроении. В регионе находится ИТ-парк Хагенберг — один из крупнейших и самых успешных технопарков Австрии. За последние 30 лет он наработал критическую массу научных и производственных компетенций в области ИКТ и стал центром формирования нового регионального пути Верхней Австрии.

Краткая диагностика региона Верхняя Австрия

Верхняя Австрия (ВА) — федеральная земля на севере Австрии. Административный центр и крупнейший город — Линц. Верхняя Австрия занимает 14,3% всей площади страны, граничит с Чехией и Германией, а также с австрийскими землями Нижней Австрией, Зальцбургом и Штирией. Здесь проживает 17% населения Австрии — 1,5 млн чел. [Statistik Austria].

В эпоху после Второй мировой войны регион стал одним из ведущих промышленных центров Австрии со специализацией на черной металлургии и транспортном машиностроении. Основой этих отраслей были государственные предприятия, как например, металлургическая компания Voestalpine AG. В 1980-х гг. госсектор Австрии

пострадал от серьезного кризиса, однако после приватизации и реорганизации производства традиционные отрасли восстановили свою конкурентоспособность. Они по-прежнему играют ключевую роль в развитии региона [Baier, Kroll, Zenker, 2013]. Верхняя Австрия составляет четверть национального промышленного производства, которое концентрируется вокруг городов Линц, Штайр и Вельс. Доля вторичного сектора в валовой добавленной стоимости составляет 33%, что значительно превышает средние австрийские значения. Особенно выделяется автомобильный сектор (57% производства Австрии), черная и цветная металлургия, химическая промышленность [Statistik Austria].

Способность Верхней Австрии генерировать инновации ограничена по сравнению с другими австрийскими регионами, такими как Вена и Штирия. Регион отстает по расходам на НИОКР, компетенциям в области НИОКР и размерам наукоемких секторов услуг [Maier, Trippel, 2011]. Занятость в высокотехнологичных секторах также ниже среднего по стране. Анализ структуры расходов на НИОКР выявляет ориентацию на прикладные исследования и разработки, фундаментальные исследования имеют второстепенное значение. Три четверти расходов на НИОКР в Верхней Австрии приходится на частный сектор, в то время как в целом по Австрии — около половины. Более того, доля иностранных источников финансирования НИОКР, составляющая более 15% расходов на НИОКР в Австрии, играет незначительную роль в Верхней Австрии (4% от общих расходов) [Business Raiffeisen Landesbank Oberösterreich, 2019]. В регионе находится около 20 бизнес-инкубаторов — внедрение инноваций в бизнес-практики. Некоторые из них специализируются на ИКТ [Landeskorrespondenz Medien Info]. В этом контексте Хагенберг имеет первостепенное значение, поскольку объединяет деловые, научные и образовательные компетенции в области разработки ПО и обеспечивает базу для

STI-модели инноваций (наука, технологии, инновации) [Software Park Hagenberg Magazine].

Научная база

В 1974 г. в Университете Иоганна Кеплера в Линце начал работать австрийский ученый, профессор компьютерной математики Бруно Бухбергер¹. Десятью годами позже он основал журнал символьных вычислений (Symbolic Computation), который на 2021 г. является ведущим мировым изданием в области компьютерной алгебры. Еще в своей диссертации Бухбергер изучал взаимосвязь между линейной алгеброй и компьютерами, и, по данным интервью, стремился к развитию научного направления на стыке двух дисциплин. Это было реализовано в создании научно-исследовательского института символьных вычислений (RISC) в 1987 г. при поддержке государства и Линцкого университета (20% и 80% инвестиций соответственно). Вскоре на кампусе выявилась нехватка места, и профессор Бухбергер стал искать новое помещение для института RISC [Buchberger, 2009]:

«Я рассматривал 15 разных мест, пока губернатор Йозеф Ратценбёк не услышал об этом и не предложил мне замок Хагенберг, который подлежал ремонту» —

*Б. Бухбергер в интервью изданию Liwest
[Liwest].*

Помимо переезда филиала университета, профессор по просьбе губернатора разработал план по последовательному созданию технопарка с привлечением других

¹ Бруно Бухбергер — наиболее известный австрийский исследователь в области компьютерной математики (более 3 тыс. цитирований в Research Index). В 1965 г. он создал теорию базисов Гребнера и одноименный алгоритм — фундаментальный метод компьютерной математики, который используется повсеместно в компьютерном обеспечении [Softwarepark Hagenberg].

университетов и компаний, интеграцией нового знания в индустриальный сектор и созданием международной репутации. Целью сотрудничества двух лидеров было придание нового импульса экономическому развитию региона. Инициатива принадлежала членам местного сообщества Верхней Австрии. Проект был реализован на территории старинного замка Хагенберг, выбор на который пал не случайно.

Размещение технопарка: Хагенберг

Хагенберг — коммуна в Верхней Австрии с населением 2,5 тыс. чел в сельском, менее развитом, в сравнении со средними значениями социально-экономических показателей по Австрии, районе Мюлькрайс [Statistik Austria]. Хагенберг расположен в зоне 20-минутной автомобильной доступности от Линца, общественный транспорт в этом направлении развит слабо. Единственной и важнейшей местной достопримечательностью является старинный замок Хагенберга, изображенный на гербе населенного пункта. На протяжении XX в. он принадлежал разным владельцам, от графов до советских оккупационных сил, и в результате землетрясения и отсутствия ремонтных работ приходил в упадок, пока в 1970-х гг. очередной владелец не принял решение о сносе здания. Тогда жители коммуны объединились с муниципалитетом и запустили кампанию против сноса замка под лозунгом *«Хагенберг не должен потерять свое лицо»*. Мэр Хагенберга отклонил прошение о сносе замка, а муниципалитет взял на себя часть ремонтных расходов и вместе с Обществом охраны замка Хагенберг арендовал его на 99 лет. Кампания также была направлена на ревитализацию замка путем нахождения ему нового применения [Scholl, Peric, Signer, 2018].

Эта история иллюстрирует высокий уровень доверия между заинтересованными сторонами, гражданами и политическими лицами, принимающими решения, готовность к самоорганизации местного комьюнити вокруг вы-

зова, а также проявления силы местной инициативы. Это относится как к бывшему мэру, который прислушался к мнению местных жителей, так и к его преемникам, которые предприняли стратегические шаги для продвижения проекта. В обоих случаях это было подкреплено прямым личным доступом к членам регионального правительства. Вышеописанные события происходили в 1970-х гг., то есть ключевая особенность «местной почвы» — доверие в обществе — проявлялось задолго до создания нового пути развития.

Правительство провинции Верхняя Австрия под руководством Й. Ратценбёка профинансировало реконструкцию замка под новый институт. В 1989 г. RISC переехал в замок и началось воплощение концепции технопарка в жизнь [Buchberger, 1997].

Финансирование

Основным инвестором выступил Райффайзенбанк Верхняя Австрия, скупая землю под будущим парком и продавая ее компаниям-застройщикам. Банки, в т. ч. Райффайзен, в Верхней Австрии организованы как кооперативы: они принадлежат местным жителям, так называемым совладельцам. Все решения принимаются «на местах» — отделения пользуются широкой автономией от головного отделения банка [Business Raiffeisen Landesbank Oberösterreich, 2019]. В 1980-е гг. президентом банка был Л. Шарингер — активный член сообщества Верхней Австрии. Он входил в наблюдательный совет по гарантиям кредитов Верхней Австрии, вел преподавательскую деятельность в Линцском университете. При нем Райффайзен широко участвовал в спонсировании университета. Банк проспонсировал строительство нового кампуса университета, «лекционного зала Райффайзен» и проч. Проект технопарка Хагенберг был реализован по устному соглашению между банком, университетом и правительством, и лишь в 2007 г. неофициально согласованная орга-

низационная структура была оформлена в виде контракта [Maier, Trippl, 2011]. На 2021 г. технопарк Хагенберг приносит прибыль Райффайзенбанку за счет арендной платы за землю, эксплуатации зданий, а также инвестиций в компании технопарка. Здания технопарка принадлежат еще нескольким независимым владельцам.

Развитие технопарка

Профессору Бухбергеру удалось убедить другие институты университета, а также компании обосноваться в Хагенберге. На самом раннем этапе два других института Линцского университета последовали за RISC и переехали в SPH, увеличив исследовательский потенциал Хагенберга. Это, в свою очередь, привлекло другие научно-исследовательские структуры (такие как SCCN, RIPE и UAR), образовательные учреждения (Университет прикладных наук Верхней Австрии) [Buchberger, 1997]. При SPH открыта средняя школа в области ИКТ, растет набор предлагаемых курсов в сфере фундаментальных и прикладных исследований, дополняя классическое университетское образование. В RISC была запущена международная магистерская программа по информатике. Многие образовательные программы спонсируются крупными компаниями из традиционных отраслей региона, такими как Voest и Trumpf. При поддержке Raiffeisenlandesbank Oberösterreich и правительства Верхней Австрии открыты бизнес-инкубаторы, коворкинги, построено множество новых студенческих кампусов [Softwarepark Hagenberg].

С помощью последовательного расширения образовательной базы был создан поток выпускников-специалистов, что мотивирует компании к релокации в SPH. Кроме того, сами студенты имеют большой стартовый потенциал. На протяжении многих лет в SPH наблюдается постоянный рост числа фирм. На 2011 г. было зарегистрировано 40 компаний, на 2021 г. — порядка 75 [Software Park Hagenberg Magazine]. С одной стороны, есть стартапы, бизнес которых

основан на инновационной идее, часто разрабатываемой предпринимателем во время учебы в университете. С другой стороны, есть компании, тесно связанные с исследовательскими институтами, которые регулярно производят инновации и на высоком уровне и создают дочерние компании [Maier, Trippl, 2011]. В среднем в одной фирме занято около 20 чел. Их основная деятельность включает разработку и настройку программного обеспечения и ИТ-консалтинг для широкого спектра компаний в области медицины, медиа, сельского хозяйства, мехатроники. Треть фирм технопарка ориентировано на международный рынок.

Обеспечивая новые рабочие места, а также поставляя высококвалифицированных выпускников, высшие учебные заведения и научно-исследовательские организации Хагенберга оказывают положительное влияние на рынок труда всей провинции Верхняя Австрия. Они привлекают в провинцию научные таланты (как студентов, так и исследователей) из-за рубежа, в то же время обеспечивая жителей региона возможностью получения образования и трудоустройства. Повысился инновационный потенциал региона, выросли расходы на НИОКР [Maier, Trippl, 2008]. ИТ-парк изменил сельскую общину региона Мюльфиртель, где повысилось качество транспортной инфраструктуры, уровень занятости населения и проч. Однако комьют из Линца или любого другого города в Хагенберг — редкость. Большинство сотрудников либо уже проживают в этом районе, когда начинают работать в одной из компаний технопарка, либо переезжают в Хагенберг вскоре после этого [Maier, Trippl, 2011].

Теоретическая база проекта: подходы эволюционной экономической географии

История создания технопарка Хагенберг являет собой воплощение идей голландской школы эволюционной экономической географии (ЭЭГ) на практике. Наиболее авторитетным исследователем этого направления считается Р.

Бошма с многочисленными трудами по ЭЭГ, собранными в книге «The Handbook of Evolutionary Economic Geography» [Boschma, Martin, 2010]. В рамках подхода от ЭЭГ на макроуровне анализируется экономическое развитие городов и регионов как совокупность отраслей и сетей в регионе и его положение в системе мировой торговли. В основе эволюции пространственных систем лежит процесс структурных изменений существующих траекторий развития. Города и регионы, способные создавать новые сектора с новыми жизненными циклами продуктов и растущим спросом, развиваются, в то время как территории, привязанные к более ранним специализациям, наоборот, стагнируют или переживают спад. Источником экономических и социальных изменений являются инновации, которые прокладывают новую региональную траекторию развития. Эволюционная экономическая география обеспечивает теоретическую основу для понимания возможностей и ограничений создания новых путей в старопромышленных районах, пример которого и представляет Верхняя Австрия.

Эволюционная теория имеет дело с процессами, зависящими от пути, когда предыдущие события влияют на вероятность наступления того или иного события в будущем. В анализе долгосрочного развития региональных, технологических, промышленных и институциональных форм применяется концепция зависимости от пути (path dependence). Прошлые и текущее состояние региональных систем влияет на будущие траектории их развития [Boschma, 2007]. Считается, что наследие высоко инертных производственных структур и устаревшая база навыков и компетенций, часто преобладающая на этих территориях, ограничивают возможности для появления новых путей регионального развития [Maier, Trippl, 2011]. Условия для перехода регионов на эти пути формируют их региональные инновационные системы (РИС).

Концепция региональной инновационной системы происходит из национальной инновационной системы (НИС), ориентированной на конкретную территорию. Согласно Б. Асхайму и А. Исаксен [Asheim, Isaksen, 2002], «региональную инновационную систему можно рассматривать как институциональную инфраструктуру, поддерживающую инновации в экономике региона». Считается, что регионы и их РИС постоянно эволюционируют. В среднесрочной и долгосрочной перспективе часто можно наблюдать изменения отраслевой структуры и инновационной деятельности в определенных отраслях. Чтобы понять траекторию формирования нового пути региона Верхняя Австрия, рассмотрим ее РИС, которая делится на три подсистемы: исследовательская (1), эксплуатационная (2) и институциональная (3) [Maier, Trippl, 2011].

1. В Верхней Австрии находится не менее 1,1 тыс. учебных заведений исследовательскими и образовательными учреждениями, более 300 из которых предоставляют среднее и высшее образование. В 1960-х гг. был открыт Линцский университет — ключевая организация в области высшего образования в регионе. Изначально он специализировался на социальных и экономических науках. Это один из самых молодых и небольших австрийских университетов, где ежегодно обучается 12 тыс. студентов [Maier, Trippl, 2011]. Большим исследовательским потенциалом обладает Университет прикладных наук Верхней Австрии, который предлагает около 30 учебных программ в городах Вельс, Хагенберг, Штайр и Линц главным образом по инженерными направлениям.

Особый интерес представляет SCCN (Центр компетенции в области программного обеспечения) — кооперативный научно-исследовательский институт, которым совместно руководят исследовательские организации и фирмы, получая финансовую поддержку в рамках национальной австрийской «инициативы центров компетенций» [Maier, Trippl, 2011]. SCCN иллюстрирует взаимо-

действие государства, института и бизнеса внутри одной структуры, другими словами, представляет собой модель тройной спирали. Она является одним из теоретических базисов концепции РИС. Согласно теории Ицковица и Лейдесдорфа, на каждом этапе создания инновационного продукта взаимодействуют государство и университет, затем в ходе трансфера технологий университет сотрудничает с бизнесом, а на рынок результат выводится совместно государством и бизнесом [Martin, Simmie, 2008]. Концепция тройной спирали, подчеркивающая роль университета в переходе к постиндустриальной «экономике знаний», получила широкое распространение в исследованиях инноваций. Создание прочных мостов между академическим, деловым и государственным секторами лежит в основе экономики знаний Верхней Австрии в целом и Хагенберга в частности.

2. Анализ структуры региональной экономики Верхней Австрии, то есть эксплуатационной подсистемы РИС, показывает высокую значимость традиционных промышленных секторов — металлургии и экспортного машиностроения — треть и половина австрийского производства соответственно. Крупнейшие (по числу сотрудников) ТНК включают Voest Alpine и VAI Siemens (металлообработка), BMW и MAN Steyr (автомобилестроение). Именно эти предприятиям фирмы Хагенберга и поставляют свои высокотехнологичные услуги и инновационные продукты, тем самым способствуя модернизации промышленных производств [Softwarepark Hagenberg Firmen]. На все этапы технологической цепочки проникают электронные носители, технологии электронного управления, автоматического сбора данных и т. д. в целом, распространению инноваций в регионе. Если ИТ-консалтинг обычно ориентирован на местный рынок, то специализированное программное обеспечение может конкурировать и на мировом рынке. Таким образом, новая траектория регионального развития Верхней Австрии базируется на отраслях «старой» специализации.

3. Последний, но не менее важный элемент РИС ВА — государство, или институциональная подсистема. В рамках австрийской федералистской политической системы регион имеет статус провинции, соответственно, обладает значительной автономией в области экономической и инновационной политики [Maier, Trippl, 2011]. Система регионального управления руководствуется стратегической программой «Innovative Upper Austria 2020» совместной разработки более 550 экспертов из академических, корпоративных и административных кругов [Strategic Economic and Research Programme Innovative Upper Austria 2020]. Особое внимание уделяется формированию кластеров, продвижению высокотехнологичных отраслей и человеческому капиталу. В авангарде кластерной политики находится агентство развития Technologie- und Marketinggesellschaft (TMG), которое предлагает иностранным инвесторам индивидуальные решения для инвестиционных и инновационных проектов [Baier, Kroll, Zenker, 2013].

РИС могут эволюционировать органично или в результате намеренных инициатив или решений. Однако при плановом создании РИС нужно учитывать параметр поглотительной способности региональной экономики — способности местных структур распознавать ценность инноваций, усваивать их и применять в коммерческих целях [Maier, Trippl, 2008]. Зачастую в периферийных регионах вследствие низкой поглотительной способности (а также региональных блокировок развития) возникает противоречие между новым знанием и консервативной индустрией. В Верхней Австрии, наоборот, поглотительная способность местной почвы высока: генерируемые инновации используются напрямую местными предприятиями. Почти для половины фирм ИТ-парка Хагенберг основной рынок сбыта расположен в пределах Австрии, у 20% рынок локализован в ВА [Maier, Trippl, 2011].

В обоих случаях для возникновения новой траектории необходима критическая масса инновационных фирм. Со-

гласно М. Фельдман, возникновение и формирование новых высокотехнологичных и наукоемких отраслей в меньшей степени основывается на существующих фирмах, а в большей степени на создании новых компаний [Feldman, Francis, Bercovitz, 2005]. Эволюция фирм происходит путем спин-оффования. От успешных стартапов отделяется все больше дочерних предприятий, которые почти всегда остаются в регионе материнской фирмы. По мере роста числа образовательных и предпринимательских структур, синергетический эффект от их совместного размещения технопарке усиливается. Кроме того, по результатам опроса, 87% компаний внутри Хагенберга взаимодействуют неформально, что указывает на высоко-развитую культуру сотрудничества внутри ИТ-парка [Business Raiffeisen Landesbank Oberösterreich, 2019]. Однако основные отраслевые партнеры фирм находятся за пределами технопарка.

Подход от институциональной экономической географии

Мы рассмотрели данный кейс с точки зрения ЭЭГ, однако упустили несколько уникальных особенностей, объяснить которые лучше всего с точки зрения институциональной географии. ИЭГ анализирует, как институциональная специфика влияет на экономическое поведение и, следовательно, на местные модели экономического развития, однако, естественно, эти области знания пересекаются. Ключевую роль в данном контексте играет развитость (толщина) институтов, влияющих на процессы экономической трансформации (*institutional thickness*). А. Амин и Н. Трифт выделяют четыре элемента институциональной толщины: сильное институциональное присутствие, высокий уровень взаимодействия между учреждениями, четко определенная иерархия, а также взаимное осознание того, что все акторы участвуют в общем предприятии [Amin, Thrift, 1994]. Поскольку эти характеристики скорее каче-

ственные, чем количественные, на основании комплексного анализа в случае с Верхней Австрией мы можем говорить о «мощном» или «толстом» характере развития как формальных, так и неформальных институтов. Об этом свидетельствует, например, наличие большого количества программ поддержки и процедур реализации инновационных проектов, за которые отвечают различные гибридные государственно-частные институты. Сюда же попадает самоорганизация сообщества коммуны Хагенберг вокруг проблемы сноса замка.

Неполным был бы анализ без учета неформальных взаимодействий между акторами РИС Верхней Австрии. Согласно концепции социальной укорененности, выдвинутой М. Грановеттером в 1980-х гг., экономическая деятельность хозяйствующих субъектов находится под влиянием структуры социальных сетей, в рамках которых они действуют. Подчеркивается взаимосвязь между рыночными операциями и социальными отношениями — любые фирмы возникают и функционируют под влиянием местной институциональной, социальной и культурной среды [Granovetter, 1985]. Действительно, предпринимательские, финансовые образовательные структуры Верхней Австрии в значительной степени связаны между собой, а также с местным сообществом: от трети до двух третей выпускников местных университетов остается работать в регионе; большинство инновационных фирм также работают с местными компаниями. Это способствует формированию тесных социальных сетей, повышению надежности и стабильности отношений между агентами РИС, за счет возрастает уровень доверия в обществе, а транзакционные издержки снижаются. Таким образом, повышается социальный капитал — совокупность ресурсов, связанных с включенностью в сеть взаимоотношений между людьми определенной группы (по Бурдьё) [Bourdieu, 1986]. Чем выше уровень социального капитала, тем меньше необходимость в нормативном регулировании отношений. Тот

факт, что сделка на миллионы евро о создании ИТ-парка Хагенберг на протяжении почти 20 лет была оформлена как устное соглашение между банком, университетом и правительством, говорит о крайне высоком уровне социального капитала в сообществе Верхней Австрии.

Кроме того, вследствие специфичности социального капитала, люди экономически и социально привязанность привязаны к тем или иным местам. Например, если бы в начале карьеры профессор Бухбергер руководствовался только экономически рациональным подходом, то принял бы о трудовой миграции, вместо ставки на развитие «родного» региона.

«Если бы я принял предложению о работе в Германии, я бы занимался там только наукой. Здесь я хочу начать что-то новое для развития региона» —

*Б. Бухбергер в интервью
изданию Oberösterreichische Nachrichten
[Oberösterreichische Nachrichten].*

Выводы и рекомендации

Мы наблюдаем уникальный случай создания нового пути, основанного на старой промышленной специализации региона. Модернизация существующих предприятий Верхней Австрии в сфере металлургии и машиностроения путем внедрения ИКТ позволила ИТ-парку Хагенберг сформировать ядро нового регионального пути провинции. Технопарк возник из местной инициативы, в результате органической эволюции региональной инновационной системы Верхней Австрии, а не как результат кластерной политики. По этой причине трудно обозначить универсальный план по созданию «Силиконовой долины Австрии» в регионах со схожей траекторией развития. Базовый элемент успешного инновационного проекта в экономике знаний составляет синергетическое взаимодействие университета как основного источника знаний, бизнеса, коммерциализирующего инновации, и государства, выполняющая регулиро-

ющую роль или также выступающего в качестве инвестора. В данном кейсе взаимодействия в рамках модели тройной спирали носят неформальный характер и обеспечиваются высоким уровнем социального капитала. Еще одна ключевая особенность — авторитетный и талантливый местный лидер в лице профессора компьютерной математики, за которым в Хагенберг изначально пришло не только его отделение университета, но и другие образовательные учреждения и фирмы. В совокупности эти факторы вызвали преодоление зависимости от пути и создание новой траектории развития на региональном уровне.

Таблица 2 — Особенности региона, которые позволили реализовать проект.

	Верхняя Австрия
Ресурсы	• Университет • «Харизматичный» лидер — инициативный профессор • Грамотная администрация провинции • Высокий уровень социального капитала • Внутренняя автономия (политическая — федерализм; экономическая — независимость финансовых структур) • <i>На локальном уровне: замок</i>
Инфраструктура	○ Развитая финансовая инфраструктура ○ Развитые институты поддержки инновационной деятельности ○ Высокая поглотительная способность региональной экономики ○ Минимальные административные барьеры
Ценности	• Высокая роль неформальных связей • Доверие между акторами будущей РИС • Социальная укорененность • Инициативность местного сообщества • Толерантность к неудаче • Маргинальность (в некоторой степени) • Патриотизм • <i>На локальном уровне: высокая степень гражданского самосознания + желание найти ресурсу достойное применение</i>

Составлено автором

«Дорожная карта»

Мартин и Симми в статье «Path dependence and local innovation systems in city-regions» отмечают, что новые пути возникают не в вакууме, а всегда в контексте существующих данностей [Martin, Sunley, 2006]. Подведем итоги нашей работы, представив эти данности Верхней Австрии в качестве системы ресурсов, инфраструктуры и ценностей (таблица 2).

М. А. Купцова

Литература

1. Amin A., Thrift N. (Eds) *Globalization, Institutions and Regional Development In Europe*. — Oxford: Oxford University Press, 1994. — P. 268.

2. Asheim B., Isaksen A. *Regional Innovation Systems: The Integration of Local «Sticky» and Global «Ubiquitous» Knowledge // The Journal of Technology Transfer*. — 2002. — Vol. 27. — P. 77–86.

3. Baier E., Kroll H., Zenker A. *Templates of smart specialisation: Experiences of place-based regional development strategies in Germany and Austria, Arbeitspapiere Unternehmen und Region*, No. R5/2013, Fraunhofer ISI, Karlsruhe.

4. Boschma R. *Path creation, path dependence and regional development / In Simmie J., Carpenter J. (Eds) Path Dependence and the Evolution of City Regional Development*. — Oxford: Oxford Brookes University, 2007. P 40–55.

5. Boschma R., Martin R. (Eds) *The Handbook of Evolutionary Economic Geography*. — Cheltenham: Edward Elgar publishing, 2010.

6. Bourdieu P *The forms of capital*. In: Richardson J. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. — New York: Greenwood, 1986. — P. 241–258.

7. Buchberger B. *Hagenberg Research*. — Hagenberg: Springer, Austria, 2009.

8. Buchberger B. *Von der Idee bis zum Forschungspark*. In: *GeistesBlitze*. Springer, Vienna, 1997.

9. *Die Grossen Zukunftsfragen // Business Raiffeisen Landesbank Oberösterreich*. — №3. — 2019.

10. Feldman M., Francis J., Bercovitz J. *Creating a Cluster While Building a Firm: Entrepreneurs and the Formation of Industrial Clusters // Regional Studies*. — 2005. — Vol. 39. — P. 129–141.

11. Granovetter M. *Economic action and social structure: The problem of embeddedness // American journal of sociology*. — 1985. — Vol. 91. — №3. — P. 481–510.

12. Maier G. and Tripl M. New Path Creation in Old Industrial Regions. The Case of the Software Park Hagenberg in the Province of Upper Austria // Paper prepared for the 51st European Congress of the Regional Science Association International. Barce-lona, 2011.

13. Maier G., Tripl M. The knowledge economy, economic transformations and ICT in the EU25+: Regional dynamics in the deployment phase. Report case study Upper Austria. — Vienna: Vienna University of Economics and Business, 2008.

14. Martin R., Simmie J. Path dependence and local innovation systems in city-regions // Innovation: Management, Policy & Practice. — 2008. — Vol. 10. — №3. — P. 183–196.

15. Martin R., Sunley P. Path Dependence and Regional Economic Evolution // Journal of Economic Geography — 2006. — Vol. 6. — №4. — P. 395–437.

16. Scholl B., Peric A., Signer R. Spatial Planning Matters! Inspiring Stories and Fundamental Topics. — Zurich: Hochschulverlag ETH Zurich, 2018.

17. Software Park Hagenberg Magazine — 2020/21 Issue.

18. Softwarepark Hagenberg: Das «Silicon Valley» vor den Toren von Linz Nachrichten AT [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ventopay.com/wp-content/uploads/2016/03/Nachrichten-Silicon-Valley.pdf> (дата обращения 17.03.2021).

19. Strategic Economic and Research Programme Innovative Upper Austria 2020.

20. Liwest: Bruno Buchberger: Digitalisierung und künstliche Intelligenz. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.liwest.at/liwest-blog/blog/portraits/interview-bruno-buchberger> (дата обращения 17.03.2021).

21. Oberösterreichische Nachrichten. Digitalos: Vorhang auf für die digitalen Vorreiter des Landes [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nachrichten.at/wirtschaft/digitalos-vorhang-auf-fuer-die-digitalen-vorreiter-des-landes;art15,3453491> (дата обращения 17.03.2021).

22. Softwarepark Hagenberg Firmen. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.softwarepark-hagenberg.com/> (дата обращения 17.03.2021).

23. Softwarepark Hagenberg wird zum Top-Zentrum für IT-Security & Analytics 4.0 / Landeskorrespondenz Medien Info [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.softwarepark-hagenberg.com/news-presse/detail/news/softwarepark-hagenberg-wird-zum-top-zentrum-fuer-it-security-analytics-40-1> (дата обращения 17.03.2021).

24. Statistik Austria // Statistisches Jahrbuch Österreichs 2021, Vienna. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/growth/tools-databases/regional-innovation-monitor/base-profile/upper-austria> (дата обращения 17.03.2021).

2.7. Китайская республика (Тайвань): Земельная реформа

Земельная реформа — первое экономическое преобразование, проведенное правительством Китайской Республики (Тайваня) после окончания гражданской войны в Китае. Экономическое чудо, ставшее широко обсуждаемым несколькими десятилетиями позже, отчасти стало возможным благодаря именно этой реформе. Её можно рассматривать в качестве первого шага на пути к модернизации страны, причём шага обязательного.

Характеристика контекста

Реформы, проводившиеся с конца 1940-х годов на Тайване, представляли собой модернизацию в классическом её понимании, то есть обуславливали переход от традиционного уклада к современному. В чём выражалась та традиционность, ликвидировать которую собирались реформаторы?

Первая проблема заключалась в распределении сельскохозяйственных земель. В распоряжении примерно 6% землевладельцев была половина всех обрабатываемых земель, а подавляющее большинство занятых в сельском хозяйстве граждан (55% от всех занятых) вынуждены были арендовать землю. Около 50–60% урожая они отдавали в качестве арендной платы, при этом их земельные наделы в среднем составляли всего 1,2 га [İşcan, 2018].

Вторая проблема — хроническая нищета сельских жителей, их высокая доля в населении, высокий уровень задолженности арендодателям и ростовщикам, низкая эффективность труда и неэффективное использование средств, полученных в качестве арендной платы помещиками (землевладельцами) [Ladejinsky, 1971].

Третья проблема особенно тревожила правящую партию Гоминьдан и лично Чан Кайши. Идеологические оппоненты тайваньских властей в материковом Китае активно эксплуатировали проблему земельного вопроса, остро стоявшего в традиционной полуфеодальной системе. В сельских районах они имели большую популярность, чем Гоминьдан, который был практически лишён широкой базы поддержки среди населения Тайваня [Sinclair, 2018]. Местное восстание в 1947 году закончилось жестоким силовым подавлением, а приехавшие из материковой части страны китайцы, хоть и составляли значительную долю в населении острова (15%), всё же оставались в меньшинстве [Куо, 2020].

Именно острая необходимость в легитимации собственной власти и сподвигла Гоминьдан начать реформу, успех которой сулил обеспечить партию стабильной поддержкой нескольких миллионов тайваньцев [Sinclair, 2018]. Это важный момент при анализе любых реформ. Что именно движет элитами, по определению занимающими господствующее положение в общественной иерархии? Эта часть общества меньше других мотивирована производить какие-либо изменения. К тому же реформы

подразумевают слом существующих привычных порядков, часто закреплённых не только в виде повседневных практик, но и институализированных законодательно [Травин, Маргания, 2011].

Ни одна реформа не реализуется в том виде, в котором задумывается реформаторами. Весь процесс модернизации сопровождается постоянными конфликтами как между группами интересов, так и между властью и группами интересов. Последние, разумеется, либо не заинтересованы в реформах, либо стараются преобразовать или приостановить их в удобном направлении или в тот момент, который выгоден для них [Травин, Маргания, 2011]. Тайваньским властям в этом повезло больше, чем правительству Республики Корея тех лет, так как корейская власть во многом опиралась на крупных землевладельцев, которые противились проведению реформы, лишавшей их основного источника ренты. Гоминьдан же не опирался ни на местные помещичьи элиты, ни на арендаторов, поэтому мог позволить себе не учитывать интересы земледельцев при планировании земельной реформы [Sinclair, 2018].

Ещё одним фактором, мотивировавшим тайваньские власти проводить реформу, были рекомендации американских специалистов, имевших тогда большое влияние в капиталистических странах Восточной Азии (в Японии, Республике Корея, Южном Вьетнаме и Тайване). Сразу после окончания Второй мировой войны американские власти начали земельную реформу в Японии. Реформа подразумевала решение проблем, актуальных и для Тайваня. Опыт этой реформы позже был использован и в других восточноазиатских странах, причём многие меры можно было заимствовать практически без изменений, так как и Республика Корея, и Тайвань в течение всей первой половины XX-го века были колониями Японии, а следовательно, имели схожие проблемы в области землепользования [Işcan, 2018].

Объединенная (американо-китайская) комиссия по реконструкции сельского хозяйства, созданная в 1948 году, проводила полевые исследования ещё до начала реформы, а одним из её участников и консультантом тайванского правительства был Вольф Ладежинский, до этого проводивший аграрную реформу в Японии [Ladejinsky, 1971].

Земельная реформа

Реформа проводилась в три этапа и была реализована практически в том виде, в каком и задумывалась. Этому способствовали воля властей, желающих заручиться поддержкой большинства жителей острова, и помощь американских советников, имевших опыт проведения аналогичной реформы в схожих условиях.

На первом этапе, стартовавшем в 1949 году, ликвидировались все задолженности арендаторов, а плата с 50% сокращалась до 37,5%. Это, во-первых, повысило доходы и, как следствие, уровень жизни крестьян; во-вторых, снизило стоимость земли, что способствовало увеличению доли класса собственников, и повышению активности на земельном рынке. Кроме того, выросла производительность труда арендаторов, более не обременённых непомерными арендными платежами, что выразилось в росте объёмов производства риса в 1,5 раза за первые годы реформ [Sinclair, 2018].

В 1951 году началась продажа земель, принадлежавших государству. В государственную собственность после возвращения Тайваня под юрисдикцию китайских властей попали все земли, принадлежавшие японскому правительству или частным лицам из бывшей метрополии. Они составляли около 20% всех обрабатываемых земель, причём относились к разряду лучших сельскохозяйственных угодий [Деметрадзе, 2018].

Доступ к этим землям имело большинство арендаторов, так как выплаты можно было растянуть на 10 лет,

а цена за весь участок составляла всего 2,5 стоимости среднего объёма ежегодного сбора урожая [İşcan, 2018].

На третьем этапе в 1953 году был принят Акт «Земля для земледельца» (англ. *Land to the Tiller Act*), согласно которому у крупных землевладельцев принудительно выкупались сельскохозяйственные земли, превышающие размером 3 га. Из рук государства эти земли по той же схеме, что и в течение двух предыдущих лет, продавались арендаторам. Бывшим землевладельцам компенсировалась стоимость конфискованных участков, но часть этих средств должна была инвестироваться в лёгкую промышленность [Джекобс, 2009].

В итоге доля земель, находящаяся в собственности тех, кто занимался её обработкой, выросла до 90%, а бывшие помещики лишились земельной ренты. Вместе с тем начался быстрый рост городов, так как стимулировалось укрупнение фермерских хозяйств, а капитал, высвободившийся из-под первичного сектора экономики и государственного контроля, стал реализовываться в местной лёгкой промышленности.

В ходе реформы властям удалось повысить уровень жизни в сельской местности и производительность хозяйства, а также передать инициативу в дальнейшей (уже индустриальной) модернизации страны среднему классу.

Начало индустриализации

Процессы, запущенные земельной реформой, а также новые планы руководства Гоминьдана по модернизации Тайваня, обусловили стремительный рост промышленного производства в стране в последующие десятилетия. Как и аграрная реформа, тайваньская модернизация проходила аналогичным способом, что и в странах, которые позже были названы Новыми индустриальными (НИС).

Руководство Китайской Республики в 1950–1960-е годы пошло по пути строительства экспортно-ориентированной экономики. За счёт конкурентного преимущества

в виде дешёвой, трудолюбивой и многочисленной рабочей силы, а также благодаря политике правительства, направленной на привлечение иностранных инвесторов, из США в Тайбэй активно начали переносить текстильные производства. В столице КР среди «вайшенгрэн» (китайцев из материкового Китая) нашлось немало инженеров с опытом работы на подобных производствах, так как на Тайвань переезжали преимущественно более образованные и квалифицированные люди. Они занимали средний и нижний уровни в руководстве иностранных предприятий и перенимали компетенции у зарубежных коллег [Sinclair, 2018].

Бывшие землевладельцы, обязанные вкладываться в лёгкую промышленность, охотнее создавали совместные предприятия с китайскими управленцами, а не с иностранцами. В итоге благодаря местному капиталу появились не несколько крупных фирм, наподобие южнокорейских чеболей (финансово-промышленных групп), а множество малых и средних предприятий со сложными симбиотическими связями. Эти предприятия занимались обслуживанием иностранных производств в качестве субподрядчиков или производили аналогичную, адаптированную к местным условиям, продукцию. Они не могли конкурировать с американскими фирмами, но были способны замещать часть импорта [Джекобс, 2009].

Небольшие частные предприятия легче адаптируются к изменениям, быстрее производят инновации, ассимиляция которых в вертикально интегрированных компаниях затруднена внутренней бюрократией, консерватизмом и подсчитыванием рисков. Гибкость тайваньских фирм позволила им успешно конкурировать за возможность быть субподрядчиками для более сложных, научно- и капиталоемких производств. Благодаря своим размерам и специализации предприятия не замкнулись на двухсторонней торговле с теми странами, откуда были перенесены производства.

По утверждению Дж. Джекобс, слаборазвитый регион, куда переносятся производства, должен вступать в активные торговые отношения с такими же слаборазвитыми регионами, так как именно на этом рынке можно успешно конкурировать. Торговля же с более развитыми экономиками не ведёт к развитию собственных производств [Джекобс, 2009]. Следовательно, требуется либо товарообмен с другими странами региона, либо увеличение товарооборота внутри страны, между Тайбэем и другими городами.

Ключевой ограничитель на пути активных взаимодействий внутри страны — инфраструктура. Своевременное строительство двух основных автомагистралей (Сунь Ятсена и Маккартура) и модернизация построенной ещё в колониальный период железной дороги способствовали улучшению связности страны. Это позволило тайваньскому капиталу из Тайбэя развивать новые отрасли промышленности в других городах страны. В итоге в новых экспортно-ориентированных зонах Гаосюна и Тайчжуна развивались не только иностранные производства электроники, но и местные наукоёмкие производства и тяжёлая промышленность.

Отдельно отметим, что американская помощь состояла не только в привлечении специалистов к процессу разработки реформ и оказании гуманитарной помощи. Около 80% приходилась на военную помощь, что снимало с тайваньского бюджета часть нагрузки на военные расходы. Кроме того, на Тайване размещалось несколько крупных военных баз, в том числе база ВВС близ Гаосюна, где производился ремонт всей американской техники Азиатско-Тихоокеанского региона. Вокруг этой и некоторых других баз возникло множество субподрядчиков, производящих простые в изготовлении запчасти или осуществляющих ремонт техники. Это способствовало развитию малых и средних предприятий в отдельных регионах страны вне крупных городов [Hsu, Gimm, Glassman, 2018].

Важно подчеркнуть, что большая часть факторов, способствовавших переходу экономики Тайваня от индустриальной к постиндустриальной, была создана ещё в 1950-е годы, то есть в самом начале индустриализации. Инфраструктура создавалась в первые годы модернизации: государственные и частные ВУЗы и техникумы были основаны в пятидесятые годы, отчасти усилиями китайцев, приехавших из материкового Китая, США и других развитых стран. Большой класс собственников, способных вкладывать свои средства в небольшие местные производства, возник именно в результате земельной реформы, которая к тому же лишила существовавшую до этого землевладельческую элиту доступа к привычной для неё ренте (платежи арендаторов). Реформа вынудила владельцев крупного (по местным меркам) капитала заниматься экономической деятельностью, требующей постоянной конкуренции, модернизации и высокой квалификации кадров, то есть всего того, что напрочь отсутствовало в традиционной экономике Тайваня.

Тайвань не был единственным регионом, куда в определённый момент переносились производства из развитых стран, но отличительной чертой местной экономики выступала способность к самоподдержанию и постоянному обновлению за счёт наличия сильного местного капитала и высокой квалификации кадров. В тот момент, когда Тайвань потерял своё основное конкурентное преимущество в виде дешёвой рабочей силы, он не потерял производства, так как вновь перенесённые, но уже из Тайваня, трудоёмкие предприятия лёгкой промышленности не были основой экономики страны. Регионы, которые развиваются только за счёт переноса иностранных производств и не создают собственные источники роста, способствующие самостоятельному обновлению экономики и генерации инноваций, обречены попасть в ловушку среднего дохода.

Результаты реализации

Примеры восточноазиатских авторитарных модернизаций (или «диктатур развития») часто приводятся в качестве модели развития для любых стран, не относящихся к числу развитых. Тайвань упоминается реже, чем Республика Корея или Сингапур, но в некоторых областях является даже более подходящим примером. Однако, далеко не все подобные сравнения теоретических траекторий развития каких-либо стран с моделью модернизации Тайваня релевантны. Существуют ограничения, делающие невозможным применение восточноазиатского опыта в других странах сегодня.

Первая группа ограничений заключается в характеристике контекста: начальных условиях, в которых находится экономика. Модернизация тайваньской экономики начиналась с земельной реформы в условиях полуфеодальной системы. Большая часть граждан проживала в сельской местности, не имела высшего образования, при этом уровень школьного образования был выше, чем в большинстве постколониальных стран, — отличительная черта японского колониализма. Власть принадлежала одной партии, не имеющей легитимности и опирающейся на военную силу, используя авторитарные практики; Тайвань обладал несколькими крупными городскими центрами, помимо Тайбэя. Важными аспектами положения Тайваня являются компактность территории и выход к морю.

Очевидно, что постсоветские страны или государства Юго-Восточной Европы находятся в совершенно других условиях. Это общества с высоким уровнем урбанизации, образования, интеграции в мировую экономику, они преимущественно постиндустриальные и не имеют потребности в срочной индустриализации с поэтапным прохождением всех циклов Кондратьева.

Использовать тайваньскую модель могли бы слаборазвитые приморские государства Южной и Юго-Восточной

Азии, а также Восточной Африки. Некоторые из них именно такой путь и выбрали. Сегодняшние Китай, Вьетнам, Таиланд, Малайзия или Камбоджа по многим чертам похожи на Тайвань 30–60-летней давности. Однако их траектории развития не являются в полной степени повторением модернизации Китайской Республики или Республики Корея. Они усвоили общую идею и основной вектор развития, базирующийся на экспортно-ориентированной экономике, специализации на трудоёмких производствах и т. д. Но им недостаёт множества мелочей, составляющих вторую группу ограничений, о которых говорилось в конце последнего параграфа: нет связности внутри страны (все регионы Таиланда связаны с Бангкоком, но не связаны друг с другом; три основных экономических центра Вьетнама имеют хорошие связи с внешним миром, но не друг с другом), малы инвестиции в высшее образование, и практически не используется потенциал диаспоры. Также нет такого разнообразия местных больших или малых фирм, перенимающих опыт и замещающих импорт.

В данном случае, вероятно, справедливо утверждение Дж. Джекобс, согласно которому успешный опыт модернизации нескольких стран является не примером для подражания, а всего лишь «успешной импровизацией», которая сработала в данном месте в данное время не только благодаря грамотной политике, но и из-за стечения множества не просчитываемых или неповторимых обстоятельств.

Ф. М. Чернецкий

Литература

1. Деметрадзе М. Р. Модернизация Тайваня в правление президента Чан Кайши: опыт для постсоветских государств // Россия и современный мир. — 2018. — №3. — С. 181–195.
2. Джекобс Д. Города и богатство наций. Принципы экономической жизни // Новосибирск, НП «Сибирская

Гильдия девелоперов и управляющих недвижимостью. — 2009. — 332 с.

3. Травин Д. Я., Маргания О. Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. — 2011.

4. Hsu J., Gimm D. W., Glassman J. A tale of two industrial zones: A geopolitical economy of differential development in Ulsan, South Korea, and Kaohsiung, Taiwan // *Environment and Planning A: Economy and Space*. — 2018. — Vol. 50. — №2. — P. 457–473.

5. İşcan T. B. Redistributive Land Reform and Structural Change in Japan, South Korea, and Taiwan // *American Journal of Agricultural Economics*. — 2018. — Vol. 100. — №3. — P. 732–761.

6. Kuo Y. K. The history and politics of Taiwan's February 28 Incident, 1947–2008. — 2020. — 445 p.

7. Ladejinsky W. Agrarian reform in Asia. — 1971. — №1920–2017–2330.

8. Sinclair T. L. Land to the tiller? land reform in Asia following the Second World War. — 2018.

2.8. КНР. Китайское «экономическое чудо»

Китайская Народная Республика (КНР) — крупнейшее в мире государство по численности населения и одно из крупнейших по площади территории. В настоящее время Китай является страной со второй экономикой мира и влиятельным государством, с которым вынуждены считаться в вопросах международной политики.

Но еще в 70-е годы XX в. Китай был бедной, отсталой, аграрной страной. Большая часть его населения проживала за чертой бедности, страна занимала последнее место в мире по душевому уровню производства товаров и продовольствия, уступая даже странам Африки.

Экономический скачок, совершённый Китаем с конца семидесятых годов по настоящее время (ВВП вырос более, чем в 90 раз), получил название китайского экономического чуда. И хотя составляющие этого чуда общеизвестны, ни одному государству так и не удалось в полной мере повторить впечатляющий экономический успех Китая.

Экономика до реформ

До начала политики реформ и открытости, проведённой командой Дэн Сяопина, Китай находился в крайне сложном экономическом положении. В качестве основных проблем можно выделить:

- Тотальный голод;
- Отставание от передовых стран в экономическом развитии;
- Сильнейшие диспропорции в соотношении гражданского и военного секторов;
- Низкий уровень образования населения, «отток» творческой интеллигенции;
- Неспособность производства товаров длительного пользования;
- Преобладание низкоэффективного ручного труда;
- Безработица в городах после возвращения репрессированных граждан;
- Разрыв отношений с главным союзником — СССР;
- Экономика была разрушена последствиями Большого скачка и «культурной революции» (падение уровня потребления электроэнергии на 40%).

С другой стороны, к благоприятным для развития экономики факторам в Китае можно отнести [БРЭ]:

- Железнодорожная сеть, покрывающая большую часть восточного побережья страны, и отдельные дороги в западной части;
- Сеть водных путей, связывающих страну;
- Предприятия — наследие первых пятилеток и сотрудничества с Советским Союзом;

- Многочисленная дешёвая низкоквалифицированная рабочая сила;
- Обеспеченность минеральными ресурсами;
- Большая диаспора;
- Руководители, на собственном опыте знающие о жизни простого народа;
- Конфуцианская этика и трудолюбие народа.

Последние два фактора абсолютно уникальны, так как в большинстве развивающихся стран руководители зачастую принадлежат к гражданским или военным элитам и плохо представляют себе реальные проблемы и потребности простого народа, а конфуцианская этика характерна лишь для ряда стран Азиатского региона.

Одной из важнейших особенностей Китая было то, что экономические реформы в нём были невозможны без реформ политических, так как именно крайне жёсткая социалистическая модель тормозила экономическое развитие страны.

Основными политическими реформами стали:

1. Программа Боуан Фаньчжэн, позволившая репрессированным в годы Великой пролетарской культурной революции вернуться в города и воссоединившая семьи;
2. «Рынок — это не капитализм, а план и плановая экономика — не социализм»;
3. Политика четырёх модернизаций: сельского хозяйства, промышленности, армии и науки;
4. Политика «сяокан»: средне-процветающего общества;
5. Отмена «железной чаши для риса» — оплаты не по факту проделанной работы, а согласно занимаемой должности. Отмена данной программы позволила сильно повысить мотивацию граждан к труду;
6. Повышение степени открытости государства;
7. Реформа государственного аппарата и конституции (особенно важным была отмена запрета на владение частной собственностью);

8. Отмена наиболее радикальных идей Мао Цзэдуна, при признании величия его личности.

Только после проведения ряда политических реформ стало возможным проведение полноценных экономических реформ [Ebrey, 2010; Mühlhahn, 2019].

Старт началу реформ был дан после съезда ЦК КПК 1978-го года, когда было принято решение об изменении экономического курса страны. Действовать экономическая реформа начала в 1982 году, а в 1987-м было дано толкование дальнейшей модели развития экономики, предполагавшее использование эффективно зарекомендовавших себя рыночных механизмов без отхода от идеологии социализма. Основной акцент был сделан на проведении экономических преобразований с целью:

- Сделать Китай более открытым для других стран мира;

- Построить социалистическую модель рыночной экономики в коммунистическом государстве;

- Обеспечить всех жителей страны общественными благами [Китайское экономическое чудо].

Основными экономическими реформами стали:

- Аграрная реформа с отменой системы госзаготовок и передачей земли в коллективную собственность крестьянам (баоган);

- Создание деревенских предприятий (программа «Покидать землю, не покидая деревню»);

- Появление частных промышленных предприятий и передача более широких прав на управление руководителям государственных, создание системы двойных цен;

- Создание специальных экономических зон для привлечения иностранного капитала;

- Система максимального благоприятствования инвесторам.

Первоочередной задачей для страны было решение проблемы голода, для чего требовалось обеспечить стабильный валовый сбор зерновых объёмом не менее

400 миллионов тонн в год. Для этого был проведён ряд аграрных преобразований:

1. Снижение роли соревновательной системы и повышение роли поощрительной;

2. Отмена эгалитарного распределения доходов;

3. Выделение земли хозяйствам в аренду на пятнадцать лет, с возможностью продления;

4. Были введены квоты на сельскохозяйственную продукцию, чтобы крестьяне не перешли полностью на выращивание дорогостоящих и высокоурожайных культур, что могло привести к недостатку культур продовольственных и усугублению голода;

5. Возможность распродажи избытков продукции по рыночным ценам;

6. Выращивание разных видов сельхоз продукции в наиболее подходящих для них условиях.

Эти реформы позволили добиться выхода аграрного сектора из застоя, вступления крестьянских хозяйств на путь специализации и повышения товарности. В период с 1978 по 1985 гг. производство сельскохозяйственной продукции выросло в 2 раза, доходы крестьянских хозяйств — в 3 раза. Также наблюдался рост частных инвестиций в сельскохозяйственный сектор при снижении государственных. К концу 1980-ых гг. задача обеспечения страны зерновыми культурами была практически решена, а в деревне постепенно сформировалась хозяйственная система, сочетавшая коллективную собственность и семейный подряд [Растворова, Арефьев, 2016].

Особенной для Китая формой занятости на селе является сельская промышленность. Она возникла по инициативе государства, когда при модернизации сельского хозяйства китайское правительство ввело программы «покидая землю не покидаем деревню» с целью уменьшения иммиграционного потока в города. Сельским жителям был ограничен въезд в города, где для них не было работы, но при этом правительство поощряло создание предприятий

на селе. Поселковые предприятия позволили обеспечить рост занятости на 120 миллионов человек и повысить уровень жизни крестьян. А также диверсифицировать сельскую экономику, ускорить индустриализацию и развитие лёгкой промышленности, решить проблему избыточных трудовых ресурсов на селе, не допустив их перетока в города и дальнейшей маргинализации, увеличить доходы сельских жителей [Кучук, 2003].

В промышленности, начиная с 1984 года, началось развитие плановой товарной экономики. И важнейшим этапом стала модернизация промышленности. Для этого были предприняты следующие шаги:

1. Появление частных и коллективных предприятий, отказ от полной монополии государства на промышленное производство. Часть городских предприятий была переведена на самоокупаемость, руководители предприятий получили расширенные функции в сфере управления, возник частный сектор. Многие мелкие госпредприятия получили право изменить не только механизм хозяйствования, но и форму собственности;

2. Закупка нового иностранного оборудования с целью увеличения возможностей китайских заводов;

3. Отказ от идей чрезмерного производства времён Большого Скачка;

4. Введение системы двойных цен. Заводы должны были продавать часть своей продукции государству по закупочным ценам, а излишки — по рыночным;

5. Отмена эгалитарных зарплат.

Благодаря данным мерам начался рост промышленного производства, улучшилось качество продукции, выросла мотивированность работников, и появились крупные частные корпорации [Коуз, Ван, 2016].

Для налаживания внешнеэкономических связей было создано пять специальных экономических зон (Шэньчжэнь, Чжухай, Сямынь, Шаньтоу, Хайнань), а также двадцать открытых экономических зон. Все они получили различ-

ные инвестиционные и налоговые льготы для привлечения иностранного капитала и технологий. Китай стал проводить различные международные торговые, валютные и финансовые операции, а в экономику и производство пришли зарубежные инвесторы, что позволило простимулировать экономику как на макроэкономическом, так и на микроэкономическом уровне. Значительную долю ввозимого капитала на начальном этапе развития обеспечила китайская диаспора, проживающая преимущественно в странах тихоокеанского бассейна [Тер-Акопов, 2013].

В конце 1980-ых гг. Дэн Сяопином, лидером коммунистической партии Китая, было объявлено, что рынок — это не капитализм, а план и плановая экономика — не социализм. Поэтому уже в 1990 году реформы не только продолжались, но и расширялись. В качестве продолжения поддержки частной собственности в Конституцию была внесена поправка, признававшая легальную частную собственность неприкосновенной [Растворова, Арефьев, 2016].

Для привлечения зарубежных компаний китайское правительство внедрило систему наибольшего благоприятствования корпорациям, желающим создать производство на территории Китая. Помимо налоговых льгот была так же внедрена система, при которой предпринимателям, желающим создать производство, предоставлялся сопровождающий, который помогал максимально быстро и легко пройти все бюрократические согласования. Другим привлекающим инвесторов фактором был низкий уровень зарплат, что позволяло корпорациям тратить на производство значительно меньшие средства, чем в развитых на тот момент странах. Это позволило направить финансы в трудоемкие отрасли, где преобладал неквалифицированный и малоквалифицированный труд. Но постепенно основные сферы инвестиций изменились, деньги стали вкладывать в телекоммуникации, ИТ-технологии, машино- и автомобилестроение, химическую промышленность.

Долгое время в Китае практически отсутствовали экологические нормы, что сильно влияло на экологическую ситуацию, однако позволяло уменьшить затраты на производство и привлечь дополнительный капитал.

Основными финансовыми «донорами» на данном этапе были фирмы из США, Японии, Западной Европы. Компании вкладывали деньги в расширение китайского производства и открытие новых предприятий и фабрик, а также создавали в Китае собственные филиалы и заводы. Благодаря этому китайское производство смогло от простейшей сборки перейти к сложной обработке и изготовлению изделий. Это способствовало наращиванию экспорта товаров и предметов. В 2001 году Китай вступил во всемирную торговую организацию (ВТО), что позволило ему ещё нарастить темпы экспорта и увеличить число стран-импортеров китайской продукции [Тер-Акопов, 2013].

Теоретическая база проекта

Анализ основных этапов экономического чуда в Китае показывает, что некоторые из причин, его спровоцировавших, описаны в теориях региональной экономики. Так, первоначальные инвестиции в экономику Китая и дальнейшее массовое появление крупных западных корпораций стало возможно благодаря социальной близости. Первоначально вложения в китайскую экономику представлялись для западных инвесторов крайне рискованными: страна социалистического мира, только вышедшая из периода репрессий. Невозможно было предсказать вероятность новой смены правительства и курса страны, а, следовательно, и новой национализации предприятий, которые были бы созданы инвесторами. Эти риски отталкивали западных инвесторов, однако многочисленная китайская диаспора и её социальные связи позволили преодолеть первоначальный этап. Первыми инвесторами стали фирмы, принадлежавшие китайцам,

которые через родственников и друзей могли контролировать ситуацию в стране, тем самым снижая инвестиционные риски. Следом за ними в Китай потянулись и другие зарубежные компании, убедившиеся в безопасности ведения бизнеса в Китае.

Две различные экономические модели одновременно реализовывались на начальном этапе развития в деревне и в урбанизированных территориях. Деревенские фирмы развивались по модели «районов Бекаттини»: между всеми производителями существовали тесные социальные связи, что способствовало активным перетокам знания между производителями, а также позволяло легче выстраивать производственные и торговые цепочки, основанные на доверии.

Крупное производство в стране развивалось в соответствии с третьим циклом Кондратьева, через масштабную индустриализацию за государственный счёт. Масштабно строились новые дороги, заводы, создавались глобальные инфраструктурные проекты. Приходящие в Китай предприятия поощряли развивать не только производства, но и необходимую для них инфраструктуру. Китай до сих пор знаменит своими крупнейшими в мире проектами, такими как ГЭС «Три ущелья», а также необычными городами-призраками, которые, в отличие от городов-призраков в других странах, возникающих при оставлении их населением, не были заселены изначально.

Также китайцы при проведении реформ использовали фактор личности. Китайских чиновников специально направляли на обучение в Сингапур [Lee Kuan Yew], который ранее успешно прошёл путь от страны третьего мира до страны развитой. Использовать в полной мере опыт Сингапура Китай не мог, но стремился перенимать отдельные удачные идеи. Позже, когда доходы страны значительно возросли, китайцы стали активно приглашать на работу зарубежных специалистов.

Результаты реализации

«Китайское экономическое чудо» — уникальное явление в мировой экономике, которое на данный момент не удалось повторить даже несмотря на то, что некоторые страны Юго-Восточной Азии смогли создать часть предпосылок, которые привели к экономическому прогрессу Китая. Вероятно, полностью повторить успех Китая и невозможно, так как он имел два уникальных фактора развития и несколько отсутствующих во многих развивающихся странах. Однако повторять различные шаги, позволившие Китаю достигнуть роста в ряде отраслей, возможно и необходимо, в том числе и в нашей стране на региональном уровне.

Сейчас скорость роста китайской экономики значительно снизилась, что во многом связано с тем, что как экономика, так и уровень жизни китайцев достигли определённого уровня, за которым показывать огромные цифры ежегодного роста становится практически невозможным. В Китае значительно вырос уровень минимальной зарплаты, правительством было отменено значительное количество налоговых льгот для иностранных предприятий. Несколько лет назад были введены достаточно жёсткие экологические нормы, призванные исправить сложную ситуацию с экологической ситуацией, сложившуюся в Китае за последние десятилетия.

Всё это побуждает иностранные компании выводить производства из Китая, что не способствует быстрому экономическому росту. Однако на данный момент богатство Китая настолько возросло, что уже китайские корпорации могут позволить себе покупать европейские компании, создавать свои предприятия за рубежом и даже скупать огромные площади земель в других странах.

Несмотря на замедление темпов роста Китай продолжает развиваться и двигаться вперёд. Концепция рыночной экономики при социализме, созданная Дэн Сяопином, продолжает доказывать свою эффективность и в настоя-

щий момент. Китай стал не только второй экономикой мира, но также третьей страной мира по мощи военного потенциала, уступая лишь США и России. Китай заставляет весь мир считаться со своим мнением, его военное усиление спровоцировало появление термина «Жёлтая угроза», подразумевающего военную опасность, исходящую от Китая.

Китайское «экономическое чудо» сделало Китай одной из сильнейших стран мира. А возможным оно стало благодаря разумным реформам китайского правительства во главе с Дэн Сяопином, его гибкости и готовности воспринимать мир не только с точки зрения идеологических догм. Именно это заложило основу будущего чуда и, возможно, именно это тот компонент, которого всё ещё не хватает странам, пытающимся пойти по пути Китая и создать своё «экономическое чудо».

М. Д. Миронова

Литература

1. Китай // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов.
2. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. — М.: Новое издательство, 2016. — 490 с.
3. Кучук О. В. Трансформация отраслевой структуры сельской экономики как фактор сельской урбанизации Китая // Известия Восточного института. — 2003. — №7. — С. 18–24.
4. Растворова А. А., Арефьев П. В. Причины успеха аграрной реформы в Китае // Высшая школа. — 2016. — Т. 1. — №22. — С. 36–39.
5. Тер-Акопов С. Г. Специальные экономические зоны Китая как важная часть экономического роста // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. — 2013. — №24. — С. 38–43.
6. Ebrey P. B. Four Modernizations Era // A Visual Sourcebook of Chinese Civilization. University

of Washington. Archived from the original on October. — 2010. — Vol. 7.

7. Mühlhahn K. Making China Modern: From the Great Qing to Xi Jinping. — Harvard University Press, 2019. — 736 p.

8. In Lee Kuan Yew, China Saw a Leader to Emulate // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sinosphere.blogs.nytimes.com/2015/03/23/in-lee-kuan-yew-china-saw-a-leader-to-emulate/> (дата обращения 04.05.2021).

9. Китайское экономическое чудо // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mychinaexpert.ru/kitajskoe-ekonomicheskoe-chudo/> (дата обращения 04.05.2021).

2.9. США. Администрация долины реки Теннесси

Теоретическая база проекта

Одно из основных понятий советской экономической географии и региональной экономики — территориально-производственный комплекс (ТПК). Термин ТПК, в оригинале — ПТК, ввёл в научный оборот в 1940-50-х гг. Н. Н. Колосовский, который понимал под ним «экономическое (взаимообусловленное) сочетание предприятий в одной промышленной точке или в целом районе, при котором достигается определенный экономический эффект за счет удачного (планового) подбора предприятий в соответствии с природными и экономическими условиями района, с его транспортным и экономико-географическим положением» [Колосовский, 1947]. Материально-техническая основа районных ТПК — энергопроизводственные циклы. Концепция ЭПЦ также предложена Н. Н. Колосовским, в дальнейшем её разрабатывал А. Т. Хрущев. Энергопроизводственный цикл — это энергопроизводственная цепочка, устойчивая совокупность

взаимосвязанных производственных процессов, группирующихся вокруг процесса, основного для данного вида сырья и энергии. Включает последовательные стадии переработки от добычи и обогащения сырья до выпуска всех видов готовой продукции, которые можно производить на месте [Горкин, 2013].

В СССР ТПК были объектами государственного планирования и экономического районирования. Их размещали в районах, богатых природными ресурсами и малоосвоенных. М. К. Бандман отмечает, что безусловным приоритетом создания ТПК была цель развития единого народнохозяйственного комплекса, что «затушевывало многие важные моменты воспроизводственных процессов в территориальных системах разных уровней (ТПК — в частности), снижало значимость удовлетворения локальных интересов: отдельных предприятий, местных органов управления, собственно местного населения и т.п.» [Малов, 2014]. Конечно, подобная специфика тесно связана с идеологией советского государства и плановой основой экономики.

Вопрос о существовании ТПК в условиях рыночных отношений дискуссионный. С одной стороны, концепция разработана конкретно применимо к плановой экономике, и обращение к ней существует в самом определении ТПК. С другой стороны, В Л. Бабурин считает, что «развитие производительных сил, усложняющиеся и растущие связи между отдельными отраслями промышленности и всего хозяйства, кооперирование отдельных предприятий объективно способствуют стихийному (или при поддержке государства) формированию ТПК и в странах с рыночной экономикой» [Горкин, 2013]. Отсутствие противоречия между ТПК-подходом и условиями рыночной экономики отмечает и М. К. Бандман, приводя примеры успешного и часто необходимого серьёзного вмешательства государства в экономику: например, Администрацию долины реки Теннесси, подробнее о которой речь пойдет далее [Малов, 2014].

С 1990-х гг. в экономике и экономической географии стало распространяться понятие «кластер», введенное М. Портером. По одному из определений, кластер М. Портера — это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы государственного управления, инфраструктурные компании), действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга. «Кластер» часто сравнивают с ТПК, существует даже мнение, что это примерно одно и то же, но в разных научных парадигмах, а использование нового термина связано с меняющейся в науке «модой». Тем не менее, между кластером и ТПК выделяют определенные различия.

В первую очередь, это их ориентация на экономику разного типа. Также эти понятия часто разграничивают по признаку движущих сил их формирования (кластер — продукт рыночных сил; ТПК — продукт плана и административных решений). Кроме того, кластер и ТПК различают по признаку целевых установок. Считается, что «кластер способствует повышению групповой конкурентоспособности на основе использования новых знаний и инноваций, и это более четко проявляется в условиях территориальной компактности взаимодействующих предприятий; ТПК — форма реализации крупных народнохозяйственных программ, как правило, в регионах нового освоения или в староосвоенных, подлежащих коренной реконструкции».

Однако подобные рассуждения поддерживаются не всеми исследователями ТПК и приверженцами ТПК-подхода [Лаженцев, 2014]. На мой взгляд, различие кластера и ТПК по признаку яркого проявления конкуренции в первом имеет место быть (в то время как в ТПК наблюдается только кооперация). М. К. Бандман в качестве основных различий также выделяет масштаб преобразований (для ТПК это крупные изменения в пространственной

структуре хозяйства региона и страны в целом, для кластеров — мелкие и средние) и отношение к инновациям (для кластеров инновации — продукт их деятельности) [Малов, 2014]. Также выделяют особую роль фактора конечного потребителя: местного спроса для кластера и ориентацию на продукт для ТПК [Малов, 2006].

Характеристика проекта

Администрация долины реки Теннесси (англ. *Tennessee Valley Authority*, TVA или TBA) — один из крупнейших проектов регионального развития США, известный во всем мире. В частности, М. К. Бандман, подробно изучавший концепцию ТПК, предлагал современным ТПК в рыночных условиях (в первую очередь, Нижнему Приангарью) опираться на её опыт [Малов, 2014]. ТПК и TVA называют первыми и самыми важными примерами проектов пространственного развития в целом, схожими по высокой роли государства и цели эффективного использования природных ресурсов [Hadjimichalis, Melissourgou, 2015].

Проект TVA был развернут на территории долины реки Теннесси и затронул территории 7 штатов: большую часть Теннесси, значительные части штатов Алабама, Миссисипи и Кентукки, а также небольшие части штатов Джорджия, Северная Каролина и Вирджиния. Т. И. Горкина сравнивает эту территорию, природный бассейн, с небольшой страной, которую в начале XX века можно было назвать слаборазвитой. Её экономическую основу составляло сельское хозяйство с примитивной агротехникой — преимущественно хлопководство; не использовались удобрения, фермеры не владели техникой террасирования, плодородие почв неуклонно снижалось. Промышленность, особенно обрабатывающая, была развита крайне слабо, как и транспорт, медицина и образование. К 30-м годам душевой доход и доля занятых в промышленности в долине этой реки были вдвое ниже среднего по стране. Десятая часть населения оставалась неграмотной, по уровню

детской смертности и заболеваемости регион сильно отставал от средних значений по стране. Река Теннесси была непригодна для судоходства, а частые и разрушительные наводнения приносили огромные убытки (здесь и далее в качестве источников фактической информации использованы) [Джекобс, 2009; Горкина, 1998; Miller, 1998].

При этом регион определено обладал потенциалом развития: агроклиматические условия были благоприятными, а проекты плотин на реке разрабатывались с XIX века. Неподалеку располагались богатые месторождения угля. Также там находились запасы фосфоритов, и в период Первой мировой войны регион хотели начать развивать для производства взрывчатых веществ, однако с быстрым окончанием войны нужда в этом отпала, а позднее подобным проектам препятствовали частные компании, избегающие конкуренции с государством.

Вновь привлекли внимание к долине Теннесси разрушительное наводнение на Миссисипи в 1927 году, которое способствовало обеспокоенности властей насчет контролирования режима рек, и Великая депрессия, из-за которой резко усилилась проблема безработицы и немного ослабло давление частных предпринимателей на государство. Проект TVA запустили в 1933 г. в рамках Нового курса Рузвельта, в числе многих других антикризисных мероприятий. С правовой точки зрения, TVA — государственная корпорация, её главы назначаются президентом и подконтрольны сенату. Финансовое обеспечение предполагалось производить за счет займов и выпуска облигаций, а с 1936 года Корпорация должна была сама начать делать налоговые отчисления в пользу казначейства.

В преамбуле закона о создании TVA говорилось: «В интересах национальной безопасности, для сельского хозяйства и индустриального развития, улучшения условий навигации и контроля за наводнениями создать корпорацию под названием Администрация долины реки Теннесси». Таким образом, основой проекта стало строительство пло-

тин и дамб, которое позволило зарегулировать реку, а также создать в регионе большое количество рабочих мест. Кроме того, на этих водохранилищах строились гидроэлектростанции: программа предусматривала выработку электричества для промышленных нужд, например, производства удобрений (которые, в свою очередь, должны были использоваться для развития сельского хозяйства региона) и электрификации региона. При этом при строительстве гидротехнических сооружений электроэнергия рассматривалась скорее как побочный продукт, и потому была очень дешёвой.

На первом этапе существования ТВА большое внимание уделялось многостороннему развитию региона: отдельные подразделения занимались внедрением новых сельскохозяйственных техник, что привело к восстановлению плодородия почв и вырубленных лесов и росту доходов в секторе. ТВА строили дороги, госпитали, вели борьбу с анкилостомозом и малярией, занимались вопросами рекреации и охраны дикой природы, строительства и жилищно-коммунального хозяйства. При этом быстрыми темпами шло строительство плотин: к 1945 г. их насчитывалось более 20. Дешевизна электричества и работа администрации привлекла в регион энергоемкие производства — в первую очередь, заводы по производству алюминия и удобрений. Уже в 1939 г. заводы Американской алюминиевой компании («Алкоа»), расположенные в долине, заняли первое место в США по его выплавке. В самой ТВА к 1942 г. было трудоустроено около 40 тыс. жителей.

Во время Второй мировой войны регион стал еще более востребован — здесь разместились многочисленные государственные предприятия черной и цветной металлургии, энергоемкие производства взрывчатых веществ, боеприпасов, а затем и ядерные лаборатории, заводы (например, город Ок-Ридж).

По мнению автора, развитие ТВА на данном этапе можно сравнить с образцовым вариантом ТПК, основой которого стал гидроэнергопромышленный ЭПЦ. Сходства добавляет ориентация на использование ресурсов (один из источников упоминает, что внедрение ТВА стало возможностью опробовать мультиресурсную модель развития), а также широкое присутствие государственных, а не частных, предприятий в годы войны. При этом значительной положительной и отличительной чертой стало внимание проекта к местному населению и качеству его жизни, что иногда называют признаком кластера; хотя на первых порах речи о внутреннем спросе не шло — местные жители относились к ТВА со скептицизмом. Зато отметим, что в промышленном плане ТВА долгое время оставались конкурентоспособны, чему в концепции ТПК редко уделяется внимание.

Однако после Второй мировой войны эта ситуация изменилась. Уже во время нее был исчерпан гидроэнергопотенциал Теннесси, и для обслуживания промышленности были построены две ТЭС. К 1970 г. уже 80% электроэнергии региона вырабатывалось на твердом топливе, началось строительство атомных электростанций. При этом стоимость электроэнергии, конечно, значительно возросла — она перестала быть побочным продуктом; но регион уже стал специализироваться на её экспорте. Для удешевления электроэнергии ТВА строила всё новые предприятия, и закупала всё больше топлива, что привело к настоящему экологическому кризису в регионе и в окрестностях. Джейн Джекобс отмечает, что с каждым десятилетием развитие региона становилось все менее сбалансированным. При том, что всё время с начала проекта шли споры об оправданности его существования в рыночных условиях, после Второй мировой войны потеряло интерес к проекту и федеральное правительство: президент Эйзенхауэр назвал ТВА «подкрадывающимся социализмом» [TVA History].

Результаты реализации

Несмотря на значительные успехи региона в электрификации (к 1950-м гг. была электрифицирована почти вся сельская местность), интенсификации сельского хозяйства (уже к 1943 г. объем сельскохозяйственной продукции увеличился втрое) и борьбе с безработицей рост количества рабочих мест замедлился, многие люди все также жили в бедности, регион не становился богаче. В 1964 году президент Джонсон признал этот район депрессивным. В 1970 г. Медицинское исследование, проведенное правительством, показало, что часть штата Миссисипи, входящая в регион ТВА, занимает одно из последних мест в стране по уровню доходов семей, состоянию здравоохранения и качеству медицинской помощи. В 1976 г. на 1400 рабочих мест на новом заводе претендовало около 40 тыс. человек.

Дж. Джекобс связывает это с тем, что в регионе не было крупного города, который был бы способен развить собственную экономику — не за счет займов и перенесенных производств. Она отмечает, что ТВА удалось создать правдоподобный регион, прилегающий к большому городу, но без постоянных кредитов функционировать, а тем более развиваться, такое образование не может, а город так и не сформировался. Если бы в регионе был город, способный в условиях такого развития произвести что-то свое, новое, и, тем самым, заработать импорт, который регион потреблял в больших масштабах, то региональное развитие могло бы быть успешнее; без него долина реки Теннесси остановилась в развитии на уровне региона-поставщика.

При этом, на мой взгляд, проект нельзя назвать провальным. Во-первых, корпорация ТВА существует до сих пор, и существует на основе самокупаемости, будучи одной из крупнейших энергосистем мира. При этом в её составе теперь числятся и солнечные, и даже ветровые электростанции. Производство электроэнергии гибко:

оно востребовано до сих пор, в отличие от «соборов в пустыне» — промышленных предприятий Южной Италии, потерявших свою значимость на волне деиндустриализации. Во-вторых, эксперты оценивают влияние ТВА на национальную экономику США как положительное, отмечая, что выгода от проекта превысила затраты на него; хотя и не без оговорок — доходы в этом месте привели к убыткам в других. При этом они позитивно оценивают промышленное развитие ТВА после прекращения субсидирования, которое продолжилось за счет агломерационного эффекта (в сельском хозяйстве ситуация была обратной) [Kline, Moretti, 2014]. Таким образом, по крайней мере, как ТПК проект был успешен — в его рамках существовали предприятие, использующие местные ресурсы совместно и комплексно; он способствовал развитию хозяйственного комплекса страны.

Как проект регионального развития он более неоднозначен, что мы видим из оценки Джейн Джекобс, которая практически приравнивала ТВА и «соборы в пустыне», считая оба проекта нежизнеспособными из-за зависимости от внешних «вливаний капитала». Важной проблемой для успешного вклада в региональную экономику, кроме отсутствия большого города или его аналога, способного «зарабатывать импорт», стала снижающаяся конкурентоспособность системы — производить электроэнергию на ТЭС и АЭС можно практически где угодно, и видоизменившийся в рыночных условиях «ТПК» оказывается под угрозой. Назвать ТВА кластером, по крайней мере в первые десятилетия существования, сложно, так как не наблюдалось конкуренции внутри системы, всё производство было ориентировано на внешний спрос.

Можно согласиться с Джейн Джекобс в том, что наличие крупного города с активной экономикой могло бы улучшить ситуацию и сделать региональное развитие успешнее, по примеру того, как это произошло в Тайбэе. Возможно, оказалось бы благоприятным и внедрение кла-

стерной политики, создание сети более мелких местных предприятий, связанных с уже существующими предприятиями, так как они тоже могли бы «зарабатывать импорт»; однако для её внедрения все равно нужны низовые инициативы и местный спрос, а не только правительственные решения.

Существующий опыт работы ТВА определенно может быть полезным на конкретных этапах экономического развития: а именно, на преимущественно аграрном этапе развития производства, но при уже начинающейся индустриализации и при наличии в регионе конкурентных преимуществ — в случае ТВА это возможность производства дешевой электроэнергии. При этом необходим внутренний или хотя бы внешний спрос на новую инфраструктуру и производство: контр-пример — это строительство водохранилища и ГЭС в Гане, которые не стали значительно востребованными и не внесли ожидаемого вклада в развитие страны.

Е. С. Величко

Литература

1. Джекобс Д. Города и богатство наций. Принципы экономической жизни // Новосибирск, НП «Сибирская Гильдия девелоперов и управляющих недвижимостью. — 2009. — 332 с.
2. Колосовский Н. Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // Вопросы географии. — 1947. — №6. — С. 133–168.
3. Лаженцев В. Н. Территориально-производственные комплексы (ТПК): из прошлого в будущее // Известия Коми научного центра УРО РАН. — 2014. — №3 (19). — С. 136–143.
4. Малов В. Ю. Марк Константинович Бандман. Избранные труды и продолжение начатого. — Новосибирск, 2014. — 447 с.

5. Малов В. Ю. ТПК и кластеры: общее, особенное, частное // Всероссийский экономический журнал ЭКО. — 2006. — №11 (389). — С. 2–18.

6. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А. П. Горкин, Смоленск: Ойкумена, 2013. — 328 с.

7. Hadjimichalis C., Melissourgos Y. 5 Steel industry, geography and regional development // Industry and Work in Contemporary Capitalism: Global Models, Local Lives? — 2015. — P. 81–90.

8. Kline P., Moretti E. Local economic development, agglomeration economies, and the big push: 100 years of evidence from the Tennessee Valley Authority // The Quarterly journal of economics. — 2014. — Vol. 129. — №1. — P. 275–331.

9. Miller B. A. et al. (ed.). Comprehensive river basin development: the Tennessee Valley Authority. — World Bank Publications, 1998. — Vol. 23. — 89 p.

10. Горкина Т. И. Комплексное преобразование долины реки Теннесси [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/TENNESSI.HTM> (дата обращения 05.05.2021).

11. TVA History [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tva.com/about-tva/our-history/tva-heritage/the-great-compromise> (дата обращения 05.05.2021).

2.10. Перу. Перуанское «экономическое чудо»

Экономическое чудо Перу датируется первой декадой XXI в. Под «экономическим чудом», как правило, подразумевается период 2002–2010 гг., когда темпы роста национальной экономики Перу достигали одних из самых высоких значений в Латинской Америке: в среднем около

6,5–7,0% в год. Тем не менее, сущность экономического чуда, а точнее, правомерность использования данного понятия применительно к Перу, порождает множество дискуссий и споров в отечественной и зарубежной научной литературе.

Теоретическая база проекта

Часть исследователей утверждает, что экономическое чудо Перу — реальность, которая является следствием целесообразной и рациональной внешней и внутренней политики властей в условиях повышения цен на сырьевые ресурсы в начале 2000-х гг. [Сазонов, 2013; Chirinos et al., 2008]. Другие авторы утверждают, что употреблять словосочетание «экономическое чудо» применительно к краткосрочному экономическому росту в Перу несколько некорректно, поскольку главным фактором роста в этом случае была положительная конъюнктура на мировом рынке природных ресурсов [Flor, 2014; Vergara, Encinas, 2016].

Большинство социально-экономических исследований, изучающих Перу, рассматривает роль смены политического курса страны в 1990-х гг. в развитии современной структуры экономики, а также делает акцент на положительных и отрицательных аспектах реформ открытости, проводимых президентом А. Фухимори в 1991–1999 гг., на социальную сферу и качество жизни населения [Фигуэроа, 2018; Gruber, Orihuela, 2017]. В частности, Э. Райнерт в своей книге [Райнерт, 2011] отмечает негативные последствия мер перуанского правительства, направленных на поощрение свободной торговли, в первую очередь, для населения и национального благосостояния. Автор уверен в том, что развитие свободной торговли не является двигателем экономического роста для стран, не обладающих высоким уровнем развития промышленности. Успех же, по мнению Э. Райнерта, достигается благодаря сочетанию государственных мер умеренного протекционизма и стра-

тегических инвестиций, направленных на развитие отраслей внутри страны.

Добывающая отрасль Перу

Перу обладает обширными запасами ценных природных ресурсов. Страна занимает 3-е место в мире по добыче меди, серебра, цинка, олова, теллура, 4-е место по добыче свинца и молибдена и 5-е — по добыче золота и ртути. Горнодобывающая отрасль генерирует около 10% ВВП, 40% промышленного производства, 60% экспорта и привлекает большую часть прямых иностранных инвестиций, направленных в Перу (40% ПИИ, 4 млрд долл. США в 2017 г.). При таком доминировании добывающего сектора в экономике страны неизбежно возникают негативные эффекты, затрудняющие экономический рост и дальнейшее социально-экономическое развитие («голландская болезнь», коррупция, упадок социальной сферы).

Сегодня горнодобывающая отрасль Перу контролируется крупными компаниями, в которых преобладает иностранный капитал. Фактически около 80% от общего объема производства меди в 2018 г. осуществлялось 6 крупными фирмами: Antamina, Southern Copper Corporation, Cerro Verde, Antapaccay, Minera Las Bambas и Chinalco (рисунок 5). В производстве золота и серебра существует большее разнообразие компаний, однако шесть компаний контролируют более 50% объемов производства.

Рисунок 5 — Главные добывающие компании Перу (медь)

Источник: [Ministerio de Energía y Minas]

Тем не менее, пример Перу показывает, что «эффект колеи» иногда помогает извлекать и положительные факторы для развития на основе узкоспециализированной модели экономики при должном внимании к институциональной среде.

Эволюция реформ и государственных мер 1960–1990 гг.

С 1960 по 1980 гг. во главе государства стояла военная хунта, которая следовала политике агрессивного протекционизма. Фактическим итогом данной политики стала практически полная национализация главных предприятий в основных отраслях, особенно в добывающей отрасли (в 1960 г. была полностью национализирована добывающая промышленность, а к 1980 г. под управление государства попали страховая сфера и большинство частных банков). Череда внутренних политических кризисов и неблагоприятная конъюнктура на сырьевых рынках породили экономические и социально-политические проблемы, в результате чего к 1990 году

в стране наблюдались гиперинфляция, дефицит сырья и продуктов питания, политическая нестабильность, социальные протесты и беспрецедентный уровень бедности (более 60% населения Перу находились за чертой бедности). Производственный, транспортный и социальный блоки инфраструктуры также находились в плачевном состоянии: износ основных фондов в промышленности достиг уровня 60% [Bebbington, Bury, 2009].

1990–2001 гг.

Очевидно, что в подобных условиях страна нуждалась в структурной перестройке и смене действующего курса, и такие перемены, в некоторой степени радикальные, были предложены правительством президента А. Фухимори, пришедшего к власти в 1990 г. Под его руководством Перу стала более открытой для иностранных инвестиций, а принятие новой конституции позволило урегулировать процесс поступления ПИИ. Президентство А. Фухимори проходило под девизом всеобщей приватизации. Роль государства в экономике резко сократилась, а для ПИИ было снято большинство из ранее существующих барьеров: инвестиции привлекались во все отрасли (кроме оборонной), была установлена государственная защита окупаемости инвестиций и упрощена налоговая система. Особо значимым оказалось принятие 27-го сентября 1991 года законодательного декрета №674, утверждающего закон «О поощрении частных инвестиций в государственные предприятия», результатом которого стало создание комиссии по вопросам частных инвестиций (COPRI), отвечающей за руководство процессом поощрения частных инвестиций в сфере предприятий, составляющих государственную предпринимательскую деятельность.

Во времена нахождения у власти А. Фухимори очевидно проявление концепции социальной близости. Как известно, А. Фухимори обладает японскими корнями, и в целом в Перу проживает внушительная диаспора японцев по происхождению (около 1,5% населения). Также Перу —

первая страна в Латинской Америке, установившая дипломатические отношения с Японией в 1873 г. Именно на период президентства Фухимори (1990–2000 гг.) пришлось расширение японских компаний в Перу: создание подразделений и предприятий компаний Nokia в конце 1990-х гг. (Nokia-Siemens Peru), Toyota (Toyota del Peru) и Komatsu-Mitsui Maquinerías Peru в начале 2000-х гг.

Однако результаты реформ к концу второго срока А. Фухимори во главе Перу нельзя охарактеризовать как положительные. Несмотря на то, что страна начала развиваться в духе концепции свободной торговли, были отмечены рост безработицы (9,4% в 1999 г. против 5,4% в 1991 г.) и усиление региональных диспропорций. Политика плавающего валютного курса, принятая правительством, привела к упадку национальной промышленности и ликвидации ряда местных производителей, зависимость Перу от импорта резко возросла.

Э. Райнерт в своей книге утверждает, что структурная перестройка экономической модели Перу в контексте свободной торговли была преждевременной, иллюстрируя свое высказывание примером из молочной промышленности [Райнерт, 2011]. Резкое повышение цен на бензин в стране обеспечило стремительный рост транспортных издержек для фермеров, поставляющих молочную продукцию на внутренний рынок. В результате государство было вынуждено начать импортировать сухое молоко из Нидерландов.

2001 — настоящее время

Несмотря на негативные последствия реформ открытости курс на стимулирование свободной торговли и увеличение открытости экономики был продолжен преемниками А. Фухимори на президентском посту: А. Толедо (2001–2006 гг.), А. Гарсия (2006–2011 гг.) и О. Умала (2011–2016 гг.). Тем не менее, базовые принципы развития экономики Перу, заложенные в начале 1990-х гг., сыграли в положительном контексте лишь спустя десятилетие

и привели к тому, что сегодня называется экономическим чудом Перу, которое стало реальностью благодаря двум главным факторам:

1. Положительная конъюнктура на мировом рынке полезных ископаемых в начале XXI в.;

2. Ряд институциональных преобразований и успешное перераспределение доходов «локомотивной» добывающей отрасли.

Опуская подробную характеристику первого фактора и принимая во внимание то факт, что высокие цены на сырье, экспортируемое Перу, отразились на возникновении важнейших драйверов экономического роста — эффекта низкой базы (после негативных последствий либеральных преобразований) и «раскрутке» мультипликативного эффекта — выделим главные направления внутри второго фактора, представляющего больший интерес для понимания механизма введения мер по оживлению экономики в условиях внутренней специфики страны.

I. Ключевое направление реформ: налоговая сфера и механизм перераспределения доходов горнодобывающей промышленности.

С 2001 г. в Перу действует система «горнодобывающего канона» (canon minero, Закон №27506: «Канонический закон» от 10 июля 2001 г.). Данная система регулирует процесс перераспределения налоговых поступлений горнодобывающих компаний, а именно, 50% всех налоговых поступлений в горнодобывающей отрасли (подходный налог: ставка 29,5%; налог с продаж IDV (аналог НДС) в размере 18%; специальный налог на добычу полезных ископаемых со ставкой от 2% до 8,4%; налог на дивиденды в размере 5% выплат; роялти (1–12%)) распределяются между местными и региональными органами власти и региональными университетами. Дальнейшее перераспределение «канона» выглядит следующим образом:

- 10% поступает в органы местного самоуправления муниципалитета или муниципалитетов, в которых эксплуатируются природные ресурсы;

- 25% для тех же органов власти, но от районных и провинциальных муниципалитетов;

- 40% распределяется между органами местного самоуправления в составе департаментов или управлений регионов;

- 25% уходит в региональные органы власти (20% от полученных средств региональные власти обязаны передать национальным университетам, находящимся под их юрисдикцией).

«Канон» призван решить и основную проблему развития горнодобывающей отрасли Перу в лице социальных конфликтов: забастовки и социальные волнения в результате осуществления добычи. Население, заинтересованное в повышении качества здравоохранения, условий труда и в улучшении социальной инфраструктуры получает четкое представление о том, на что тратятся деньги, полученные благодаря извлечению ценных природных ресурсов, а отправка средств напрямую в местные и региональные бюджеты помогает рационально осуществлять процесс инвестирования в инфраструктурные проекты.

Таким образом, половина средств, полученных от деятельности по добыче полезных ископаемых, уходит напрямую в регионы и муниципалитеты, что позволяет эффективно использовать средства в тех регионах, где это необходимо, а также снижает коррупционные риски.

Для Перу характерно едва ли не самое высокое налоговое бремя в добывающей отрасли среди стран Латинской Америки: 45–50% выручки компаний уходит на уплату налогов. В России, например, данная цифра разнится в зависимости от компании: если налоговая нагрузка для Газпрома в 2016 г. остановилась на отметке 19,1%, то для Роснефти эта цифра находилась на уровне 27,1% за тот же период. В других компаниях: Норильский

Никель — 15,2%, Алроса — 18,5% [Ministerio de Economía y Finanzas de Perú].

II. Другое важное направление реформ — стимулирование ПИИ. Росту ПИИ способствуют приоритетные аспекты политики властей:

- Заключение торговых соглашений.

С 1990-х годов правительством Перу были подписаны более 20-ти двусторонних инвестиционных соглашений (в частности соглашение с США), а также 11 соглашений о свободной торговле как с латиноамериканскими государствами (Чили, Венесуэла, Коста-Рика, Гондурас, Мексика, Панама), так и с азиатскими (Китай, Япония, Южная Корея, Таиланд, Сингапур), Европейским союзом и Европейской организацией свободной торговли (Исландия, Швейцария, Норвегия и Лихтенштейн), а также с Канадой. Каждое из соглашений закрепляет прерогативу инвесторов подавать в суд на государство в международных судах, если правительственные постановления или действия на любом уровне влияют на их ожидания в отношении прибыли [PWC].

- Законодательное закрепление гарантий со стороны государства для инвесторов.

Основные законодательные нормы: Законодательный указ об утверждении системы правовой стабильности для иностранных инвестиций (Законодательный указ №662), Законодательный указ об утверждении рамочного закона о росте частных инвестиций (Законодательный указ №757), Закон, регулирующий соглашения о правовой стабильности (Закон №27342), Верховный указ об утверждении Положения о системах гарантирования частных инвестиций (Верховный указ №162-92-EF) [United Nations Conference on Trade and Development].

III. Организация устойчивой системы государственно-частного партнерства.

Основной упор властями Перу был сделан на развитие государственно-частного партнерства при выполне-

нии инфраструктурных проектов, в частности, изданы: Закон №29230 «Осуществление работ взамен налогов», Закон о введении договоров правовой стабильности. Данные законодательные акты позволяют частным компаниям рассчитывать на существенные налоговые льготы и поощрения со стороны государства при условии их участия в проектах как на региональном, так и муниципальном уровне. Также законом №28660 было утверждено особое национальное агентство по поощрению частных инвестиций (PROINVERSION), в качестве децентрализованного государственного органа, характеризующегося максимальной прозрачностью решений и открытостью всей документации [Сазонов, 2013; Memoria Anual de Proiversion; Revista Energiminas. La recaudación tributaria minera y su distribución].

Оценить успешность работы данного механизма можно по уже существующим объектам: строительство линий связи Трухильо–Чиклайо и Моебамба–Икитос, газопровода в Трухильо, многоцелевого Северного причала в Кальяо, портового вокзала в Икитосе и в Сан-Хуан-де-Маркона, а также еще незаконченные проекты: новая линия метро в Лиме, «Международный аэропорт Чинчеро» в Куско, порты в городах Писко, Пайта и Юримагуас, развитие сети аэродромов в Амазонии (Хауха, Уануко, Хаен).

IV. Борьба с ростом занятости в неформальном секторе и снижение занятости в теневой экономике.

Ключевыми мерами по данному направлению являются:

- Сокращение «внезарплатных» расходов малых и средних предприятий (государство берет на себя часть выплат, положенных при увольнении и т.п.);
- Государственная система контроля неформальной занятости.

В Перу с середины 2000-х годов фирмы обязаны направлять свои платежные ведомости в специальный государственный орган. Передаются общие сведения о работ-

никах (средний возраст и т. д.), заработной плате и типе контракта. Все эти сведения ежемесячно представляются вместе с налоговой декларацией фирмы при помощи электронной системы начисления заработной платы [Gustafsson, Scurrah, 2019].

Результаты мер начали проявляться, что называется, на глазах. Если в 2000 г. занятость в неформальном секторе составляла умопомрачительные 70%, то в 2018 г. Перу удалось понизить эту отметку до 45%.

V. Стимулирование смежных отраслей и поиск нового пути развития в рамках уже устоявшихся отраслей (*new path creation*). А также рост внутреннего спроса в добывающей отрасли.

Так, наряду с увеличением объема добычи меди и с ростом производительности труда, связанным с развитием технологий, в Перу началось активное развитие производства горно-шахтного оборудования и горного машиностроения, а также развитие услуг, связанных с добывающей промышленностью: геологоразведка, консалтинговые услуги и планирование освоения месторождения. Особо выделяется национальная компания Exsa, которая осуществляет свою деятельность не только внутри Перу, но и в зарубежных странах: в Бразилии, Панаме, Колумбии и других странах Латинской Америки. В 2018 г. компания зарегистрировала 9 патентов, связанных с использованием взрывчатых веществ и электродной сварки в горнодобывающей промышленности. Также компании принадлежит уникальная технология Quantex, которая значительно снижает стоимость и воздействие на окружающую среду в результате фрагментации горных пород при добыче полезных ископаемых [Molina, 2018].

Внутренний спрос генерируется за счет наличия крупных компаний в добывающей отрасли, поскольку именно крупные компании заинтересованы в развитии аутсорсинга для непрофильных видов деятельности: геологоразведка, исследования пород и услуги по оказанию техниче-

ской помощи (ремонт техники). Сегодня в Перу местные производители сумели завоевать долю на рынке оказания услуг для добывающего сектора, однако существующее техническое оснащение местных компаний не позволяет горнодобывающим компаниям полностью избавиться от импорта оборудования и услуг [Gustafsson, Scurrah, 2019].

Бедность как блокировка развития

Несмотря на то, что в Перу был достигнут существенный прогресс в борьбе с бедностью населения (уровень бедности в 1990 г. — 60%, в 2018 г. — 20%), низкий уровень доходов населения в отдаленных от побережья регионах остается наиболее острой социальной проблемой, тормозящей социально-экономическое развитие страны. Основными мерами поддержки малоимущего населения в Перу являются национальные программы, включающие в себя как прямые выплаты гражданам, доход которых не позволяет им преодолеть черту бедности, так и финансирование отдельных направлений для поддержки бедного населения: социальные выплаты (Juntos), программы по питанию школьников (QaliWarma) [Сазонов, 2013].

Также за последние 10 лет правительство Перу направило фокус своего внимания на развитие социальной инфраструктуры: строительство социального жилья и школ (программы Techo, Vivienda rural и Fundación mi Apartamento), а также восстановление старых и строительство новых транспортных путей в отдаленных регионах страны (Сьерра и Сельва) с целью повышения степени связности территории [Memoria Anual de Proiversion].

Результаты реализации проекта

Опыт Перу может быть полезен и для других ресурсных развивающихся стран, однако осуществление полного копирования мер вряд ли можно считать объективным

методом воздействия на экономику. Во-первых, в Перу сложилась система свободной торговли, которая стала результатом радикальных структурных реформ 1990-х гг. Данная система обладает недостатками, о которых пишет Э. Райнерт. Например, слишком раннее «открытие» экономики усугубляет бедность населения и негативно влияет на социально-экономическую ситуацию в долгосрочной перспективе в странах, не обладающих значительным уровнем развития промышленного производства. Преодолеть негативные последствия ранней открытости Перу позволили высокие цены на сырьевые ресурсы в начале 2000-х гг., что является еще одним допущением в перуанской модели.

Принимая во внимание оба этих допущения можно резюмировать основные институциональные меры, необходимые отстающим ресурсным странам для достижения экономического роста в долгосрочном периоде:

1. Налаживание механизма перераспределения доходов сырьевых отраслей за счет упрощения налоговой системы и осуществления прямых поступлений от налогов горнодобывающих компаний в местные и региональные бюджеты внутри регионов добычи данных ресурсов (как правило, эти ресурсы находятся в отдаленных от крупных центров регионах, за исключением шельфовой добычи);

2. Стимулирование ПИИ на законодательном уровне и путем заключения торговых соглашений с другими странами;

3. Налаживание государственно-частного партнерства, нормы и правила которого будут закреплены законом (работы взамен налогов, налоговые льготы), особенно в сферах социального обеспечения и при создании инфраструктурных объектов;

4. Стимулирование смежных отраслей промышленности и сферы услуг: финансирование специализированных университетов, улучшение социальных условий для местных специалистов;

5. Осуществление государственных социальных программ, главная цель которых — снижение уровня бедности населения, повышение грамотности и социального обеспечения населения.

Таким образом, реформам экономики Перу, несмотря на высокие темпы экономического роста, еще предстоит проверка временем. Социальные условия и качество жизни населения на данный момент далеки от уровня развитых стран. Проблема регионального неравенства в Перу сегодня также является довольно острой. Экономический рост был достигнут, однако социально-экономическое развитие страны — результат поэтапной эволюции государственных институтов, общественных установок и экономико-политической сферы.

К. А. Пикаев

Литература

1. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными [Текст] / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автомова; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2011. — 384 с.

2. Сазонов В. Е. Особенности правового обеспечения и реализации Дабаган Э. С. Перу: восходящий региональный гигант // Мировая экономика и международные отношения. — 2013. — №12. — С. 56–65.

3. Фигуэроа С. С. Влияние международной торговли на социальное развитие и создание благоприятного инвестиционного климата в Латинской Америке (на примере Перу) // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — Т. 8. — №5А. — С. 151–158.

4. Bebbington A. J., Bury J. T. Institutional challenges for mining and sustainability in Peru // Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2009. — Vol. 106. — №41. — P. 17296–17301.

5. Chirinos R. et al. ¿ Puede el Perú ser un nuevo milagro

económico? — Lima: Banco Central de Reserva del Perú, 2008.

6. Flor P. Mining and Economic Development in Peru // *ReVista* (Cambridge). — 2014. — Vol. 13. — №2. — P. 24.

7. Gruber S., Orihuela J. C. Deeply rooted grievance, varying meaning: The institution of the mining canon // *Resource Booms and Institutional Pathways*. — Palgrave Macmillan, Cham, 2017. — P. 41–67.

8. Gustafsson M. T., Scurrah M. Unpacking the extractivist state: The role of weak state agencies in promoting institutional change in Peru // *The Extractive Industries and Society*. — 2019. — Vol. 6. — №1. — P. 206–214.

9. Molina O. Innovation in an unfavorable context: Local mining suppliers in Peru // *Resources Policy*. — 2018. — Vol. 58. — P. 34–48.

10. Vergara A., Encinas D. Continuity by surprise: explaining institutional stability in contemporary Peru // *Latin American Research Review*. — 2016. — P. 159–180.

11. Doing business and investing in Peru // PWC [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iberglobal.com/files/2016/peru_guide_pwc.pdf (дата обращения 05.05.2021).

12. Anuario Minero // Ministerio de Energía y Minas de Perú [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://www.minem.gob.pe/minem/archivos/file/Mineria/PUBLICACIONES/ANUARIOS/2018/AM2018\(VF\).pdf](https://www.minem.gob.pe/minem/archivos/file/Mineria/PUBLICACIONES/ANUARIOS/2018/AM2018(VF).pdf) (дата обращения 05.05.2021).

13. Canon. Ministerio de Economía y Finanzas de Peru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://energiminas.com/la-recaudacion-tributaria-minera-y-su-distribucion/#::~:~:text=Las%20tasas%20son%20las%20siguientes> (дата обращения 05.05.2021).

14. Memoria Anual de Proiversion. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cdn.www.gob.pe/uploads/document/file/545904/Memoria_anual_de_ProInversion_2012.pdf (дата обращения 05.05.2021).

15. Revista Energiminas. La recaudación tributaria minera y su distribución Режим доступа: [https://energiminas.com/la-recaudacion-tributaria-minera-y-su-distribucion/#:~:text=Las%20tasas%20son%20las %20siguientes](https://energiminas.com/la-recaudacion-tributaria-minera-y-su-distribucion/#:~:text=Las%20tasas%20son%20las%20siguientes) (дата обращения 05.05.2021).

16. Investment Policy Review: Peru // United Nations Conference on Trade and Development Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/iteiipmisc19_en.pdf (дата обращения 05.05.2021).

Часть 3. Эволюционное страноведение: время становления

Введение: от комплексного и проблемного к эволюционному страноведению

Концепция страноведения, впервые разработанная в России в рамках исследовательских работ русских путешественников под эгидой Русского Географического общества в XIX веке, обречена меняться и осовремениваться. Первоначально страноведение представляло из себя народоведение, то есть описание народов. Можно назвать этот период становления страноведения как концепции, как нового междисциплинарного научного поля, поэтому антропогеографическим (народы есть, а страны с относительно стабильными границами еще нет).

Потом, уже в годы советской индустриализации, возникло новое комплексное индустриальное страноведение. В нем были страны, экономические районы, отрасли национальной экономики, а народы из комплексного страноведческого описания, напротив, постепенно исчезали. Данную тенденцию, например, хорошо отразила книга А. И. Трейвиша «Развитие России глазами страноведа: горд, район, страна и мир» [Трейвиш, 2009].

В эпоху тотальной индустриализации эта тенденция исчезновения народов из страноведения была абсолютно объективной: хозяйство, производительные силы, материальное производство «пережимали» социальное. Изобретение проблемного страноведения экономико-географами позднесоветского периода не переломило эту тенденцию, но имело задачей сфокусировать индустриальное страно-

ведение на критических точках развития экономики страны, критических отраслях и районах, которые требовали особого внимания для успеха форсированной индустриализации [Машбиц, 1998].

Эволюционное страноведение представляет собой попытку радикального обновления теории, методологического и методического аппарата прежнего индустриального (комплексного и проблемного) страноведения, чтобы обеспечить большую совместимость концепции с реалиями постиндустриального общества и экономики знания, современного мира нестационарной экономики и непредсказуемой политики. Для таких условий наиболее адекватно подходит аппарат эволюционной теории, как раз и нацеленный схватывать реальность постоянных изменений и трансформаций.

Таким образом, можно постулировать существование «пирамиды» страноведения, в основании которой находится комплексное страноведение, затем, в ее средней части — проблемное страноведение, и на вершине — эволюционное страноведение. Данные по количеству статей, в текстах которых сочетаются слова «страноведение» и «комплексный», «проблемный», «эволюционный» в базе научной электронной библиотеки e-library на 10 ноября 2021 года (соответственно 3948, 2145 и 571) подтверждают этот интуитивный вывод.

Эволюционное страноведение — молодая, развивающаяся концепция, в разработке которой пока участвуют единицы наших коллег. Поэтому ее разработка и дальнейшее развитие является высоко актуальным и практически ориентированным делом.

Анализ возможных истоков развития теоретической базы эволюционного страноведения позволяет выделить (вслед за классиками) три основных источника этого нового направления [Ленин, 1960].

1. Российское / советское комплексное страноведение

Страноведение — абсолютно российская концепция. Английский перевод *Regional Studies* (региональные исследования) не передает всей многогранности (и «страдательного залога») первых российских страноведческих описаний.

Классическим примером научного описания первого, «антропострановедческого», периода можно считать работу Л. С. Берга «Бессарабия». В ней страна предстает как место проживания народов, а не размещения хозяйства (что стало впоследствии, в индустриальном страноведении, нормой). Берг пишет про «необычайную пестроту народов» своей малой Родины, что «через Бессарабию прошла нескончаемая вереница народов, одни из которых совсем не останавливались здесь, другие лишь короткое время, третьи — более долгое» [Берг, 1918, с. 43].

Огромное внимание уделено описанию институтов, по которым организована жизнь страны и ее отдельных частей: например, в некоторых уездах действует румынское, в других общерусское право, в третьих — местные законы самой Бессарабии. Так же работают и суды: в одних уездах и случаях — по молдавским правилам, в других — по общероссийским. Географически различается структура земельной собственности: в северной и средней части страны — это частные владения; на юге — наделы казны, то есть государственные [Берг, 1918, с. 148]. Берг описывает специфичные институты собственности монастырей: «преклоненные» монастыри — передача части земельного имущества монастыря Бессарабии Синайскому или Афонскому монастырю в Греции. На развитие приграничных территорий влияют институты соседней страны, институты метрополии влияют на развитие колоний и так далее.

Для автора в целом характерно исключительное внимание к институциональным изюминкам организации жизни страны и ее частей. И здесь напрашивается сравнение с последовавшим советским индустриальным стра-

новедением, для которого была характерна подспудная унификация институтов в пространстве и во времени (то есть квази-незыблемость). Для антропострановедения Л. С. Берга, как и для нашего эволюционного страноведения, это абсолютно нетерпимо. Формальные и неформальные институты активно изменяются на различных участках пространства страны, в ее регионах и районах, и в различные периоды времени. И эта динамика значительно влияет на развитие страны, то есть на важнейший сюжет страноведения.

Акцент на народы и институты в антропострановедении в работе Л. С. Берга проявился и в приемах страноведческого анализа: не вообще демографическая динамика, а в контексте институциональных реформ страны, времени их начала и характера протекания; не просто развернутая характеристика каждого проживающего в Бессарабии народа, его обычаев, обрядов и др., но в контексте влияния других культур, воздействия культурных обычаев и институтов соседей; не вообще экономическое развитие, а в контексте ограничений развития в виде местных (типичных) болезней населения (с определением уровня здоровья каждого населяющего Бессарабию народа). Вместо районного раздела описания страны, характерного для последовавшего советского индустриального страноведения, здесь приводится описание населенных пунктов по веткам железнодорожных магистралей.

Акцент на народы и институты в страноведческом описании привел автора к существенной большей глубине исторической ретроспективы, чем это стало принято в индустриальном страноведении, с привлечением методического багажа археологии, этнографии, культурологии. Вопросы духовной культуры (например, в виде теоретической рамки культурного ландшафта) являются у Берга составной, органичной частью страноведения — и это опять находится в разительном контрасте с индустриальным страноведением.

Знакомство с работой Л. С. Берга как образцом антропострановедческого описания подвигает к выводу, что в этом раннем периоде зарождения российского, еще предреволюционного, страноведения для нас, сегодня развивающих концепцию эволюционного страноведения, есть много ценного: акцент на институты, формальные и неформальные обеспечивает пластичность описания и приемов анализа, существенно большую, чем это возможно в индустриальных координатах; глубокая ретроспектива позволяет выявить генетику развития, его катализаторы и блокировки, которые подчас не ухватывается в более коротком временном ряду; социализация процесса экономического развития страны обеспечивает плодотворный, конструктивный, синтез с другими общественными науками и плодотворное использование методического аппарата соседних со страноведением как ветвью экономической географии социологии, антропологии, демографии и др.

После дореволюционного антропострановедения последовало комплексное индустриальное страноведение, основанное Н. Н. Баранским. Комплексность стала главным средством лечения от банальности простого географического описания страны, потому что в ней была заложена идея связей между явлениями, идея междисциплинарности, идея системного подхода, когда внутренние межотраслевые и межрайонные связи страны анализируются в контексте ее связей с внешним миром. Пионерные усилия Баранского были продолжены в страноведческой школе Витвера-Вольского. Ее ключевыми особенностями стали панорамный жанр, т. е. стремление не ограничиваться мелкими деталями описания, но видеть объект страноведческого описания крупно и целостно (например, Британская империя в ее развитии за весь период существования); акцент на динамику трендов, а не изучение статичной «фотографии» страны; прогностический характер, то есть конструктивная практическая ориентирован-

ность. Важнейшим достоинством этой школы была сильная методологическая вооруженность: в описании стран одновременно были задействованы методы научной диалектики (акцент на противоречия и конфликты); экономического районирования не от административных границ или ландшафтных зон, а от глубокого внутреннего знания природно-хозяйственных рубежей и потенциала развития различных территорий страны; типологии, по сути, на эволюционных принципах. Весь этот теоретический багаж сохраняет свою актуальность и в эволюционном страноведении.

Остановимся более подробно на эволюционных «штрихах» в работах основоположника школы — И. А. Витвера [Витвер, 1998]. Их несколько. Во-первых, это акцент на возраст, а конкретно на этап формирования и становления отраслей (специально выделены «молодые отрасли», которые имеют высокую технологическую продвинутость), связанных с ним технологических революций [Витвер, 1998, с 293]. Не только возникновение новых отраслей, но и создание новых государств с первичным установлением границ описывает Витвер на примере США. Это чисто эволюционный сюжет.

Во-вторых, он описывает процесс массового переформатирования послевоенного мира [Витвер, 1998, стр. 285–292]: речь идет о Версальском переделе мира после Первой мировой войны. Этот одномоментный передел политических границ стран напоминает идеи Берга о массовом зарождении новых видов одновременно сразу на гигантской площади в его «Номогенезе». Из его историко-географического страноведческого очерка можно видеть, как многообразие стран с точки зрения степени и юридических форм их зависимости (колонии, протектораты, совладения и так далее) постепенно в XX веке уменьшается: «промежуточные» формы уходят в прошлое.

В-третьих, Витвер многократно описывает переселенческий процесс, выделяет в нем «струи» и анализирует их

генезис. Здесь возникает переключка с работами В. В. Вольского, который предостерегал, что «великое переселение народов всегда в истории подрывало древние империи, ускоряло кризис общественного строя. И нередко при этом новая возникающая культура была примитивнее ранее существовавшей и завоеванной» [Вольский, 2009].

В-четвертых, в своем описании империй Витвер вплотную подходит к современному анализу цивилизаций, который мы считаем составной частью эволюционного страноведения, потому что империи — это и есть во многих случаях цивилизации. И, как и Вольский, предостерегает угрозой «новой архаики», когда происходит порабощение высокой и тонкой культуры пришельцами гораздо более примитивного культурного уклада. Для нашего сегодня это звучит более чем актуально.

Очень поучительно зауженное понимание Витвером исторического подхода к географическим процессам, которое отражает сформированный в раннесоветской общественной науке канон: исторический подход как анализ и понимание конкретных исторических условий конкретной эпохи, но не эволюционно, не в «длении», не в процессности. Условно говоря, исторический процесс в витверовском страноведении есть, а страногенеза нет. Есть внимание к стартовой фазе формирования, образования, новизны, но нет слежения за последующими стадиями зреления, расширения, затухания и распада.

Полноценно эта линия возникает уже у В. В. Вольского, который дает описание (общий алгоритм) развития десяти империй: 1) накопление энергии в ядрах, метрополиях; 2) взрыв этой энергии — завоевания, разрушения, экспансии империй; 3) созидание, распространение культуры, организация отдачи империи; 4) кризис и падение империи [Вольский, 2009, с. 205]. Идея жизненного цикла развития стран (страногенез), империй-цивилизаций очень органична сути концепции эволюционного страноведе-

ния. Не может быть раз и навсегда заданной страны, цивилизации — все они находятся в процессе постоянных изменений и перерождений в новое.

Абсолютно в духе эволюционного страноведения строится типология стран В. В. Вольского [Наумов и др., 2019]: ведь она по своей сути динамична и предполагает эволюционные или революционные «мутации» стран и перехода из одного типа в другой. Чтобы еще больше укрепить нашу убежденность в эволюционной природе его концепции, сам Вольский проводит прямые аналогии между своей типологией стран мира и систематикой К. Линнея [Вольский, 2009, с. 24]. Как для Линнея классификация растений стала инструментом совладать с эволюционным разнообразием, так для Вольского типология стала не просто методом научного анализа, но способом совладать с разнообразием стран мира (как «топливом эволюции»), обуздать эволюционное изобилие.

Эволюционный дух типологии стран Вольского прослеживается во многих чертах: все страны рассматриваются в динамике своего развития (в движении возможных переходов из типа в тип); в типологии используются критерии возраста молодые суверенные государства) [Вольский, 2009, с. 161], размера страны (малые привилегированные нации), переселенческого процесса — драйвера эволюции (страны переселенческого капитализма), критерии географической изоляции (источника формирования новых видов) — беднейшие страны [Вольский, 2009, с. 268]; выделяются временные, переходные типы стран [Вольский, 2009, с. 21]. Чтобы обеспечить жизненность конструкции, Вольскому пришлось отказаться от модной в то время механистической статичной классификации и прийти к существенно более живой и жизненной. Но это обеспечило ему обращение (пусть и неосознанное) к понятиям теории эволюции.

Душа эволюции — смена траекторий развития — прогресс, регресс, адаптация — и резкое ускорение развития

против прежнего. «Выход из числа угнетаемых стран хотя бы в раздел „кандидатов“ В. И. Ленин считал делом невероятно трудным», пишет В. В. Вольский, подступаясь к самой важной теме эволюционного страноведения: как стране сменить траекторию развития на более успешную [Вольский, 2009, с. 252]. В последние два десятилетия в мире вышло немало книг, посвященных именно теме смены траектории развития страны («Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными» Эрика Райнерта, «Как Китай стал капиталистическим» Рональда Коуза и др.) [Reinert, 2007; Coase, Wang, 2012].

Российское и советское страноведческое наследие исключительно богато методологически, методически, фактологически. Оно обязательно должно быть задействовано при создании теории эволюционного страноведения. При этом нужно понимать и его внутренние ограничения, которые были естественным результатом характера той эпохи, в которой рождалась конкретная страноведческая концепция. В дореволюционную эру было много народоведения, мало хозяйства (но его еще масштабно и не было). В советскую индустриальную эпоху было много хозяйства, но мало народов. Периодически в индустриальном страноведении исчезала идея развития, хотя подчас были и страны, и народы, и даже хозяйство. Сегодня обязательно нужно учитывать эти поучительные уроки прошлого развития российской/советской страноведческой концепции.

2. Эволюционная экономика — эволюционная экономическая география — эволюционное страноведение

Вторым интеллектуальным ресурсом для развития эволюционного страноведения является уже состоявшаяся прививка эволюционной парадигмы в экономике и экономического географии. Процесс развивается последовательно во времени следующим образом: эволюционная

экономика => эволюционная экономическая география => эволюционное страноведение.

В 1980-е годы появилась нашумевшая книга Р. Нельсона и С. Уинтера «Эволюционная теория экономических изменений», которая порывала с многолетней традицией статичного равновесия в моделях экономической неоклассики [Нельсон, Уинтер, 2000]. Авторы предприняли попытку возродить эволюционную по сути теорию экономического развития Й. Шумпетера, с его опорой на предпринимателя-новатора. Эволюция в авторской интерпретации используется как синоним неравновесия, подвижной, поисковой нестабильности. В духе теории эволюции они поставили во главу угла своей книги проблему экономических изменений, внешних и внутренних для системы. А эволюция означает необходимость экономической системе совладать с вызовами постоянных изменений. Так для нас в страноведении задается приоритет акцента на изменения, динамику, движение, трансформацию, преобразование.

Своей цитатой «Адекватность эволюционного подхода на уровне крупной общественной системы еще очевиднее, чем на уровне фирмы или отрасли» [Нельсон, Уинтер, 2000, с. 436] авторы просто даруют нам свободу творить в духе эволюционного страноведения — смелее, чем они делают это на уровне фирмы.

Здесь в эволюционном аспекте можно выделить две грани. Первая — эволюционное страноведение в смысле географии развития стран мира, и это понимание проводится в большинстве работ современных наших коллег (А. И. Трейвиш и др.). Это можно назвать «внешней» трактовкой эволюционного страноведения. Вторая — эволюционное страноведение в смысле «страногенез», то есть зарождение, расширение, стабилизацию, сжатие и перерождение стран. Здесь сама страна становится объектом эволюционного отбора. Это можно назвать «внутренней» трактовкой эволюционного страноведения.

Представляется, что они обе имеют право на существование.

Среди книг по эволюционной экономике обязательно нужно отметить работу Дж. Ходжсона, в которой он прямо увязывает эволюцию и институты [Hodgson, 2001]. Это дает нам право использовать термины эволюционное страноведение и институциональное страноведение просто как синонимы. Это возвращает к ранним работам по страноведению, например, Берга, в которых институтам управления страной придавалось огромное внимание, и они справедливо полагались органичной частью страноведческих описаний. Автор делает важное разграничение между эволюцией в природной мире, где наследование приобретенных признаков невозможно (эволюция по Дарвину), и эволюцией в социоэкономической сфере, в которой оно возможно (эволюция по Ламарку). Для страноведения это означает возможность «научения» страны в результате своей истории.

Спустя полтора–два десятилетия после появления эволюционной экономики усилиями голландских экономико-географов возникла эволюционная экономическая география [Koen, 2007]. В эволюционном подходе к экономической географии сделан фокус на динамику: на процессы, которые создают и уничтожают институциональные отношения, на самотрансформацию изнутри экономической системы. Приоритетными исследовательскими сюжетами здесь стали трансформация ранее сложившихся рутин и институтов, феномен зависимости от прошлого пути.

Авторы сборника выделяют фазы экономической эволюции: 1) фаза доформационная, когда существует исходное значительное разнообразие, альтернативы выбора; 2) фаза создания траектории, отбор пути, набора критической массы; 3) фаза блокировки, выбора пути в результате самоусиливающегося кумулятивного процесса; 4) фаза разрушения траектории за счет внешних шоков. Вся эта конструкция может быть работоспособной и при анализе

развития страны как процесс выхода и схода с определенной траектории развития (эволюции траекторий).

В другой монографии описано формирование траектории в результате случайного события или инцидента, а дальше она закрепляется ввиду возникновения блокировок (эффекта критической массы, когда уже трудно отвернуть) [Boschma, 2010]. Подчеркивается нелинейность эволюционного процесса и его сильнейшая зависимость от контекста (внешней среды). Авторы сборника доказывают значение институтов, которые могут быть и инструментами блокировок, и способом формирования контекста. А следить за эволюционными прыжками возможно через анализ динамики конфигураций сетей различных акторов в пространстве, то есть наблюдая переконфигурации возникающих новых связей.

Путь от эволюционной экономики к эволюционной экономической географии и эволюционному страноведению завершился в 2002 году, когда А. С. Фетисов предложил этот термин и саму концепцию в сборнике, посвященном памяти В. В. Вольского [Фетисов, 2002]. Идея и здесь состояла в том, чтобы привнести в страноведение динамический элемент, поставить в центр страноведения идею развития стран, изменение (эволюции) их траекторий развития. Попутно, но очень важно для детализации механизмов развития стран было сформулировано понятие резонанса как действия факторов социально-экономического развития страны в унисон, и диссонанса, когда те же самые факторы, действующие асинхронно, гасят друг друга или даже приводят к противоположному результату.

В следующей статье А. С. Фетисова с соавторами по данной тематике понятие эволюционного страноведения уже было вынесено в заголовок [Фетисов, 2002]. В обоснование новой концепции авторы привели примеры, когда «наложение мировых трендов на разный страновой контекст дает неожиданные, порой драматичные ре-

зультаты». «Эволюционный подход призван усилить его способности генерировать эпистемологические знания, ставить диагноз и выдавать прогноз...» [Фетисов, 2002, стр. 18–19]. Была поставлена задача изучать страны как «эволюционирующие системы», определять коридор стабильности (сейчас бы сказали, потенциал жизнестойкости) в целях управления.

В своей третьей статье по эволюционному страноведению А. С. Фетисов увязывает его с «институциональным поворотом», т.е. подтверждается идея, что термины эволюционное или институциональное страноведение можно использовать почти как синонимы [Фетисов, 2011]. Автор однозначно увязывает эволюционное страноведение с географией развития, то есть понимает его преимущественно «внешне» (не как страногенез).

3. Теория эволюции как источник нового вдохновения для понимания географии развития как объекта эволюционного страноведения

В рамках концепции эволюционного страноведения предлагается не ограничиваться только внешней его трактовкой, но сделать саму страну объектом эволюционного отбора (страногенеза): при определенных условиях страна может исчезнуть как не выдержавшая испытаний эволюции. В этой аналогии страны и организма или вида речь идет о внутренней трактовке эволюционного страноведения.

По мере углубления в использование метафор из эволюционной теории неизбежно возникает интерес к современным дискуссионным вопросам эволюции, без прояснения которых возможна остановка в развитии концепции эволюционного страноведения. На основе работы Берга «Номогенез» [Берг, 1922] можно выделить несколько таких дискуссионных линий. Во-первых, следует ли считать эволюцией только постепенные, «по зернышку», преобразования в результате действия

случайных сил естественного отбора (так по Дарвину), или же относить к эволюции и радикальные, одномоментные (направленные) преобразования сразу на обширных географических ареалах (эпидемически, массово, скачком) (так по Бергу)?

Вся реальность одновременного сдвига сразу блоков стран с одной траектории развития на другую подкрепляет правоту Берга. Закрепим в качестве рабочей гипотезу о развитии стран на основе внутренних «закономерностей, захватывающих сразу значительное число стран на обширной территории» (а не случайных вариаций, которым подвергаются единичные страны путем медленных беспрерывных изменений). И этот процесс часто идет скачками, «пароксизмами», мутационно, а не медленно и инкрементально.

Здесь очень поучительным представляется заблуждение Ю. Г. Саушкина, который считал, что изменения признаков могут быть только постепенными и инерционными, но никак не разом, не скачком [Саушкин, 1980]. На самом деле, если принять точку зрения Л. С. Берга, такие изменения часто происходят рывком, скачкообразно, и они тоже относятся к эволюционным изменениям. В реальности в развитии стран, конечно, имеет место и постепенность, и радикальность изменений траекторий развития, и одиночное, и сразу массами стран, на обширной территории. Страны могут развиваться одновременно и континуально, то есть непрерывно, и дискретно, то есть рывками.

Во-вторых, можно «поиграть» с аналогиями между эволюцией видов по Дарвину и с эволюцией стран по Бергу (понимая все ограничения сравнения столь разнородных объектов, признаем, что аналогии зачастую отлично будят исследовательскую мысль). У Дарвина в центр эволюционных изменений был поставлен фактор естественного отбора, а у Берга — роль внешней среды и ландшафтов: «Эволюция идет по строго определенным законам,

вне зависимости от борьбы за существование и взаимопомощи» [Берг, 1922, с. 31]. Так кто же здесь прав? Возвышение географического фактора сразу же поднимает наверх фактор географической изоляции как источник видообразования, формирования новых форм. Проверка странизлятов по естественным или рукотворным (институциональным, санкции) причинам на появление в них особых форм «одинокого» развития уместна и оправданна с точки зрения проверки положений теории эволюции. Более умеренная позиция состоит в том, что в видообразовании имеет место и внешние, ландшафтные, и внутренние (борьба за существование) влияния.

В-третьих, не ясно: можно ли считать разнообразие бесконечным «топливом» эволюции, или же оно ограничено, природа экономна, и число ходов эволюции тоже ограничено? От ответа на данный вопрос зависит, насколько высоко мы ценим разнообразие — а вся современная западная литература в общественных науках исходит из безусловной ценности разнообразия, даже ценой хаоса и какофонии, срыва в неуправляемость. Поэтому это далеко не только теоретический, но сугубо прикладной и управленческий вопрос — и для эволюционного страноведения, безусловно, важный. Увеличивается ли разнообразие типов стран мира (например, были странысовладения, доминионы, протектораты, мандатные территории и др., а теперь они стали частью истории), или, наоборот, оно постепенно стирается за счет выклинивания маргинальных видов? Это открытые вопросы, на которые не предложено пока ответов.

В-четвертых, кажется очевидным, что центр, который доминирует над периферией, задает импульсы социальных (ценностных и других) изменений для страны в целом. Так считал Й. Шумпетер. Однако известный канадский экономист Г. Иннис полагал, что как раз наоборот, именно те (нередкофронтирные) области и регионы, которые получают возможность «ускользнуть» от рестриктив-

ного влияния центра, обретают возможность динамичного развития. Об этом свидетельствует, например, успех китайских реформ первоначально на периферии страны, феномен капиталистической русской Аляски в феодальной стране и др. Для отчетливого понимания пружин экономического развития стран нужно видеть оба этих механизма в их соотношении, сравнительной силе.

Развивая свои идеи о ценностях фронта страны, Г. Иннис писал о том, что новые технологии в первую очередь апробируются именно на территориях пионерного хозяйственного освоения, которые более открыты к социальным изменениям, и лишь потом уже работают в центре, где подвергаются атакам более консервативных элементов (пример — восстание луддитов).

А. Н. Пилясов

Литература

1. Берг Л. С. Бессарабия. Страна-люди-хозяйство. — Петроград: «Огни», 1918. — 242 с.
2. Берг Л. С. Номогенез или Эволюция на основе закономерностей. — Петербург, 1922. — 306 с.
3. Витвер И. А. Избранные сочинения. — Издательство МГУ, 1998. — 591 с.
4. Вольский В. В. Избранные сочинения. — Москва-Смоленск, 2009. — 378 с.
5. Горкин А. П., Трейвиш А. И., Фетисов А. С. Траектории развития стран мира и эволюционное страноведение // Вестник Московского университета. Серия 5. География. — 2005. — №2. — С. 18–28.
6. Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма // Ленин В. И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Политиздат. — 1960. — Т. 23. — С. 40–48.
7. Машбиц Я. Г. Комплексное страноведение / Проблемное страноведение и мировое развитие. — М. Смоленск, 1998. — 238 с.

8. Нельсон Р., Уинтер С. Дж. Эволюционная теория экономических изменений. — М. Финстатинформ, 2000. — 474 с.

9. Саушкин Ю. Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. — М. Просвещение, 1980. — 269 с.

10. Типология зарубежных стран: учебно-методическое пособие / А. С. Наумов, Р. А. Дохов, Д. С. Елманова, Ф. А. Попов / под ред. А. С. Наумова. — М.: Типография Пеликан, 2019. — 336 с.

11. Трейвиш А. И. Развитие России глазами страноведа: город, район, страна и мир. — М.: Новый Хронограф, 2009. — 375 с.

12. Фетисов А. С. География развития и страноведение // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2002. — №6. — С. 28–43.

13. Фетисов А. С. От историко-географического очерка в экономико-географической характеристике страны к эволюционному страноведению // Сб.: Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Москва-Смоленск. — 2011. — Т. 19. — С. 83–94.

14. Boschma R., Martin R. The Handbook on Evolutionary Economic Geography. — Edward Elgar, 2010. — 560 p.

15. Coase R., Wang N. How China Became Capitalist. — Palgrave Macmillan, 2012. — 267 p.

16. Hodgson G. Evolution and Institutions. On Evolutionary Economics and the Evolution of Economics, 2001. — 314 p.

17. Koen F. (ed.). Applied Evolutionary Economics and Economic Geography. — Edward Elgar, 2007. — 326 p.

18. Reinert E. S. How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor. — London: Constable & Robinson, 2007. — 400 p.

Приложение 1. Словарь терминов и понятий

Агломерационный эффект (англ. *agglomeration effect / economies of agglomeration*) — стр. 19, 21, 22, 31, 50, 124

«Атмосфера Маршалла» (англ. *marshallian (industrial) atmosphere*) — стр. 13, 20, 32

Близость (англ. *proximity*) — стр. 19, 23, 112

Блокировки инновационного развития (англ. *lock-in of innovative development*) — стр. 19, 22, 23, 28, 30, 34, 56, 88, 137

Большой скачок в Китае (англ. *Great Leap Forward*) — стр. 106

Великая пролетарская культурная революция (англ. *Great Proletarian Cultural Revolution*) — стр. 106, 107

Голландская болезнь (англ. *dutch disease*) — стр. 128

Доверие (англ. *trust*) — стр. 19, 20, 24, 29, 31, 34, 70, 74, 81, 89, 113

Институциональная сфера (англ. *institutional sphere*) — стр. 7, 10, 85, 86, 129

Кластер (англ. *cluster*) — стр. 19, 21, 28, 30, 31, 46, 47, 50, 75, 87, 91, 118, 119, 122, 124

Кооперирование (англ. *cooperation*) — стр. 74, 117

Креативный класс (англ. *creative class*) — стр. 3, 13, 20, 34, 59, 62, 64, 65

Модель тройной спирали инноваций (англ. *triple helix model of innovation*) — стр. 86, 91

Мультипликативный эффект (англ. *multiplier effect*) — стр. 76, 132

Нео-индустриализация (англ. *neo-industrialization*) — стр. 55, 58

Подход инициации снизу (англ. *learning region*)

approach) — стр. 50

Полюс роста (англ. *growth pole*) — стр. 15, 70, 71, 75

Район Бекаттини (англ. *Becattini district*) — стр. 19, 113

Ребрендинг (англ. *rebranding*) — стр. 59

Региональная инновационная система (англ. *regional innovation system (RIS)*) — стр. 84, 85, 86, 87, 90

Реиндустриализация (англ. *reindustrialization*) — стр. 55, 56, 58

Сельская промышленность (англ. *rural industry*) — стр. 109

Сети предприятий (англ. *enterprise networks*) — стр. 123

«Собор в пустыне» (англ. *desert cathedral*) — стр. 15, 68, 72, 74, 124

Социальный капитал (англ. *social capital*) — стр. 19, 29, 50, 89, 91

Социальная укорененность деятельности компании (англ. *social embeddedness/rootedness*) — стр. 19, 24, 32, 34, 88

Спин-офф, или выделение организации (англ. *spin-off*) — стр. 88

Территориально-производственный комплекс (англ. *territorial-production complex*) — стр. 116–119, 122, 124

Технологический уклад (англ. *technological style*) — стр. 4, 12, 13

«Толщина» институтов (англ. *institutional thickness*) — стр. 88

Фактор личности (англ. *personality factor*) — стр. 9, 32, 108, 113

Циклы Кондратьева (англ. *Kondratiev waves / K-waves / long waves*) — стр. 12, 103, 113

Человеческий капитал (англ. *human capital*) — стр. 4, 13, 14, 17, 63, 64, 65, 74, 87

Экстерналия (англ. *externality*) — стр. 19, 21, 22, 30, 33

Эффект колеи (англ. *path dependence*) — стр. 22, 129

Эффект низкой базы (англ. *low base effect*) — стр. 132

Оглавление

Введение	3
Часть 1. «Матрица территории», или в поисках современных факторов социально-экономического развития стран и регионов	7
Часть 2. Анализ примеров смены траектории социально-экономического развития стран и регионов	18
2.1. Россия. Балкон как российский коворкинг или секрет калужского экономического чуда	18
2.2. Россия. Феномен смены специализации Татарстана (за последние 25 лет)	41
2.3. Германия. Социально-экономическая трансформация Рурского региона в 1960-х гг.	53
2.4. Германия. Галле: от химических заводов к медиа-индустрии	62
2.5. Италия. Соборы в Пустыне: провал инициативы «Касса Меццоджорно»	68
2.6. Австрия. Инновационный ИТ-парк Хагенберг: «Силиконовая долина Австрии»	77
2.7. Китайская республика (Тайвань): Земельная реформа	95
2.8. КНР. Китайское «экономическое чудо»	105
2.9. США. Администрация долины реки Теннесси ...	116
2.10. Перу. Перуанское «экономическое чудо»	126
Часть 3. Эволюционное страноведение: время становления	142
Приложение 1. Словарь терминов и понятий	159

Эволюционное страноведение: материалы к курсу
Часть 1. Смена траектории регионального и странового
развития: разбор примеров

Редактор Надежда Юрьевна Замятина

Пособие по курсу «Эволюционное страноведение» содержит материалы анализа экономических реформ в разных странах и регионах. Для обучающихся по специальности «Экономическая география» и смежным направлениям будет полезно для понимания возможностей применения тех или иных инструментов экономического развития на конкретной территории. Настоящая книга — второе издание пособия. По сравнению с более ранним вариантом добавлена третья часть — материалы по теории эволюционного страноведения.

ISBN 978-5-0055-6343-9

9 785005 563439 >